

Лемперт Г.

Демографический анализ
последствий немецкой оккупации
1941–1945 г.г. по Латвийской ССР.
Рига, 1946. 163 с.

Lemperts G.

Vācu okupācijas demogrāfisko seku analīze
Latvijas PSR 1941.–1945. g.
Rīga, 2014 [kopija]

Par G. Lemperta disertāciju.

Fragments no grāmatas: Vīksna A. Latvijas Universitātes Medicīnas fakultāte. 1919–1950. R., 2011, 193.–196. lpp.

Pirmās pēckara disertācijas LVU Medicīnas fakultātē tapa ar ļoti lielām grūtībām, jeb neierastas un neskaidras bija prasības, bet pati procedūras gaita – grūti prognozējama. Nepietika ar disertācijas aizstāvēšanu vietējā augstskolā, jo pavisam negaidīti šķēršļi, pie tam ne tikai zinātniski, varēja rasties Augstākā atestācijas komitejā Maskavā, kurp disertācijas tika sūtītas apstiprināšanai, jo tikai pēc tam oficiāli varēja sākt lietot zinātnisko grādu un saņemt noteikta apjoma piemaksu pie amalgas.

Visai neparasts bija LVU Medicīnas fakultātes lektora un docenta v.i., Veselības aizsardzības organizācijas katedras pirmā vadītāja Grigorija Lemperta medicīnas zinātņu kandidāta disertācijas “Демографический анализ последствий немецкой оккупации 1941–1945 гг. по Латвийской ССР” liktenis. Tā kā Rīgā vēl attiecīga zinātniskā padome nebija izveidota, G. Lemperts savu disertāciju aizstāvēja Maskavas 1. Medicīnas institūtā 1946. gada 30. decembrī. Notikuma aculiecinieks vai vismaz labs zinātājs Fjodors Grigorašs, kas tolaik bija LPSR veselības aizsardzības ministra vietnieks un vēlāk RMI profesors, šo rindu autoram vairākkārt tika stāstījis, ka G. Lemperts disertāciju bija pavairojis tipogrāfiski kādos 50 eksemplāros pēc pirmskara LU Medicīnas fakultātes noteikumiem un pasniedzis to padomes locekļiem, kas izraisījis apbrīnu, jo vēl daudzus gadu desmitus pēc tam PSRS disertācijas tika drukātas ar rakstāmmašīnu un pavairotas ar koppapīru dažos eksemplāros. Arī disertanta uzstāšanās bijusi ļoti efektīva un izraisījusi sajūsmu daudziem padomes locekļiem, visvairāk jau bijušajam pirmajam KFPSR veselības aizsardzības tautas komisāram, kvēlajam Ļeņina līdzgaitniekam, profesoram un akadēmiķim Nikolajam Semaško. Taču spoži norisošo procesu pārtraucis kāds padomes loceklis un sēde pārtraukta, lai sasauktu padomes locekļu – VK(b)P biedru – slēgtu sapulci. Kas tur noticis, F. Grigorašs nezināja, taču atpakaļ padomes sēdē N. Semaško atgriezies stipri remdenāks, laikam citu pāraudzināts. Disertācija tomēr guvusi padomes atbalstu, G. Lempertam piešķirts medicīnas zinātņu kandidāta grāds, taču vairāk nekā pēc gada, 1948. gada 21. februārī, PSRS Augstākā atestācijas komiteja padomes lēmumu atcēla, atzīstot disertāciju

par politiski kaitīgu, kā arī lūdzot PSRS augstākās izglītības ministru Sergeju Kaftanovu nodot G. Lempertu goda tiesai, tāpat izskatīt jautājumu par oficiālo oponentu profesoru Arkadija Merkova (1899–1971) un Arona Bojarska (1906–1985), kas bija ievērojami medicīnas statistikas speciālisti, nodošanu goda tiesai par politisku tuvredzību (labi, ka tā!). Šis lēmums arī apspriežams un novērtējams PSRS medicīnas augstskolās¹.

Bet noticis bija, lūk, kas. Vispirms nelabvēlīga atsauksme par G. Lemperta darbu bija parādījusies vissavienības presē², bet pēc tam Latvijas krievu avīzē³. Maskavā kritikas autors bija Nikolajs Turanovs, vēlāk profesors dermatovenerologs, Rīgā – kāds Kacs, varbūt tas ir kritiķa pseidonīms. G. Lempertam tika pārmesta vēsturisko faktu kropļošana, nezinātniska koncepcija – bioloģiskie faktori prevalējot pār sociāliem; fašistiskās statistikas datu reklamēšana, zemisku pretpadomju ideju paušana, nepareizu datu apkopošana un tendencioza skaidrošana, līdzjutība 1939. gadā aizbraukušajiem vācbaltiešiem, fašistu literatūras citēšana, padomju dzīves īstenības apmelošana. Visu šo iemeslu dēļ pārtraukta pēc disertācijas teksta īstenotā monogrāfijas salikšana ar profesora A. Bojarska priekšvārdu.

Savukārt LPSR Veselības aizsardzības ministrijas 1948. gada kadru atskaitē, ko parakstījis jau minētais F. Grigorašs, norādīts uz idejiski politiskās audzināšanas nepietiekamību, jo tapusi G. Lemperta disertācija, kas ir faktus izkropļojošs, antimarksists un antiļeņinisks darbs, kuru nosodījusi ministrijas kolēģija, bet LVU iepriekš nav nopietni recenzējusi⁴. Vēl bargāka pirms tam bijusi Latvijas PSR Galvenā literatūras pārvalde (proti, cenzūra), kuras priekšnieks Valentīns Jaunzems 1947. gada pārskatā minējis, ka aizliedzis G. Lemperta (norādīta izkropļota uzvārda forma – G. Lamberts) grāmatu „Demogrāfiskā vācu okupācijas seku analīze 1941.–1945. gadā Latvijas PSR”. Cenzora atsauksme nosūtīta LK(b)P CK un LPSR Veselības aizsardzības ministrijai⁵. „Tā rezultātā Lamberts,” rakstīja V. Jaunzems, „tika atbrīvots no vadoša darba Veselības aizsardzības ministrijā, bet

¹ LU arhīvs, 7. apr., 1596. l., 34.–39. lp.

² Туранов Н. В плену реакционных теорий // Мед. работник, 1947, 20 ноября.

³ Кац И. Злобный пасквиль под флагом научной диссертации // Сов. Латвия, 1947, 27 дек.

⁴ LVA, 1022. f., 14. apr., 93. l., 16., 19. lp.

⁵ V. Jaunzema vēstule veselības aizsardzības ministra vietniekam V. Ozoliņam atrodas „docenta” Jakova Švarca personīgā lietā, kas ļauj domāt par viņa lomu šais notikumos. – PDVA, 440. f., 2. p. apr., 71. l., 148.–151. lp.

LK(b)P CK pieņēma lēmumu vērsties pie PSRS Augstākās izglītības ministrijas izskatīt jautājumu par medicīnas zinātņu kandidāta grāda piešķiršanu par šo darbu.”⁶ Lūk, no kuras puses pūta vējš!

Taisni jābrīnās, ka pēc tik asa uzbrukuma G. Lemperts palika relatīvi neskarts, jo, tiesa gan, atstājis darbu ministrijā un augstskolā, turpināja to Rīgas pilsētas 1. slimnīcā. Vēl jau arī ebreju vajāšana Staļina pirmsnāves gaisotnē nebija sākusies⁷.

⁶ Strods H. PSRS politiskā cenzūra Latvijā 1940–1990. R., 2010, 1. d., 194.–196. lpp.

⁷ Par G. Lemperta turpmāko dzīvi jāsaprot, ka viņš nespēja un pievērsās tolaik jaunam virzienam – elektrokardiogrāfijai, 1955. gadā Ļeņingradā no jauna aizstāvēja medicīnas zinātņu kandidāta disertāciju “К вопросу методики количественной характеристики направления электрической оси сердца”, izdeva grāmatas “Ievads klīniskā elektrokardioloģijā” (R., 1961) un “Основы электрокардиологии” (M., 1963), visbeidzot, balstoties uz radniecību, 1963. gadā emigrēja uz Austriju; miris Vīnē. Urna ar pelniem apbedīta Šmerļa kapos Rīgā. Šo rindu autoru ļoti interesēja G. Lemperta disertācijā ietvertais fakts materiāls, jo statistikas datus par attiecīgo laikposmu bija grūti dabūt. Turklāt varēja pieļaut, ka šie dati būtu pietiekami detalizēti, vēl ņemot vērā, ka disertants pats bijis Veselības aizsardzības ministrijas Statistikas biroja vadītājs. Vispirms tika meklēts rakstveidā PSRS Centrālā medicīnas bibliotēkā, kur ir īpaša disertāciju nodaļa un kurā tās obligāti nonāk pēc aizstāvēšanas. Pēc tam, nodrošinoties ar īpašām atļaujām, kādas bija nepieciešamas padomju laikā, tika meklēts dažu lielāko bibliotēku t.s. specfondos, balstoties pārliecībā, ka viss, kas vien ir nodrukāts (īpaši PSRS), ir saglabājies un saglabāts, vienīgi, kur un kā tikt klāt. Pēdējais mēģinājums tika veikts pirmsatmodas laikmetā LPSR Veselības aizsardzības ministrijā Rīgā, Skolas ielā 28, jo kādu citu līdzīgu izdevumu bija izdevies atrast, aizkritušu aiz grāmatvedības skapja atvilktnes pirms vairākiem gadu desmitiem. Rakājoties pa statistikas biroju ar vadītājas atļauju un viņas klātienē ar nelielu baiļu izteiksmi sejā, beidzot atradām aizsietu mapi ar sarkanu uzrakstu “Секретно”, kur tik tiešām bija ar paša G. Lemperta roku veikti kaut kādi aprēķini uz izsvaidītām lapiņām. Varbūt tas bija pārpalikums no iznīcinātiem svarīgākiem rakstiem. Var jau būt, ka slēpt un iznīcināt vajadzēja tāpēc, ka demogrāfiskās sekas nemaz tik briesmīgas nebija, toties, no otras puses, sistematizēti dati, piemēram, mirstība pa nozoloģijām, tagad būtu ārkārtīgi noderīgi.

Īsbiogrāfija no grāmatas: Vīksna A. Latvijas
Universitātes Medicīnas fakultāte. 1919–1950.
R., 2011, 402.–403. lpp.

Grigorijs LEMPERTS

Dzimis 16. augustā 1906 Rīgā.

Tēvs Leonids Lemperts (1880–1946), ārsts; māte Cilla, mūzikas skolotāja.

Vidējo izglītību ieguvis Rīgā.

Studējis Vīnes universitātes Medicīnas fakultātē 1924–30, *Dr. med.* Zināšanas pilnīgojis Hamburgā 1930–31. Studējis LU 1931–32, ārsts 1932.

Latvijas armijas ārsts leitnants 1932–33. Lauku ārsts Naukšēnos 1933–34. Brīvi praktizējošs ārsts Aizputē 1934–37. Rajona un pilsētas ārsts Piltenē 1937–40. Rajona ārsts Vidrižos 1940. LPSR galvenā sanitārā inspektora vietnieks 1940–41, 1944–45. Ārsts Derbentā, Dagestānā, 1941–44.

LVU lektors 1944–46, docenta v.i. 1947. Veselības aizsardzības organizācijas katedras vadītājs 1945–47.

Medicīnas zinātņu kandidāts 30. decembrī 1946 1. Maskavas Medicīnas institūtā, disertācija “Демографический анализ последствий немецкой оккупации 1941–1945 гг. по Латвийской ССР”; grāds atņemts ar PSRS Augstākās atestācijas komitejas lēmumu 21. februārī 1948.

Rīgas pilsētas 1. slimnīcas ārsts, nodaļas un kabineta vadītājs 1948–63. RMI asistents 1952–53.

Medicīnas zinātņu kandidāts 1955 Ļeņingradā, disertācija “К вопросу методики количественной характеристики направления электрической оси сердца”.

Pēc 1963 emigrācijā Austrijā.

Pētījumi elektrokardiogrāfijā, sanitārā statistikā, demogrāfijā.

Viena PSRS medaļa 1946.

Precējies 1934 ar Elzu Glāzeri (*1906), medicīnas māsu; dēls Juris (*1938).

Miris 2. novembrī 1980 Vīnē, urna ar pelniem apbedīta Šmerļa kapos Rīgā.

Rīgā dzīvojis Skolas ielā 4, E. Veidenbauma ielā 1/3.

Darbi. Ievads klīniskā elektrokardioloģijā. R., 1961;

Elektrokardiogrāfiskais slēdziens. R., 1963; Основы электрокардиологии. М., 1963.

Vēres. LVVA, 4578. f., 1. apr., 931. l.; LU arhīvs, 7. apr., 1596. l.;

PDVA, 440. f., 2. p. apr., 71. l., 148.–151. lpp.; 3. p. apr., 138. l.,

37.–46. lpp.; 142. l., 220.–223. lpp.; RSU arhīvs, 7. apr., 572. l.;

Vatere, 59. lpp.; Кац И. Злобный пасквиль под флагом научной диссертации // Сов. Латвия, 1947, 27 дек.; Туранов Н. В плену реакционных теорий // Мед. работник, 1947, 20 ноября.

Piebilde

Brīnumainā kārtā G. Lemperta darbs atradās. Izlasījis grāmatu par LU Medicīnas fakultāti, akadēmiķis Jānis Stradiņš savā izcili dižajā atmiņā nolēma pārbaudīt sava tēva Paula Stradiņa veco grāmatu krājumu, kurā aizliegtajam un no jebkuras aprites izņemtajam iespieddarbam vajadzētu būt. Un atradās! J. Stradiņš man to iedeva papētīt, bet es noņēmu kopiju, oriģinālu atdodot akadēmiķim atpakaļ.

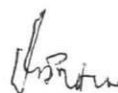
G. Lemperta darbā ietvertie dati izrādījās ne tikai ļoti pilnīgi, bet daudzējādā ziņā arī pārsteidzoši, jo neatbilda pēckara gados un arī vēlāk literatūrā nostiprinātiem pārspīlējumiem, it īpaši par zaudējumiem. Veselības departamenta, vēlāk Veselības aizsardzības tautas komisariāta, resp., ministrijas Medicīnas statistikas biroja dati, kas izmantoti G. Lemperta pētījumā, varētu būt ļoti ticami, jo birojam taču bija precīzi jāzina izmaiņas iedzīvotāju skaitā, sastāvā un izvietojumā, tāpat saslimstībā, dzimstībā, mirstībā u.tml., lai varētu pienācīgi plānot apgādi ar medikamentiem, vakcīnām, iekārtām, piederumiem u.tml. Tādā gadījumā G. Lemperta sniegtie pietiekami patiesie un, varētu teikt, objektīvie dati atradās visai klajā pretrunā ar oficiālās padomju propagandas pausto par vācu fašistu ļaundarbībām, kādas patiešām bija, taču atšķirīgi skaitliski ilustrētas.

Par G. Lemperta izgāzto disertāciju mēģināju referēt LU 72. konferences Zinātņu vēstures un muzejniecības sekcijas sēdē 2014. gada 27. janvārī – „Grigorija Lemperta 1946. gadā aizstāvētā un 1948. gadā noraidītā disertācija „Vācu okupācijas demogrāfisko seku analīze Latvijas PSR 1941.–1945. g.” Saņēmu klausītāju nedalītu ieinteresētību, taču tajā pašā laikā sapratu, ka spriest par demogrāfijas problēmām kara laikā neesmu pietiekami kompetents, tur jāpieaicina profesionāli demogrāfi un medicīnas statistiķi, varbūt arī vēsturnieki un politiķi.

Tāpēc esmu sagatavojis G. Lemperta darba astoņas kopijas, ko nodošu Latvijas lielākām bibliotēkām, P. Stradiņa Medicīnas vēstures muzejam un dažām ieinteresētām personām. Tā būšu izpildījis savu pienākumu pret Latviju un tās sāpīgo pagātni.

Arnis Vīksna

2014. gada 6. februārī

Для служебного пользования

№ 9

Г. ЛЕМПЕРТ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
последствий немецкой оккупации
1941 — 1945 г. г.
по Латвийской ССР

Р и г а

1 9 4 6

Издательство Научно-Методического бюро санитарной статистики
Министерства Здравоохранения Латвийской ССР, Рига

КАФЕДРА ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ БЮРО САНИТАРНОЙ СТАТИСТИКИ
МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Для служебного пользования

№ 9

Г. ЛЕМПЕРТ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

последствий немецкой оккупации
1941 — 1945 г. г.
по Латвийской ССР

Р и г а

1946

Издательство Научно - Методического бюро санитарной статистики
Министерства Здравоохранения Латвийской ССР, Рига

« При анализе и оценке вопроса о последствиях войны вообще необходимо начинать именно с вопроса об изменении состава населения, ибо эти изменения прежде всего должны определять глубину потрясения государственного и народного организма. Но в то-же время этот вопрос является и коренным вопросом широко санитарного, вернее санитарно-биологического характера. . . . »

(Из отчета «Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 г. г.»)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр
ПРЕДИСЛОВИЯ	9—12
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Терминология	13—15
ГЛАВА ВТОРАЯ. Введение	16—22
Демографические последствия первой мировой войны в литературе — 16. Специальные трудности разработки демографических показателей военного периода — 18. Схема демографических последствий войны — 20.	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Исторические предпосылки .	23—27
Борьба великих держав за господство в Прибалтике. Последствия мировой войны и послевоенного периода — 24. Отражение исторических процессов в демографических показателях. Необходимость немедленного изучения и учета демографических сдвигов в результате второй мировой войны — 25. Нарушение корректного демографического учета — 26.	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Источники и литература .	28—36
Источники данных по численности населения — 28. Источники данных по естественному движению населения — 30. Источники данных по механическому движению населения — 31. Классификация литературных источников. Политическая направленность статистики буржуазной Латвии. Демографические закономерности в литературе — 35.	
ГЛАВА ПЯТАЯ. Основные демографические процессы на территории Латвийской ССР с 1939—1945 г. г.	37—83
Характер демографической динамики в мирное и в военное время — 37. Основные тенденции динамики населения Латвии между первой и второй мировой войной — 38.	

«Этап инициальной тревоги» — 39. Возвращение Латвии в СССР — 40. Состав населения Латв.ССР к моменту вторжения — 42. Демографическая характеристика оккупационного периода — 43. Германская экспансия в Прибалтике в исторической перспективе — 44. «Национальная политика» оккупантов в Прибалтике — 45. Уничтожение и увоз гражданского населения — 47. Основные черты фашистского господства в Латвии — 48. Миграционные процессы периода изгнания оккупантов — 49. Миграционные процессы репаративного периода — 50.

Инертность основных показателей естественного движения населения на первом этапе оккупации — 52. Характеристика основных показателей естественного движения населения в буржуазной Латвии. Демографическая ситуация Латвии среди прочих капиталистических стран Европы — 53. Возрастная структура населения Латвии. Брачность — 55. Динамика грубых показателей естественного движения населения Латвии — 59. Взаимосвязь уровня и динамики рождаемости и смертности в некоторых странах Европы — 62. Данные о причинах смерти — 63. Динамика показателей детской смертности. Динамика жизненного показателя — 67. Распределение поворожденных по половому признаку — 69. Мертворождаемость. Естественное движение населения Латвии в территориальном разрезе — 72. Специфика показателей городского и сельского населения — 73. Характеристика режима воспроизводства населения Латвии. Динамика истинных показателей рождаемости — 75. Эволюция показателей чистого воспроизводства Кучинского. Показатели по-возрастной плодовитости — 77. Средний возраст брачующихся. Показатель перворожденных Кейтера — 80. Классификация показателей естественного движения населения — 82.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Демографический баланс населения Латвии за период 1939—1945 г. г.

Стр.

84—103

Методика построения баланса. Унификация данных — 85. Контрольные цифры баланса — 86. Схема демографического баланса — 88.

Баланс населения Латвийской ССР 1939—1945 г. г.

1-й отрезок: Стадия «инициальной тревоги» — 92.

2-й отрезок: Воссоединение Латвии с СССР — 93.

3-й отрезок: Этап советского строительства; вторжение — 94.

4-й отрезок: Период фашистского разгула — 95.

5-й отрезок: Финальный период немецкого господства — 96.

6-й отрезок: Этап «первичной реституции» — 97.

Итоговый баланс — 98. Итоговый нетто-баланс коренного населения Латвии — 102.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Анализ итоговой структуры населения

104—142

Характеристика убыли населения — 104. Влияние войны на численность населения. Особенности демографической структуры Латвии — 106. Динамика населения Латвии 1939—1943 г. г. — 111. Изменения структуры населения на финальном этапе оккупации. Демографическая ситуация к моменту освобождения — 112. Первичные сдвиги численности населения после освобождения. Особенности динамики городского и сельского населения — 113. Динамика населения 5 городов республиканского значения — 114. Изменения половой структуры населения — 116. Изменения возрастной структуры населения к моменту освобождения — 124. Изменения возрастно-половой структуры в течение первого года после освобождения республики — 133. Роль предстоящей переписи в уточнении демографических последствий войны — 138. Закономерность учтенных демографических процессов — 139. Проблема прогноза в демографии — 143.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Выводы 143—145

1. Общие выводы — 143. 2. Специальные выводы — 144.

	Стр.
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Заключение	146—148
Задачи органов здравоохранения по восстановлению демографического равновесия страны — 146. Значение мероприятий по охране материнства и младенчества — 147.	
ПРИЛОЖЕНИЯ	149—154
Функции учреждений системы здравоохранения по восстановлению нормальной демологической структуры населения — 149. Таблицы — 151—154.	
ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ	155

Великая Отечественная война советского народа закончилась полным разгромом германского фашизма и японского империализма. Нашей стране пришлось возглавить борьбу свободолюбивых народов и принять на себя основную тяжесть войны. Победа стоила советскому народу огромных жертв и лишений. Теперь, когда страна залечивает раны, нанесенные войной, и начала борьбу за восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства на путях к коммунизму, большое значение имеет изучение последствий войны во всех областях. Не приходится доказывать особую важность при этом изучения санитарно-демографических последствий войны. Они были тяжелыми во всех войнах, но в этой войне, самой жестокой и кровопролитной в истории нашей родины, они были исключительно тяжелыми. Особенно сильно пострадало, конечно, население тех частей страны, которые подвергались оккупационному режиму германского фашизма. К ним относится и Латвийская ССР.

Настоящий труд тов. Г. Лемперта представляет собой результат первых исследований санитарно-демографических последствий войны для латвийского народа. При всей скудности материалов он дает представление о том, какие глубокие раны нанесены войной населению Латвии. Сухие статистические расчеты, таблицы, диаграммы этой работы — одна из глав обвинительного акта человечества фашизму. Вместе с тем труд тов. Лемперта должен помочь лучшему планированию нашего хозяйства, нашему мирному труду.

Доктор экономических наук,

Профессор — А. Я. БОЯРСКИЙ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Наше советское, марксистско-ленинское мировоззрение черпает огромные доказательства своей научной правоты и в материалах советской демографии, отказавшейся от позиций чисто биологического освещения общественных вопросов.

В 1918 г. советские ученые-гигиенисты, впервые в истории, выступили, как представители науки, для обобщения и анализа санитарных последствий войны, приведшей, как известно, к значительным социальным сдвигам.

Грандиозные потрясения, обусловленные трагедией последней мировой войны, больше всего отразились на составе и численности населения нашей Родины. Происшедшие сдвиги в составе населения Латвийской ССР, являвшейся ареной жестокой и длительной борьбы, безусловно подлежат первоочередному изучению.

Монография Г. Л. Лемперта — «Демографический анализ последствий немецкой оккупации в Латвийской ССР 1941—1945 г.» является одним из первых подробных исследований этого, крайне сложного, вопроса. Автор, пользуясь данными отечественной и зарубежной литературы, критически, используя современные взгляды демографической науки, дает оценку ряду положений и вносит свои методически оправданные модификации, направленные к уточнению и облегчению изучения этой важной и интересной проблемы.

Один из авторитетных современных советских исследователей, проф. А. Я. Боярский, считает, что в комплексе демографических проблем механические процессы движения населения труднее всего поддаются должному научному анализу, и что... «для изучения процессов миграции мы обладаем очень многим и, в то же время, почти ничем: источников много, но полных и доброкачественных нет». Приведенное выше позволяет считать, что работа Г. Л. Лемперта несомненно окажется своевременной и нужной, не только для узких кругов специалистов-демографов.

Особенно, представляется нам, эта работа явится нужной именно в настоящий период, когда политическая направленность должна сочетаться с подлинно научной интерпретацией общественных явлений, в том числе и анализом демографических процессов в результате военных лет и насильственных действий оккупантов.

Именно в связи с этим Республиканское научно-методическое бюро мед. сан. статистики Министерства здравоохранения Латвийской ССР. С удовлетворением выполняя задание академика Н. А. Семашко — Председателя Государственной Комиссии по изучению санитарных последствий Отечественной Войны, взяло на себя издание работы Г. Л. Лемперга, которая послужит еще одним научным доказательством антинародной, захватчицкой идеологии фашизма.

**Директор Республ. Научно-методического бюро
Мед. Сан. статистики Министерства здравоохранения
Латвийской ССР**

Кандидат медицинских наук Я. И. Шварц

г. Рига 20 сентября 1946 г.

ОТ АВТОРА

В представляемой работе автор пытается собрать, объединить и подвергнуть аналитическому разбору имеющийся скудный и частично неполноценный материал по демографическим процессам в Латвийской ССР за истекшее пятилетие.

Выбор темы объясняется необходимостью содействовать выяснению санитарных последствий только что окончившейся войны. Обработка всего этого вопроса в комплексном порядке, с учетом всех многообразных последствий вторжения и фашистской оккупации, на данном этапе не представлялась целесообразной ввиду чрезвычайного объема проблемы. Комплекс явлений, объединяемый понятием «санитарные последствия войны», является настолько широким, что сбор и серьезная обработка имеющихся материалов может быть под силу только целому коллективу квалифицированных специалистов.

Поэтому представление данной работы обособлено, хотя и в рамках общей темы «Санитарные последствия войны и оккупации на территории Латвийской ССР», кажется нам целесообразным и уместным. Она должна являться лишь первой в ряде дальнейших изысканий; разработка основной темы в ее прочих аспектах остается задачей первой же значимости.

Важность и актуальность вопроса помогла преодолеть возникшие в связи со скудностью материала сомнения в своевременности его обработки; цель этой работы можно считать достигнутой, если она поможет будущему исследователю, в первую очередь комиссии по изучению санитарных последствий войны при Академии медицинских наук Союза ССР, представить весь комплекс демографических явлений истекшего пятилетия по территории Латвийской ССР в настоящем свете.

Работа закончена 1 апреля 1946 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Терминология

В настоящей работе мы пользовались общепринятой демографической терминологией, в основном придерживаясь формулировок Новосельского и Боярского (4, 35)*).

В некоторых случаях нам представлялось целесообразным в интересах более яркого или точного отображения определяемого термином понятия отступать от терминологии упомянутых авторов или модифицировать ее. В большинстве случаев эти производные термины являются вполне понятными для квалифицированного читателя и не нуждаются в комментарии. К этой категории следует отнести новообразования «демопатологический» (стр. 25), «микромиграция» (стр. 29) и др.

В некоторых случаях общепринятая терминология не совсем соответствует содержанию формулируемого понятия. Интересы более точного определения требовали бы изменения первичного и пользования производными терминами. Так, например, термин «демография», введенный Ж и й а р о м в 1855 г., в прямом смысле слова означает «пародописание» (Большая Медицинская Энциклопедия), причем слово «народ» в этом понятии употребляется в смысле «население» (в противоположность понятию, содержащемуся в термине «этнография»).

Прилагательное «демографический» применимо поэтому по существу только при существительном, имеющем прямое отношение к о п и с а н и ю и л и к у ч е т у процессов, субъектом которых является «народ» — «демографический труд», «демографический баланс», «демографическая статистика», «демографические показатели». Французское определение термина «демография» сужает его содержание еще более — „*Étude statistique des collectives humaines*„ (Энциклопедия Larousse 1928), английский автор Ньюсхольм (Newsholme 59**) приравнивает его также к понятию „*Vital Statistics*“ в широчайшей интерпретации этого слова.

*) Цифры в скобках в дальнейшем указывают порядковый номер источника по библиографическому списку.

***) По техническим соображениям в дальнейшем фамилии иностранных авторов будут даваться в оригинальной транскрипции лишь при первом их упоминании.

Для всех прочих случаев прилагательное «демографический» кажется неподходящим и подлежало-бы замене производным прилагательным от термина «демология», учение о народе, в самом широком, обычном для всех терминов этого типа, смысле слова.

Дифференцированные термины этого прообраза применяются нередко во многих отраслях науки, в первую очередь и в медицине (биология-биография; этнология-этнография; рентгенология-рентгенография). Термином «демология» и «демологический» пользуется уже Э. Энгельс в 1871 г. (указывается по энциклопедии Мейера, изд. 1895 г.), в дальнейшем этот термин фигурирует у Майр'а (Maug, 57) и других авторов. В «Большой Медицинской Энциклопедии» термин «демология» не определяется, в «Большой Советской Энциклопедии» — трактуется, как синоним термина «демография».

В данной работе термин «демографический» употребляется всюду, где это по смыслу контекста допустимо, и заменяется термином «демологический» там, где термин «демографический» логически неуместен.

Необходимость классифицировать процессы движения населения Латвии за отчетный период сразу-же создает необычные затруднения терминологического порядка.

Определение понятий «естественного» и «механического» движения населения в советской и зарубежной литературе идентично, хотя неоднократно и являлось объектом дискуссий. Понятие «естественное движение населения» определяет изменения состава населения, происходящие вследствие рождаемости и смертности, «механическое» — вследствие миграционных процессов.

По этому определению массовое уничтожение населения являлось-бы лишь одной из разновидностей смертности, и, как таковая, должна была быть включена в рубрику естественного движения населения под видом «естественной убыли». Однако-же подобная классификация являлась-бы классическим примером доведенного до абсурда формализма. Трудно себе представить, более яркое „*contradictio in adjecto*“ — противоречие в прилагательном, — чем отнесение результатов немецко-фашистской «целеустремленной демополитики» („*Zielgerichtete Demopolitik*“), по выражению Шорер'а (Schorer, 68), к разряду «естественных» процессов. В нашей работе, посвященной отображению уникального в истории Латвии этапа демологической динамики, противоречащее общей классификации, но соответствующее сути дела и здравому смыслу, отнесение массовых убийств к разделу «механического движения населения» является не только уместным, но и единственно логически — и исторически — корректным.

Некоторые демографы в настоящее время настолько неудовлетворены традиционной классификацией процессов динамики населения, что

избегают ею пользоваться и говорят лишь о «смертности» и «рождаемости» и «миграции» (Урланис, Брушлинская). Вопрос о создании новой, развернутой, гибкой и логичной классификации демографических процессов и их показателей можно считать назревшим; в этой работе делается попытка к его разрешению.

При классификации отдельных видов механического (в классическом смысле термина) движения населения мы в интересах рельефности пользуемся понятиями «абсолютного» и «относительного» прироста или убыли. Обоснование этой классификации дано в разделе «Демографический баланс», стр. 84. В этом-же разделе упоминается «компенсативная» миграция — возмещающая в своей вторичной фазе ранее произошедшие сдвиги относительного (временного) характера.

Термин «микромиграция» (стр. 89) применяется также только в непосредственной связи с лингвистическим его содержанием и поэтому не нуждается в дальнейшем обосновании.

В разделе «Анализ итоговой структуры населения» обработка данных взаимоотношения числа мужчин и женщин по разным возрастным контингентам или в динамическом аспекте требует повторного обозначения содержания рассматриваемого показателя. Отсутствие общепринятого и удобного для пользования термина побудило нас пользоваться произвольным определением «коэффициент ж/м или м/ж». Хотя этот термин и отдает «жаргоном», все-же он представляется легко понятным, не вызывает недоразумений и удобен как фонетически, так и графически.

Автор не претендует на внедрение его импровизатов в демографическую терминологию, однако-же считает их применение в данной работе уместным и вполне целесообразным, хотя-бы и «в рабочем порядке».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Введение

Война, как неизбежный в условиях до-социалистического общества «результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма» (Сталин*), а также и ее последствия неоднократно являлись объектом изучения учеными разных профилей, с организацией регулярного демографического учета в особенности и санитарными демографами**).

Мощным импульсом для углубленного изучения всего комплекса последствий периодически повторяющихся «демографических катастроф» (выражение А. А. Чупрова, цит. по 21) у нас и за рубежом послужила впервые потрясшая основы всего капиталистического мира война 1914—1918 г. г.

Эта война и ее трагические последствия казались современникам столь грандиозными, повторение или даже усугубление пережитого столь невообразимым, что на некоторое время прекратилась дискуссия «о пользе или вреде войны как таковой», периодически подогревавшаяся апологетами фашистской и пре-фашистской идеологии, искони подвизавшимися преимущественно в Германии. Э. Г. Френкель (34) отчитывает немецкого пре-фашиста Хюппе (Hüppe), указывающего на «пробуждение дремлющих сил нации, возрастание рождаемости до такой высоты, что с избытком покрываются потери населения во время войны», и устанавливает, что мировая война «окончательно устраняет возможность такого двойственного отношения и показывает с приводящею в содрогание ясностью всю глубину и неотвратимую гибельность влияния войн на социальное здоровье и развитие населения».

Ф. Э. Маркузон (1) констатирует, что «грандиозность развернувшихся в 1914—1918 г. г. событий не знает себе подобия в прошлой жизни народов. Последствия и потрясения, вызванные этими событиями в толще народонаселения являются, по крайней мере в новой истории человечества, беспримерными.»

*) Речь на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г.

***) В прежние века сведения об опустошениях, причиненных эпидемиями и войнами, вследствие отсутствия демографических данных были малоценными (Ресле-Roesle; 29).

Ясность и убедительность приведенных формулировок не может быть превзойдена в той мере, в какой события мрачного пятилетия разнузданной фашистской агрессии превзошли казавшуюся современникам „non plus ultra“ травматическую эпидемию 1914—1918 г. г.

Вопрос об изучении последствий первой мировой войны был поставлен на порядок дня санитарными демографами большинства стран Европы сразу-же по окончании ее, а в некоторых странах — и до этого.

Передовыми в этом начинании, как и во многих вопросах санитарной демографии, оказались советские ученые. Докладная, представленная комиссией НКЗдрава в 1920 г. устанавливает, что «учет печальных последствий войны в области жизни и здоровья — первейшая государственная задача» (Н. Семашко, 33).

В Западной Европе изучением последствий первой мировой войны организовано занимались в нейтральных странах, в Дании и Швейцарии. Программа исследований занимавшихся этим вопросом корпораций была значительно уже и менее детально разработана, чем представленная советской комиссией (П. И. Куркин и Ф. Э. Маркузон, «Общественный врач» 1922 г. № 2). По имеющимся данным работы датского „Selskabet for sociale Forsken of Krigens Folger“ не были доведены до конца, как к сожалению незавершенной осталась и намеченная в грандиозных масштабах работа советской комиссии. Эта работа по существу была столь громоздкой, трудоемкой и кропотливой, что коллектив, на который она была возложена, не смог ее закончить в короткое время. Ответственные задачи первых лет советского строительства, ставившиеся жизнью немногочисленному коллективу наших санитарных демографов, отодвигали заданное изучение последствий первой мировой войны на второй план, придавали этому вопросу из года в год все более академический характер. Все-же материал, опубликованный у нас по этому вопросу, больше, чем в любой другой стране.

Работа по учету и изучению последствий только завершившейся войны, превосходящей предыдущую не только масштабом непосредственных потерь «обычного» типа, но и сопровождавшейся демографическими «пертурбациями» совершенно необычного характера и разрушительности, всюду началась. В США, Англии и Швейцарии (Бюро Здравоохранения «усопшей» Лиги Наций) все время проводилась работа по текущему учету и изучению данных, получавшихся из охваченных военными действиями стран.*)

*) Из доступных нам зарубежных авторов этими вопросами преимущественно занимались Дьеид (Dieuaide, 42), Биро (Biraud, 39), Огбэри (Ogburn, 60).

Еще до победоносного завершения войны по инициативе академика Н. А. Семашко изучение ее последствий подготавливалось и у нас. Специально созданная комиссия при Академии медицинских наук СССР призвана возглавить, объединить и довести до завершения эту работу. Надо полагать, что разработка вопросов демографического раздела в пределах предложенной в 1922 г. В. Г. Михайловским (33) программы, дополненной согласно внесенной фашистской «демополитикой» специфике, дала-бы исчерпывающее и всестороннее освещение данной проблемы.

Разработка санитарных и демографических показателей необычных и бурных этапов развития человеческого общества, в особенности столь хаотических эпизодов, каким представляется только завершившийся связана также с необычными трудностями.*)

Если события прошлой войны заслуживали определения «демографической катастрофы», то неистовства фашистов в Европе следует назвать «демографической вакханалией». Если первая мировая война обрушилась на Европу для широких масс почти неожиданно, то эта война характеризовалась открыто и исподволь подготовленным «демополитическим и геополитическим» разгулом, перед которым бледнеют все сказания о неистовствах гуннов, варваров и монгол. Какими невинными нам кажутся опустошения, сопровождавшие войны в древние времена, во время средневековья и потом вплоть до XVIII века! Только высокий уровень современной техники, обуславливающий необычные темпы восстановительных работ, несколько вуалирует объем учиненных немцами опустошений.

Целый ряд авторов — Деринг ((Döring, 43), Маркузон, Куркин (13), Новосельский и Паевский (22), Биро и Урланис (36), — указывают на специфические трудности при оценке демографических показателей за военное время и первый послевоенный период. Отрицательное влияние на точность расчетов оказывают: невозможность учета миграционных потоков, меняющееся «среднее население», неоднородность охвата учетом смертности активных участников войны и всего населения, изменение одних демографических показателей во взаимосвязи с другими (уменьшение общей и детской смертности при уменьшении рождаемости и т. п.), сложность расчетов возрастно-половой структуры и связанная с ней невозможность стандартизации демографических показателей как во время войны, так и в послевоенные годы (при отсутствии надежных переписей).

*) После I мировой войны Бюро Здравоохранения Лиги Наций пыталось выработать синтетический суммарный показатель здоровья, однако-же эта попытка так и не удалась (Б и р о).

Б и р о указывает на то, что структура гражданского населения во время войны содержит относительно много „bad risks“, детей и стариков с относительно высокой смертностью, а также и на то, что во время войны ухудшаются условия медицинской помощи гражданскому населению и изменяется характер обращаемости.

Невозможность нейтрализации перечисленных источников ошибок дает право К у р к и ч у установить, что задача учета демографических последствий войны «может быть выполнена лишь в схематическом виде, в рамках предположений, представляющих большую или меньшую вероятность». Приблизительный, глазомерный характер таких изысканий все же не умаляет ценности подобных работ (из предисловия П. И. К у р к и н а к русскому переводу статьи Д е р и н г а в «Вестнике статистики»). Все эти усложняющие учет факторы действуют в полной, если не возросшей, мере и сейчас. Б и р о, систематически занимающийся этими вопросами с самого начала войны, пишет, что полный охват последствий войны будет возможен лишь позже и будет иметь лишь академический интерес. Важно получить хотя-бы и предварительные данные по возможности скорее.

Все это вместе взятое побудило автора воспользоваться для характеристики демографической ситуации Латвии всеми доступными в данный момент данными, невзирая на то, что они частично неофициальны, частично хоть и официальные, но заведомо неточны.

Многочисленные публикации, посвященные проблеме санитарных последствий войны, должны были-бы, казалось, дать достаточный материал для обобщающих выводов.

Непосредственной травмой являются в первую очередь более или менее значительные боевые действия, во вторую очередь — связанные с войной экономические потрясения. Характер, интенсивность и многообразие последствий войны, в зависимости от преобладания того или другого фактора, осложняют задачу построения единой схемы. Представляемая ниже схема (стр. 20) является одним из возможных вариантов, включающим в основном все виды нарушений нормального течения демографических процессов, находящиеся в причинной связи непосредственно с войной или с сопутствующими войне или зависящими от нее явлениями.

Примерная схема демографических последствий войны.

- I. Абсолютные (безвозвратные, количественные) потери.
 1. Потери в результате боевых действий.
 - а) убитые и умершие от ран (включая и лиц из состава немобилизованного населения),
 - б) попавшие в плен или пропавшие без вести (частично, не возвращающиеся).
 2. Чрезвычайная смертность гражданского населения.
 - а) уничтоженное врагом-оккупантом гражданское население,
 - б) избыток умерших в результате военных эпидемий или лишений (разница между фактической и средней до-военной смертностью).
 3. Дефицит рождаемости.
 4. (Частично) эмиграция или насильственный увоз гражданского населения; депатрация.
- II. Временные потери.
 1. Раненные (на время их лечения).
 2. Попавшие в плен (до возвращения их домой).
 3. Эвакуация и депатрация.
 4. Чрезвычайная заболеваемость.
 5. Отрыв мобилизованных от участия в процессе воспроизводства населения, вследствие чего — I. 3.
- III. Частичные (качественные) потери.
 1. Инвалиды войны.
 2. Лица из гражданского населения, стойко потерявшие часть своей трудоспособности в связи с военными условиями или действиями врага (оккупанта).
 3. Стойкие отрицательные сдвиги в физическом развитии детей и подростков.
 4. Уничтожение генеративной способности (стерилизация).

Некоторые виды потерь относятся исключительно или преимущественно к мобилизованному населению, другие — к гражданскому. Изменению характера современной войны, вовлечение глубокого тыла в сферу непосредственного воздействия вооруженных сил врага (авиация), широкое участие гражданского населения в оборонных и оборонительных работах, мобилизация женщин в армию — в сумме в корне изменило демографическую обстановку современной войны и характер причиняемого ею ущерба.

Материал, собранный в настоящей работе, относится лишь к разделам 1-п. 2, 3 и 4; 11-п. 3 схемы. Прочие разделы выходят за пределы поставленной нами задачи и смогут найти свое отражение лишь в дальнейших работах.*)

В общую схему демографического баланса (см. стр. 88) входят лишь статьи 1 и 2 раздела I, а также статьи 2 и 3 раздела II выше приведенной схемы.

Статья 3 раздела I в общую схему баланса не входит, а учитывается нами дополнительно.

Специфическая обстановка в той или другой из участвующих в войне стран может дать совершенно отличную от создавшейся в других странах демографическую ситуацию и привести, хотя-бы частично, к парадоксальным результатам.

Так, например, участие США в войне против Германии и подготовка к ней характеризовались резким экономическим подъемом, ликвидацией подавлявшей до этого генеративные импульсы населения безработицы и, в итоге, резким увеличением рождаемости. По словам *Огберна* „preparation for war, because it brings prosperity, means a sudden growth in population“. Через 9 месяцев после введения в США воинской повинности, рождаемость увеличилась на 11% и достигла в 1942 г. максимального уровня за всю историю страны!

Конечно, такая обстановка могла лишь создаться в условиях капиталистического общества, после предшествовавшей войне экономической депрессии, и в стране, не подвергавшейся непосредственно разрушительному воздействию войны.

*) Заслуживает лишь упоминания установленное судебным следствием применение немцами стерилизации (том I, л. д. 165 и дал.), насильственное взятие крови и „медицинские“ эксперименты на людях, нанесение увечий — факты, относящиеся к разделу III. п. 2—4 схемы. Интересно также отметить, что советская „Номенклатура болезней и причин смерти“ издания 1920 г. содержит статью: „Казнь невоенных воюющими армиями“. Введение этой статьи, очевидно, уже тогда было вызвано „действиями“ немецкой армии и стояло в связи с учетом последствий войны 1914—1918 г. г. В последующих вариантах номенклатуры мы эту статью больше не встречаем.

Детальный анализ всех возможных в разной экономической, географической, политической и стратегической обстановке последствий войны как таковой не входит в задачи этой работы.

В ходе изложения, на конкретном примере собранного и обработанного материала по Латвийской ССР, представится возможность и необходимость дать некоторые сопоставления и параллели во времени и в пространстве в пределах имевшихся в нашем распоряжении источников.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исторические предпосылки

Латвия — страна высокой статистической культуры. Полная и разносторонняя разработка статистических, в частности демографических, данных по всей территории республики организована, правда, лишь с 1920 года, однако уже в конце 19 века демологические процессы Прибалтики являлись объектом систематических исследований Ю н г - Ш т и л л и н г а (Jung-Stilling), К а р л б е р г а (Carlberg), Ш р е н - к а (Schrenck, 69—71) и др. авторов.

К сожалению, в последнее перед войной 1941—1945 г. г. время, раздел санитарной статистики все более ускользал из рук врачей и переходил в руки, правда, очень квалифицированных, специалистов-экономистов.

Причина этого явления кроется в недопонимании врачами буржуазной Латвии значения статистического метода вообще и санитарной статистики в частности.

Наиболее ярким выражением такого недопонимания значения статистики является высказывание бывшего заведующего кафедрой гигиены медицинского факультета Латвийского университета Проф. Э. Фермана. Приведем дословный перевод его выступления на заседании комиссии здравоохранения на Латвийско-Эстонской статистической конференции 1929 года:

«Мне кажется, что регистрация туберкулезных больных является излишним трудом, который ничего не даст ни врачу, ни больному. Статистические ряды не покажут врачу, как лучше всего помочь больному Яну или Петру. Они (больные) также требуют от врача не регистрации, а действительного улучшения своего здоровья».

Комментарии, как говорится, излишни. Знаменательно, что в защиту престижа санитарной статистики, не будучи врачом, тогда-же выступил профессор, теперь академик, А. Кирхенштейн (Цит. по статье Я. Балтайса «О санитарной статистике». Tautas Veselības Statistika 1928. g. Otrās izdevums).

Находясь на перепутьи крупнейших культурно-политических и экономических систем европейского Востока, Латвия за последние несколько веков являлась постоянной ареной борьбы за выгодные позиции на больших торговых путях и поэтому систематически подвергалась опустошениям войсками соревнующихся за господство в Прибалтике держав. Латышский народ со времени захвата его территорий Тевтонским орденом в XI—XII столетиях постоянно подвергался последовательным попыткам искоренить его национальную самобытность и навязать ему соответственно немецкую, шведскую, польскую или русскую культуру.

Прошедшие века для Латвии, как и для всей Прибалтики, характеризовались постоянной сменой политических и династических декораций, чередованием эпизодов разрушительных и опустошающих народный организм пертурбаций с периодами спокойного развития и роста. Последним из этих периодов относительного благополучия, несмотря на непрерывную эксплуатацию латышского народа немецкими баронами, следует считать конец прошлого века, когда Рига, Лиепая (Либава) и другие города, расположенные на территории нынешней Латвийской ССР, были вовлечены в процесс интенсивной индустриализации и связанного с ней роста уровня быта и культурного развития всего, а в особенности городского населения. Окно в Европу, прорубленное Петром Великим в глухом углу Финского залива, уже не удовлетворяло потребностей торговли 19 и начала 20 веков; Рига, а в последние десятилетия до первой империалистической войны Лиепая и Вентспилс (Виндава), связанные железнодорожными магистралями с основными центральными рынками б. Российской империи (Рига-Орловская, Виндава-Рыбинская, Либаво-Роменская ж. д.), включились в нарастающий процесс товарообмена с промышленными странами Запада.

Это участие в животворящем процессе индустриализации и урбанизации в короткие сроки изменило облик основных центров Прибалтики, создало в городах серьезные контингенты примышленного пролетариата, содействовало образованию и укреплению прогрессивной интеллигенции, видевшей свою задачу в борьбе против гнета самодержавия и его прибалтийских приспешников — немецких баронов.

Мировая война 1914—1918 годов с последующими болезненными для страны процессами насильственного отторжения молодой Советской Латвии от содружества советских социалистических республик, возникших на развалинах самодержавной России, нанесла тяжелейшие раны живому организму латвийского народа и на долгие десятилетия остановила процесс его промышленного развития. Талантливый и трудолюбивый латышский народ был обречен расточать свои творческие силы в полукустарном труде и в условиях полной отторженности от своих естественных источников сырья и рынков сбыта, оставшихся за герметически закрытой восточной границей. Некоторый остаточный товарообмен с за-

падно-европейскими государствами более служил коммерческим целям молодой латвийской буржуазии и поддерживавших ее немецких и английских банкиров, чем действительным интересам латвийского народа.

Бурный рост эпохи конца 19. и начала 20. столетий был прерван опустошительным ураганом войны 1914—1918 г. г. и сменился послевоенным запустением. Процесс восстановления разрушенного войной народного хозяйства не мог получить размаха из-за экономической изоляции небольшой по размеру и народонаселению и не избалованной природными богатствами страны. Непродолжительный период псевдорасцвета в 1924—1930 годы сменился под влиянием мирового кризиса 1931—1933 г. г. периодом застоя, депрессии, экономических осложнений и противоречий, приведших к государственному перевороту Ульманиса в 1934 году и установлению открытой диктатуры крупной буржуазии и кулачества по фашистскому прообразу.

Все эти исторические и экономические перипетии не могли не сопровождаться глубокими сдвигами в структуре населения, в его основных демографических показателях. В то время, как весь комплекс демологических процессов за предыдущие десятилетия и в особенности за время с 1920—1939 г. г. неоднократно был объектом углубленных работ Саллинта (Salnītis), Скуениэка (Skujenieks, 73—75) и др. латышских статистиков, события последних пяти лет, в частности трагический эпизод немецкого вторжения и оккупации 1941—1944/45 годов, до сих пор не подвергались статистическому анализу и изучению.

Глубокие потрясения, перенесенные латвийским народом в период немецкого владычества, серьезнейшие сдвиги в его демографической структуре и равновесии, обусловленные грубым нарушением как его биологической цельности, так и закономерного развития, являются в данный момент, еще действующими факторами. Ряд лет понадобится на стабилизацию основных демобиологических процессов латвийского народа; пройдут десятилетия, пока его искаленная возрастнополовая структура в порядке естественной смены поколений приблизится к структуре, свойственной растущим и полным сил народам.

Сейчас еще невозможно охватить демологическую трагедию Латвии полным статистическим анализом, поскольку целый ряд явлений как естественной, так и механической динамики населения еще далеко не закончился и не привел к стадии стабилизации и в дальнейшем к естественному в условиях свободно развивающихся в молодой Советской республике творческих сил здоровому и неуклонному росту латвийского народа.

Тем не менее, мы не вправе отложить изучение многообразных демопатологических процессов, вызванных травмой немецко-фашистского

вторжения, до того момента, когда заживут нанесенные организму латвийского народа раны, когда закончится частично уже начавшийся регенеративный процесс.

Стоящие перед нами срочные задачи по восстановлению страны и возрождению ее экономических и биологических сил требуют осознания и разъяснения всех происшедших за последние десятилетия демологических процессов, возможно в свою очередь лишь при условии углубленного анализа как самих процессов, так и отображающих их статистических материалов. К сожалению, катастрофическим эпизодом в жизни народов всегда сопутствуют резкие нарушения нормальной работы рецензивных и регулятивных органов народно-хозяйственного учета. Нарушается непрерывность статистического наблюдения, многократно меняются план, программа и форма учета тех явлений, совокупность которых представляет жизнь народа. Подобное нарушение непрерывности и цельности статистического учета имело место во многих странах Европы в годы первой мировой войны; неизбежно они сопутствовали и событиям 1940—1945 годов.

Вышеупомянутое нарушение корректного демографического учета в основном обусловлено резким снижением добросовестности регистрации актов гражданского состояния. Некоторые события совсем выпадают из учета (часть мертворожденных, особенно на селе, см. далее стр. 72), другие регистрируются с заметным опозданием (рождения, смерти, даже заключение браков). Необходимость регистрации фактов рождения для получения продуктовых карточек приводит к тому, что и в «смутные времена» эта регистрация в городах производится с меньшим опозданием, чем на селе. Та же причина в некоторых случаях приводила к попыткам временного сокрытия последовавшей смерти какого-либо члена семьи, в особенности детей.

На размер и вескость возможных погрешностей оказывают влияние множество факторов, в сумме сильно затрудняющих «очистку» сведенных цифр и часто дающих очень большую разницу между предварительными и окончательными данными.

Если при наличии стойко и надежно налаженного статистического учета разработка собранных материалов возможна в любое время и может производиться с академической неторопливостью, то особая ситуация, возникающая после изгнания немцев со временно оккупированной или территории, настойчиво требует немедленной разработки имеющихся за переходный период данных, выяснения противоречий, заполнения пробелов, восстановления недостающих звеньев и исправления возникших (нередко преднамеренно) искажений статистического отображения демологических явлений пройденного этапа.

При этом приходится пользоваться не только данными официального, планового учета статистических органов, но и всеми материалами,

собранными различными учреждениями или лицами по специальным показаниям или на специфические для каждого случая оперативные нужды.

Вызванные насильственными действиями немецко-фашистских варваров разрушительные процессы в жизни латвийского народа лишь в одной своей части можно считать законченными (механическое истребление); значительная часть еще не завершила своего естественного цикла (миграция). Поэтому основные последствия сдвигов в демографической структуре населения выравниваются лишь в течении долгих десятилетий, в благоприятных условиях экономической и психологической стабилизации.

Более или менее исчерпывающий материал для проведения этой работы следует ожидать от предстоящей всеобщей переписи, которая одна лишь даст надежные данные о действительном распределении всего населения по территориальным, социальным, национальным и возрастнополовым признакам. Хотя непосредственным объектом настоящей работы и являются демологические процессы на территории Латвии с 1939 по 1945 года, т. е. за время немецкой оккупации и непосредственно предшествовавший ей период, задача правильного отображения динамики изучаемых явлений сплошь и рядом требует сопоставления их с аналогичными явлениями периода предыдущей мировой войны и восстановительного периода последующих двух десятилетий.

Неизбежная недостаточность имеющихся надежных статистических материалов, о которой выше упоминалось, заставляет прибегать и к помощи производных исчислений и заключений, конечно лишь на основе других имеющихся конкретных данных, сведений или признаков.

Там, где прервавшая цепь статистической последовательности дополняется реконструированными на основании тех или иных косвенных данных звеньями, это будет в каждом случае отмечаться особо, соответствующие цифры будут приводиться в скобках.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Источники и литература

Источниками фигурирующих в представляемой работе цифр в основном являлись:

Для численности населения Латвии на отдельных этапах рассматриваемого периода. —

1. Официальные данные переписи населения 1935 г. (85, 86). (Материалы произведенной в 1935 г. в Латвии всеобщей переписи населения опубликованы Латвийским статистическим управлением в обработке. В. Салнига под редакцией М. Скуениэка. — Основательно разработанный по всем разделам материал. Полнота охвата населения и распределение его по полу и возрасту не подлежат сомнению.)
2. Исчисление Латвийского государственного статистического управления на 1. I. 1940 г. г. (56). (Это исчисление в основном следует считать близким к действительности, т. к. процессы естественного движения населения до того времени были стабильными, значительной миграции не было.)
3. Исчисление Статистического управления Латвийской ССР на 1 января 1940 и 1 января 1941 г. г. (Наличие весомых миграционных процессов в 1939 и 1940 г. г. расширяет пределы вероятных ошибок. Все-же эти ошибки не могут существенно влиять на правильность основных показателей.)
4. Данные регистрации населения Латвии немецкими властями на 1 августа 1941 г. (79). (Регистрация проведена в городах в конце июля, в сельской местности в августе. Данные этой регистрации помимо упомянутой в предыдущем пункте ошибки заведомо искажаются исключением находившегося к тому сроку на территории Латвии еврейского населения.)
5. Данные немецкой переписи 1943 года (79). (Перепись произведена во время немецкой оккупации 23 февраля 1943 г., данные опубликованы частично в изданном «Стат. Бюллетене» за 1943 г. и тетрадах 1/4 и 5-7 этого-же бюллетеня за 1944 г. (впоследствии отдельной брошюрой). В основном и этот

материал, изданный только для служебного пользования, следует считать более или менее полным. При оценке данных все-же необходимо учитывать, что на территории Латвии в феврале 1943 г. находилось значительное количество привезенных немцами из прифронтовых областей граждан, содержащихся частично в лагерях под видом «военнопленных» и не учтенных переписью. Не охвачены также переписью латышские подразделения немецкой военно-строительной организации Тодт'а).

6. Данные послевоенной «Краткой экономической характеристики», составленной аппаратом Уполномоченного Госплана СССР по ЛССР.

(Эти данные по первично освобожденным 12-ти уездам и адм. самостоятельным городам Рига, Даугавпилс (Двинск) и Елгава собраны в 4 квартале 1944 г., по остальным 7-ми уездам и городам Лиэпая, Вентспилс — на 1 июня 1945 г., после капитуляции курземской группировки немцев. Эта характеристика составлена местной инспектурой ЦСУ Госплана СССР по утвержденной ЦСУ Госплана СССР форме (без опроса населения). Вероятность значительных неточностей велика. Разбивка по основным возрастным группам и полу имеется только для сельского населения. Очень вероятна крупная погрешность в расчете контингентов детского населения и соотношения полов последнего. Некоторые уезды представили совершенно невероятные цифры (в Рижском уезде на 9.135 мальчиков в возрасте до 14 лет приходится якобы 20.188 девочек, в то время как возрасте 14—15 лет на 1.351 мальчика только 1.035 девочек!). Вследствие неправильного расчета (или оценки?) числа детей и подростков, взаимоотношение полов (отношение числа женщин к числу мужчин — в дальнейшем «коэффициент ж/м») и для сельского населения в этом возрасте представляется искаженным до явной невероятности — 115 вместо обычных 104. Возможность столь крупной погрешности по одной группе представленных данных заставляет нас сугубо настороженно подходить и к цифрам других контингентов. Значительно уменьшает ценность учета и обстоятельство, что таковой производился не одновременно, а в пределах довольно продолжительного периода (3—4 месяца), даже по почти одновременно освобожденным уездам. Так как учитывалось лишь наличное население, то весьма вероятна крупная погрешность вследствие происходивших в то время процессов внутренней миграции временного характера — «микромиграции». Находившееся неделями в пути население нигде не учитывалось. Часть времени находившегося в Курземе постоянного населения восточных и центральных уездов республики не учтена ни по основному месту жительства (отсутствие к моменту составления характеристики), н

по месту временного пребывания, с которого приезжает население частично уже успевало выбыть до заполнения там упомянутой характеристики.)

7. Данные Уполномоченного Госплана СССР по Латвийской ССР на 1. сентября 1945 г.

(Эти данные получены на основании разных источников (похозяйственный учет сельского населения, данные городских карточных бюро, сведения милиции), но дают более солидные цифры хотя-бы уже и потому, что получены на определенный для всех административно-территориальных единиц день. Данные этого учета в основном подтверждают расчеты, представленные «Краткими характеристиками», т. к. имеющаяся разница в прибл. 19 тыс. соответствует нетто-приросту в результате более или менее известных нам демологических, преимущественно миграционных, процессов последнего года.)

8. Перспективное исчисление населения Латвии до 1950 г. Латвийского статистического управления по материалам 1934—1936 г. (рукопись).

(Перспективные расчеты численности населения Латвии на 1950 год в разрезе отдельных возрастов произведены на основе гипотезы о постоянстве режима воспроизводства, т. е. коэффициентов фертильности, без учета внереспубликанской миграции. Несмотря на то, что фактические события последующих лет значительно изменили ситуацию исходного периода, данные расчеты представляют известный интерес и в настоящее время.)

Для данных естественного движения населения.

9. Опубликованные Латвийским государственным статистическим управлением данные по 1939 г. (июль) (56,82).

(Относительно достоверны, см. примечание к п. I.)

10. Опубликованные немецким статистическим управлением данные за 1939 по 1943 и, частично, 1944 годы (79,80).

(Частично искажены, но поддаются реконструкции — см. примечание к п. 5.)

11. Ориентировочные расчеты по фрагментарным данным немецкого статистического управления и Уполномоченного Госплана СССР по Латвийской ССР на 1944 и, частично, 1945 годы.

(Не дают точных абсолютных цифр, но показывают динамику естественного движения населения и дают возможность построения показателя Ширля-Покровского.)

Для показателей механического движения населения Латвии.

12. Данные Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию фашистских зверств (31).
(Хотя и официальные, но по сути дела сугубо ориентировочны. Расчеты произведены на основании показаний свидетелей, некоторых найденных документов, габаритов обнаруженных мест захоронения и их относительной емкости и др. косвенных данных. Целый ряд обстоятельств указывает на существование еще не обнаруженных и не учтенных Республиканской Комиссией мест массового захоронения уничтоженного населения в северных районах Курземе; в Талсенском и Вентспилском уездах, в лесах Дундага; поэтому сумму 260 тыс., фигурирующую в наших расчетах, следует считать скорее заниженной, чем завышенной. Отклонению данной цифры в ту или другую сторону от действительности отразилось-бы лишь на представляющем для нашего ограниченного территориально исследования меньший интерес брутто-балансе населения Латвии, т. е. указывало-бы на большее или меньшее количество привезенных и впоследствии убитых здесь лиц. Большинство этих уничтоженных немецко-фашистскими палачами контингентов все время находилось в концлагерях и поэтому оказывало на динамику коренного латвийского населения столь-же незначительное влияние, как и истребленные на территории Латвии 327 тыс. (по официальным данным) советских военнопленных, совершенно не включенных в баланс.).
13. Данные Отдела реэвакуации и репатриации при СНК Латвийской ССР.
(Точные данные имеются лишь по количеству выехавших из Латвийской ССР после ее освобождения в порядке репатриации лиц, а также и вернувшихся в этом-же порядке (преимущественно из Германии). Данные по количеству вывезенных немцами насильно в Германию лиц, а также числу эвакуировавшихся в 1941 г. в центральные и восточные области СССР и в большинстве уже вернувшихся оттуда после освобождения Латвии граждан, представляемые в балансе, соответствуют данным Отдела реэвакуации и репатриации, но не могут считаться абсолютно точными. Цифра в 175 тыс. вывезенных немцами из Латвии граждан, исчисленная согласно представленным уездными и городскими исполкомами в сентябре 1945 г. данным, является неточной и, очевидно, заниженной. Данные судебного следствия по делу злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР (см. ниже), полученные через 4 месяца после представления местными исполкомами упомянутых сведений, а также и соображения демографического баланса (см. далее), всецело подтвердили предпо-

ложение о том, что цифра в 175 тыс. человек увезенных немцами, представленная Отделом реэвакуации и репатриации при СНК Латвийской ССР, охватывает лишь угнанное и на последнем этапе оккупации местное население, в то время, как общее число увезенных достигает цифры в 260—280 тысяч, как это и установлено судебным следствием.)

14. М а т е р и а л ы (обвинительное заключение, протоколы предварительного и судебного следствия и приговор) дела о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, слушавшегося в г. Рига с 27 января по 3 февраля 1946 года (23).

(Автор получил возможность ознакомиться с материалами дела — включая и стенограммы судебного следствия — объемом свыше 1000 стр. Показаниями свидетелей и самих обвиняемых — в основном бывш. верховного руководителя «СС» и полиции на территории Прибалтики обергруппенфюрера «СС» и генерала полиции Фридриха Еккельна — подтвердились многие из намечавшихся ранее предположений, уточнились цифры, даты, выяснилась последовательность и взаимосвязь событий. Опубликованное «обвинительное заключение» по делу (см. лит.), включающие данные предварительного следствия, получило подтверждение в ходе судебного следствия и завершающее оформление в Приговоре Суда от 3 февраля 1946 г.).

Согласование отчасти взаимно противоречащих друг другу данных производилась с учетом их относительной достоверности, а также и неофициальной информации, полученной от компетентных лиц.

Помимо перечисленных материалов представляемая работа лишь в незначительной мере может опираться на отражение прорабатываемой проблемы в доступной нам литературе.

В узком смысле слова — в смысле непосредственного отображения демологических процессов последнего пятилетия — работа вследствие отсутствия публикаций (за исключением 2 работ Биро и Огбэрна) является «вынужденно самостоятельной» и опирается в основном на перечисленные выше первичные материалы.*)

*) Одной из первых работ, посвященных вопросу санитарных последствий гитлеровской оккупации у нас является работа Габриловича (6). К сожалению, автор своей статьей лишь подменяет сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию фашистских зверств и, частично, конъюнктурный обзор Наркомздрава БССР. Демографический раздел проблемы в работе не отражен.

Поэтому мы пользовались доступной нам литературой лишь постольку, поскольку таковая:

1. давала материал по технике обработки вопроса (см. лит. 3—4, 10—13, 18, 22—26, 32—33, 35, 40—41, 43, 53—54, 77, 87—88);

2. содержала необходимые для сравнений как в исторической, так и в территориальной плоскости данные (2, 5, 6—10, 13, 16—17, 21, 23, 28, 31, 33, 36, 38—39, 41, 43, 48—49, 55—56, 58, 60—61, 72—75, 77—78, 82—83, 85—86);

3. отражала ту или иную ранее наблюдавшуюся закономерность демологических процессов (1, 3, 8, 19—20, 27, 30, 34—36, 44—45, 47, 53, 57, 59, 62—65, 67—68, 72, 83—84).

Придерживаясь обычной техники сопоставления параллельных или исторически последовательных демологических явлений, мы в основном пользовались руководствами Уипплья - Новосельского и Ньюсхолма, применяя в частных случаях тот или иной специальный метод из перечисленных в п. I источников.

При этом мы пытались представить динамику каждого явления наиболее рельефно, пользуясь как показателями экстенсивности, так и, по мере возможности, интенсивности и «числами наглядности» (Новосельский). При выборе методики построения диаграмм или картограмм мы также стремились избрать для каждого случая наиболее рельефный и убедительный вид графического изображения, в пределах доступной нам типографской техники.

В этом направлении прекрасным образцом многогранной и изобретательной методики является статистический атлас Латвии М. Скунениэка, изд. в 1938 г. (73). Безукоризненная полиграфическая техника здесь блестяще сочетается с тщательным подбором материала и предельной наглядностью композиции. Учтены нами и методические указания классического руководства Бывова (4).

При проработке статистических или литературных данных, изданных в условиях буржуазной Латвии, т. е. за время с 1920—1940 г., а тем более и во время оккупационного периода, приходится постоянно считаться с моментом «статистической направленности» во внешне даже «объективном» отображении фактов, в выборе и сопоставлении материала. В вышеупомянутом блестяще оформленном статистическом атласе автор его при построении динамических диаграмм по разным отраслям народнохозяйственной статистики представляет факты в «удобном» по политическим соображениям виде. Так, например, динамика населения крупных городов Латвии представляется несколько искаженной: для некоторых городов данным эпохи самостоятельной Латвии противопоставля-

лись не данные состояния непосредственно перед войной 1914—1918 г. г., свидетельствовавшие о расцвете экономических сил и стремительном росте городов Латвии, а более ранние данные 1911 г. (Лиэпяя) и даже 1897 г. (Даугавпилс). Этот прием имел целью «ступевать» состояние упадка, в котором находилось большинство городов Латвии после отделения последней от России.

Особенно очевидна тенденциозность искусно оформленной диаграммы (лист 35 атласа), отображающей динамику развития латвийской промышленности. Несмотря на наличие надежных данных за период с 1900—1910 и даже 1913 г., диаграмма противопоставляет числам этапа 1920—1936 г. г. лишь данные 1897 г., т. е. заведомо до начала самого бурного этапа процесса роста промышленности Латвии. В экспозиции этой диаграммы количество работавших в 1936 г. в промышленности Латвии лиц заметно превышает единственно представленное число работавших до войны 1914—1918 г. г., в то время как в действительности довоенные годы были годами интенсивной индустриализации, приведшей к увеличению числа рабочих до уровня, намного превышавшего любой уровень во время самостоятельного существования страны. При этом любопытно отметить, что в 1912 г. тем же автором была издана монография о промышленности Латвии, содержащая настоящие, реальные данные (M. Skujenieks, *Latvijas lielrūpniecība* 1912.).

Особого внимания заслуживают данные об этническом составе населения республики представляемые статистиками бывшей Латвии, в первую очередь тем же М. Скуэниэком. Через год после фашистского переворота Ульманиса (1934 г.) проведенная перепись населения должна была, по правительственному заданию, демонстрировать «национальное» лицо Латвии. Поэтому проводившие перепись работники получили указания о причислении к национально-латышскому населению независимо от субъективного момента не только всех происшедших от смешанных браков с одним из родителей латышской национальности, как указано в соответствующей инструкции (86), но и некоторой части граждан, являвшихся в действительности русскими, поляками или немцами, если их национальная принадлежность субъективно казалась неясной и какой-либо из побочных признаков, в первую очередь фамилия, давали основание предполагать латышское происхождение кого-либо из дальних предков. Многочисленны случаи латгалцев польского происхождения, отвечавших на вопрос о национальной принадлежности — «католики» и причислявшихся к латышскому населению.

При учете естественного движения населения признак национальности определялся также по вышеуказанному принципу.

В результате такого национально-статистического рвения при общем приросте с 1930—1935 г. г. в 50.457 чел. прирост «латышского»

населения составлял 77.655 чел. За это-же пятилетие из общего естественного прироста в 46.405 чел. на долю латышей пришлось 26.623 чел., т. е. всего 57,4%.

В графе механического движения населения за эти-же годы для латышей указан прирост в 51.031 чел., для всех прочих национальностей — убыль в 46.979 чел., при совершенно незначительной в этом-же пятилетии фактической миграции за пределы страны. Применение упомянутой «статистической механики» таким образом искажало содержание понятия «механическое движение населения»; миграция физических лиц подменялась «миграцией» этнических ярыльчков. Такая статистическая «прическа» привела к искусственному увеличению удельного веса латышского населения с 73,42% в 1930 г. до 75,50% в 1935 г., в то время как относительно меньшая рождаемость латышей (естественный прирост латышей 57,4% к итогу при 73,4% населения) должна была дать некоторое снижение процента национально латышского населения среди общего количества жителей Латвии, при имеющемся еще некотором абсолютном приросте.*)

Приведенные примеры являются доказательством необходимости критического подхода даже к относительно добросовестным данным латвийской статистики эпохи 1920—1939 г. г.

При разработке собранного материала нас интересовал и вопрос соответствия наблюдаемых закономерностей отраженным ранее в литературе.

В доступных нам демографических работах имеются указания на связанные с войнами типичные сдвиги в возрастно-половой структуре населения (3, 10, 15, 22, 33—34, 60).

Несколько работ, посвященных специально этому вопросу (Френкель, 34; Бургдерфер — Burgdörfer, 41; Догалл — Dougall, 46; Унгерн - Штернберг — Ungern-Sternberg, 83), в основном подтверждают выводы вышеупомянутых авторов.

Закономерности процесса урбанизации и индустриализации отражаются в работах Смуглевича (30) и Огбэрна, миграционные процессы — у Огбэрна, Паевского (23), Дэринга (43), Урланиса, Биро и других (16, 22, 33).

Указания на характерные изменения основных показателей естественного движения населения в результате войны имеются почти во всех

*) Неопубликованное перспективное исчисление населения, произведенное Латвийским статистическим управлением в 1937—1938 г. г., при тенденциях естественного движения населения того времени предвещало, начиная с 1943 г., сокращение абсолютного числа латышей.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Основные демологические процессы на территории Латвийской ССР с 1939—1945 г.

Если в периоды мирного развития народа 5 лет являются сроком ничтожным, не вносящим заметных изменений в его структуру и демографические показатели, то 5—6 лет, прошедшие с начала открытой фашистской агрессии и военных действий в Европе до их завершительного этапа были годами тяжелейших потрясений и сдвигов, еще далеко не обозримых по своим последствиям.

Как и в период первой мировой войны народу Латвии пришлось, подобно большинству других, втянутых в *обфиту* военных действий, народов, испить глубокую чашу бедствия и горя.

В периоды мирного развития народов характер общей картины демографических сдвигов определяется в первую очередь процессами естественного движения населения. В периоды бедствий, катаклизмов и последующих за ними лет доминирующее значение приобретают факторы другого порядка. Механическое движение населения *sensu strictiori* — миграция всех видов — является неизбежным спутником войн и народных бедствий.

Процессы воспроизводства населения нарушены настолько резко, что их баланс никак не укладывается в логическое содержание старой формулы — «естественное движение населения».

Рождаемость часто падает до неестественно низких пределов, смертность же в такие периоды настолько не соответствует обычному порядку вымирания, что также трудно укладывается в гранку дебета «естественного» движения населения. В военное время общая смертность является суммой обычной и чрезвычайной (эксцессивной) смертности гражданского населения + безвозвратные потери в результате боевых действий (статьи 1а и 2а и б раздела I. схемы демографических последствий войны, стр. 20).

Удельный вес насильственной смертности т. е. непосредственных (безвозвратных) боевых потерь в общей сумме смертей военного периода колеблется в больших пределах. Так как в результате непосредственных боевых действий децимировались лишь ряды мобилизованного мужского населения, во время первой мировой войны 1914—1918 смертность в общем увеличилась лишь на 2—4% (по рас-

чета Д э р и н г' а). Правда, эта цифра отражает лишь количественные, но не качественные сдвиги и совсем не отражает почти не поддающегося цифровому учету пагубного влияния военных потерь на процесс воспроизводства населения.

Основные показатели естественного движения населения — брачности, рождаемости и смертности — очень быстро и чутко реагируют на все осложнения быта, на нарушения экономического или психологического равновесия. Объем этих изменений относительно массы всего организма народа иногда бывает настолько незначительным, что выделение их в таких случаях возможно лишь при помощи утонченных методов демографической статистики. Нарушение нормального режима воспроизводства населения должно быть сколько-нибудь длительным для того, чтобы существенно повлиять на демологическую массу. Так например, кривые основных демографических показателей Прибалтики за вторую половину прошедшего века, дающие картину сравнительно равномерного стабильного роста, все-же при более детальном изучении отображают не только неурожайные годы 1868—1870, но и столь далекие события, как Крымскую войну 1853—1856 годов или Турецкую кампанию 1877—1878 г. г.

Пятилетие 1939 по 1944 год, помимо небывалой тяжести пережитых народом Латвии потрясений, характеризуется повторной сменой политических и стратегических ситуаций. Каждой из этих фаз катаклизмического пятилетия соответствуют специфические явления, требующие раздельного анализа.

Цикл демологических процессов, вызванных первой мировой войной, следует в основном считать закончившимся к исходу 1922 года, после чего наступил период некоторой стабилизации с квотой среднегодового естественного прироста в 4—7 человек на 1000 населения, при непрерывно падающей тенденции (1921/25 — 7,2‰ 1931/35 — 4,3‰ 1936/39 — 4,1‰, обусловленной уменьшением рождаемости при относительно стабильной смертности).

За эти годы механического движения населения за пределы республики почти не наблюдалось, за исключением ежегодных флотаций польских сезонных рабочих, приезжавших в количестве до 60.000 чел. весной и уезжавших осенью. Из этих сезонных рабочих за годы 1935—1939 осталось в Латвии на постоянное жительство около 13,5 тысяч человек.

Такой представлялась демографическая ситуация Латвии к первому сентября 1939 года, дню нападения Германии на Польшу. С этого момента и для Латвии окончился период относительной стабильности, наступил период последовательных тяжелых потрясений.

Преобладание механических процессов движения населения над естественным представляет целесообразным их рассмотрение в первую очередь.

А. Механическое движение населения Латвии 1939—1945 г. г.

Характер механического движения населения Латвийской ССР с 1939 по 1945 год представляет уместным придерживаться хронологического порядка изложения, с объединением суммарных значений по каждой группе в отдельном демографическом балансе (см. дальше).

Уже с сентября 1939 года, с начала войны в Польше и на Западе, в Латвии остро ощущалась напряженная обстановка, характеризовавшаяся специфическими миграционными процессами. Это был «этап инициальной тревоги».

Предвестником подготовляемой Гитлером агрессии представляется организованная всеобщая «репатриация» лиц немецкой национальности из граничавших на востоке с Германией стран.

Этот отъезд проживавшего на территории Прибалтики оседлого населения немецкой национальности являлся в демографическом смысле чистой эмиграцией и получил название «репатриации» от германского министра пропаганды. Поэтому в балансе убыль по такому рода «репатриации» будет отнесена в рубрику абсолютной убыли — т. е. эмиграции, а не в рубрику — М 2 б, куда относятся убыли в результате отъезда временно находившегося на территории страны населения (см. схему на стр. 88).

Дальнейшее развитие германской агрессии, завершившееся нападением на Советский Союз в июне 1941 года, представило в правильном свете этот акт политической «предусмотрительности», имевший целью уберечь «ценные» колонизаторские кадры зарубежных немцев от военной угрозы, сохранить их для выполнения заданий третьего Рейха по установлению немецкого владычества на Востоке. 63 тысячи немцев частично добровольно, под влиянием беззастенчивой агитации и гипноза дешевых успехов гитлеровской империи на первом этапе ее экспансии, частично под угрозой расправы с ними, как «отщепенцами немецкого народа», покидали веками насиженные места, бросали хозяйства, родных и друзей и переезжали в совершенно чуждую им среду германского Рейха.

Немецкое население Латвии было преимущественно городским и в большинстве своем проживало в Риге, Елгаве (Митаве), Лиепae, Венгпилсе и некоторых других маленьких городах Курземе (бывш. Курляндии).

Наряду с организованной эмиграцией — «репатриацией» немецкого населения — к концу 1939 и началу 1940 г. относится явление противоположное по характеру, но незначительное по объему: в Латвии осело некоторое количество лиц, выброшенных за пределы своей родины волной фашистского террора, осела также часть приехавших весною польских рабочих; пытались устроиться осколки разбитой польской армии. Эти процессы, не существенные в цифровом выражении, создали в стране атмосферу беспокойства, тревоги и смутное предчувствия предстоящих испытаний.*)

К этому времени, под угрозой вовлечения Латвии в орбиту спутников германского фашизма, произошло возвращение ее в семью советских республик. Несмотря на возрастающее внешне-политическое напряжение, процесс советского строительства привел к подъему всех производительных сил, мобилизации духовных и материальных ресурсов латвийского народа.

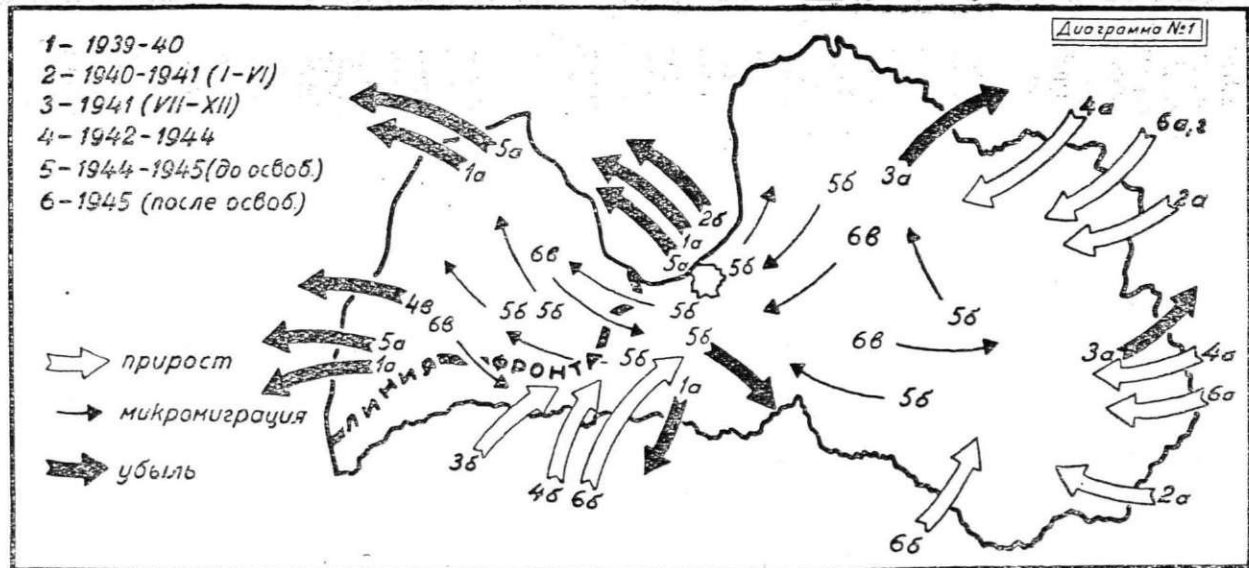
Специфические демологические процессы, в первую очередь миграционного порядка, характеризуют и этот этап. Миграция периода 1940—1941 годов происходит в двух направлениях. Начали возвращаться осевшие в различных областях Советского Союза эвакуированные в 1915—1917 годах латыши, не пожелавшие вернуться на родину в период буржуазной республики или ушедшие вместе с Красной Армией в 1919 году.**)

Некоторый прирост населения следует относить и за счет командированных в Латвию на постоянную работу специалистов советского строительства, а также и членов семейств командированных на территории Латвии частей Красной Армии.

Этот сравнительно незначительный прирост населения был однако же нейтрализован вторичной репатриацией немцев и объявивших себя таковыми непримиримых противников советского строя, проведенной незадолго до фашистского вторжения, в марте-апреле 1941 года. Подпольная агитация гитлеровцев имела целью завлечь в свои сети возможно большее количество местных жителей с намерением использовать их при предстоящем захвате Прибалтики в качестве диверсантов и знающих местные условия подручных.

*) Самым чувствительным показателем нарастающего напряжения оказался коэффициент смертности. В пределах сравнительно небольших колебаний смертность была наименьшей в 1938 году (13,5‰), а затем, начиная с 1939 года, стала почти непрерывно возрастать (см. ниже). Этот рост был частично обусловлен увеличением смертности как таковой, частично подвижкой возрастов и изменившейся возрастной структурой.

***) Во время всесоюзной переписи населения в 1926 году на территории СССР учтено 141,7 тыс. латышей и 9,7 тыс. латгальцев (5).

Направления основных миграционных потоков в ЛССР 1939—1945 (См. дем. баланс стр. 92 и след.)

1. 1939/40 — „Этап инициальной тревоги“. (См. текст)	в) Насильственный угон латышей на работу в Германию
а) Репатриация немцев	
2. 1940 — июнь 1941 — Установление сов. власти в Латвии	5. 1944/45 — Этап освобождения
а) Возвращение латышей из эмиграции	а) Насильственный увоз населения Латвии в Германию
б) Вторичная репатриация немцев	б) Микромиграция в пределах Латвии в связи с боевыми действиями
3. Июнь-декабрь 1941 — Вторжение	
а) Эвакуация. б) Приезд немецких резидентов	6. 1945 — „Период первичной реституции“
4. 1942/44 — Оккупационный период	а) Резэвакуация. б) Репатриация
а) Насильственный привоз населения из РСФСР	в) Микромиграция (компенсативная)
б) Иммиграция немцев и насильственный привоз населения из оккупированных стран Европы	г) Иммиграция из других республик СССР

К моменту немецко-фашистского вторжения в июне 1941 года количество населения Латвии*) исчислялась приблизительно в 1.870 тыс. человек, Установить эту цифру возможно лишь путем исчисления, путем оценки всех, частично синергичных, частично антагоничных демологических процессов, т. к. статистических данных за этот период почти не сохранилось. Демографическая равнодействующая всех процессов 1939—1940 г. г. привела к сокращению численности населения приблизительно на 23,5 тыс. по сравнению с фактической цифрой 1935 года, и на 64,5 тыс. по сравнению с расчетной цифрой (с учетом естественного прироста) на 1939 год.

Точные данные о количестве населения на отдельных этапах пятилетия 1939—1944 имеются только по городу Рига, однако же они не показательны для всей республики, т. к. Рига имеет свой специфический баланс населения, отличный от средне-республиканского. Некоторые процессы, в первую очередь обе репатриации немцев, в силу относительно большего их удельного веса в столице (10% немцев в Риге против 3,19% в среднем по Латвии по данным переписи 1935 г.), и почти полное отсутствие естественного прироста городского населения вообще, привели к особенно резкому снижению количества населения Риги. В то же время другие демологические процессы — оседание сезонных сельско-хозяйственных рабочих, сравнительно с городским большой естественный прирост, переселение части оказавшихся не у дел руководящих работников буржуазной Латвии из Риги в сельские местности — увеличили количество сельского населения и в результате дали некоторое снижение коэффициента урбанизации в республиканском разрезе с 34,6% в 1935 году до 32,4% в 1941 году (считая городами населенные места городского типа с количеством жителей свыше 2.000).

Таковой представлялась демографическая ситуация Латвии к моменту нападения Германии на СССР. Первый этап последующего трехлетнего оккупационного периода, этап вторжения, с вызванным последним специфическим видом миграции — эвакуацией, был сравнительно непродолжительным. Вследствие этого было эвакуировано относительно небольшое количество населения, преимущественно из городов, в общем около 58.000 человек. Внезапность нападения и первоначально быстрый продвижение немецких войск с одной стороны, инертность населения и отсутствие правильного представления о предстоящих испытаниях с другой, не дали всколыхнуться большинству населения в той мере, как это было во время организованной исподволь и проводившейся систематически эвакуации 1915—1916 г. г.

*) По современному административному делению, с учетом исключения 6-ти волостей Вилякского — б. Абренского — уезда с преимущественно русским населением в 25—30.000 человек, отошедших к Псковской области РСФСР.

Все последующие 3 года немецкой оккупации характеризовались небывалыми механическими в более прямом, чем обычно, смысле этого слова изменениями структуры населения страны.

Немецкими оккупантами применялись в основном 3 различных вида насильственного воздействия на население временно захваченных территорий:

1. Физическое истребление.
2. Насильственное переселение.
3. Переселение с последующим истреблением.*)

Эти 3 формы невиданного в истории новых веков насилия применялись и одновременно, и последовательно, в зависимости от изменявшейся стратегической и политической обстановки. Тем не менее каждая из них на территории Латвии имела характерные особенности и заслуживает некоторого анализа.

Физическому истреблению подлежали в основном 2 категории лиц — в первую очередь евреи и политически опасные для фашистского владычества лица любой национальности, во вторую очередь — «демополитически чуждые» тевтонским захватчикам группы сверх тех контингентов, которые немецкие сатрапы сочли нужным сохранить на положении рабов для выполнения примитивных и трудоемких работ как на захваченной территории, так и у себя в Германии. Помимо евреев и советских активистов, к этой группе относятся также приблизительно 4.000 расстрелянных немцами в Саласпилском концлагере цыган (Материалы «Дела о злодеяниях», том 1-й л. д. 64, 67, 219, 302, том 2-й л. д. 4, 23, том 5-й л. д. 417-423). Помимо упомянутых категорий уничтожению подлежали (и были уничтожены), психически больные — на территории Латвии около 2.000 человек. («Материалы по делу»... том 1-й л. д. 64—66, 219, 302, том 2-й л. д. 49—71, 405, 110, 205, том 3-й л. д. 196—200).

Прием насильственного переселения применялся немцами с двойной целью. В первую очередь из захваченных ими временно областей работоспособные контингенты молодых возрастов отправлялись в собственно Германию или на подвластные немцам территории на работу в промышленности и сельском хозяйстве. Вначале отправку этих контингентов пытались организовать методом «вербовки», с обещанием всяких благ на новом месте работы. Когда население захваченных областей успе-

*) Истребление населения по нашей схеме (стр. 20) является разновидностью чрезвычайной смертности (Раздел I, стр. 2-а), насильственное переселение чистым, хотя и принудительным миграционным процессом (I. 4 или II.3). Тесная взаимосвязь и неразрывное сочетание этих двух основных форм фашистской демополитики разрешают нам включить анализ всего комплекса в раздел «механического движения населения.»

вало ознакомиться с условиями труда на фашистской неволе, немцам пришлось отказаться даже от инсценировки вербовочной кампании и прибегнуть к так называемой «мобилизации», т. е. попросту насильственному увозу работоспособного населения. Обеспечение германской промышленности и сельского хозяйства рабочей силой на рабовладельческих началах являлось основной целью переселенческих акций на первом этапе господства немецко-фашистских захватчиков, этапе наступательных операций немецкой армии и, отчасти, этапе стабилизации фронта на отдельных его участках.

С наступлением перелома на фронтах, германское руководство, предвидя неизбежность оставления новых территорий под воздействием неудержимого натиска Красной Армии, дало указание о неукоснительном выполнении директивы об оставлении наступающим советским войскам «мертвой зоны», населенные места которой сжигались, а население переносилось в тыл немецкой армии. Эти контингенты насильно угоняемых немцами людей частично не являлись абсолютно необходимыми для поддержания напряженного баланса рабочей силы и воспринимались руководством немецких тылов как обуза, от которой необходимо избавиться по возможности скорее. Большая часть этого насильственно увезенного с насиженных мест населения стонялась в гигантские концлагери, в которых создавались условия для быстрого и массового умирания поступающих контингентов. Все приемы насильственного уничтожения были лишь подспорьем для выполнения поставленной перед руководством лагерей задачи быстрейшей ликвидации поступающих людских масс, т. к. большинство обреченных погибало от истощения, голода и искусственно культивируемых инфекций.

На характер происходивших на территории Латвии процессов перемещения и «переработки» людских масс оказало влияние и та политика, которую немцы проводили по отношению к местному населению.

Прибалтика почиталась немцами всегда обетованной землей для германских колонизационных стремлений на Востоке Европы. На различных исторических этапах немцы возобновляли свои начатые Тевтонским орденом в XI. веке попытки полной германизации Прибалтийских областей, пользуясь мощью захватившего все земли помещичьего класса немецких баронов, проникавших в придворные круги господствовавших на соответствующем историческом этапе династий.

Поражение Германии во время первой империалистической войны и перемены политической структуры восточной Европы, вызванные Великой Октябрьской Социалистической Революцией, нанесли тяжелый удар позициям немцев в Прибалтике. Латифундии баронов в результате частичной аграрной реформы были урезаны, монополии немецких купцов и промышленников, немецкое руководство во всех муниципальных и культурных учреждениях заменено молодой и быстро крепнущей местной буржуазией.

Немецкое население, лишившись своих экономических привилегий, оказалось совершенно нежизнеспособным в новых условиях и быстро уменьшалось (за 10 лет 1925—1935 количество немцев в Латвии уменьшилось с 70,9 тыс. до 62,1 тыс., т. е. на 12,4%, рождаемость в последние годы составляло лишь около 60% необходимого для воспроизводства немецкого населения); многие эмигрировали в Германию; показатели естественного движения немецкого населения были резко неблагоприятными и предвещали ему полное вымирание в исторически реальной перспективе. (За 5 лет 1930—1935 естественное движение немецкого населения дало убыль в 1,6 тыс., механическое — в 6,0 т.). Несмотря на это, германская националистическая пропаганда и в период после проигранной войны 1914—1918 г. г. ни на минуту не отказалась от своих претензий на «немецкую Прибалтику», «старую немецкую Ригу». Многочисленные издания в Германии продолжали пропаганду германской экспансии на восток, причем Прибалтийский край рассматривался уже не как область политического и экономического господства, а как область сплошной немецкой колонизации, долженствующая слиться с собственно-германскими провинциями в единое демологическое целое.

Неоднократно осевшими в Германии отпрысками древних немецко-балтийских родов, потерявших свои прибалтийские поместья, высказывалась мысль, что причиной потери немцами прибалтийских земель являлась неправильная национальная политика, стремившаяся лишь к господству немцев в стране и, в лучшем случае, к германизации латышей и эстонцев вместо целеустремленной массовой колонизации чисто-немецкими элементами и сознательного уничтожения коренного населения. Барон фон-Мензенкампф совершенно открыто убеждал общественное мнение Германии «не повторять в будущем ошибок предыдущих поколений и не предпринимать вновь попыток германизации чуждого немцам «по крови» латышского и эстонского населения, а проводить политику «вытеснения» его колонистами «чисто немецкой расы».» О методах, посредством которых должна была осуществляться эта политика, в книге Мензенкампфа „Schicksal im Osten“, вышедшей в свет вскоре после прихода Гитлера к власти, по понятным соображениям тогда еще ничего не говорилось. Опыт 1941—1944 г. г. однако же показал, что немцы вполне способны технически справиться с задачей искоренения человеческих масс, во много раз больших, чем общее население Прибалтики.

После захвата территорий Латвии и Эстонии немцы все-же не сразу раскрыли свои карты. По военно-стратегическим и экономическим причинам они предпочли отложить реализацию планируемой сплошной германизации Прибалтики с радикальным «устрапением» местного населения «до победы», которая, к счастью прибалтийских народов, немцам не была суждена.

Напряженность национально-немецких человеческих и экономических ресурсов «Великой» Германии не позволяла ей заняться колониза-

тюрскими экспериментами до окончания войны. Со свойственной немцам беззащитностью и лживостью в применении «оправдываемых» целью средств они проводили политику вовлечения народов Прибалтики в свою политическую орбиту. Мобилизуя в свою пользу местную буржуазию и националистическую часть интеллигенции, увлекая ее миражем псевдо-самостоятельного существования под протекторатом «могущественного германского Райха» и весьма реальными выгодами, во все времена предоставлявшимися тираннами своим подручным, немцы старались на время заглушить в народах Прибалтики инстинкт вековой вражды к своим поработителям, возбудить ненависть к свободолюбивому Советскому Союзу. Только эта тактика сулила им более или менее спокойный тыл, позволяла пользоваться ресурсами почти не пострадавшего от военных действий в 1941 году народного хозяйства, мобилизовать мужское население в «национальные» подразделения войск СС.

Проводя всю эту, рассчитанную на притупление национальной бдительности народов Прибалтики на время войны, политику, немцы ни на минуту не отказывались от программатической сплошной германизации Прибалтики, от мысли о поголовном искоренении местного населения.

В августе 1942 г., в конфискованном немецкими же властями в Латвии по понятным соображениям номере органа СС „Das schwarze Corps“ была помещена статья под заголовком «Германизовать-ли?» В ней говорилось: «Наша задача не германизовать восток в прямом смысле слова... а способствовать тому, чтобы восток населяли люди только немецкой, германской крови». (Материалы по делу... том 18-й л. д. 242).

Одновременно произошло и конфиденциальное совещание в Елгаве, на котором руководитель местных нацистских главарей, пресловутый барон Эрист фон-Мэдэм, выступил с обширным докладом о целях и предстоящих задачах немцев в Прибалтике. Разъяснив присутствующим значение и обусловленную военной обстановкой временную необходимость отказа от немедленной германизации Прибалтики, фон-Мэдэм все-же обещал выполнить эту задачу и ликвидировать «туземное» население в течение 15-ти лет.

Тем временем, ожидая «победоносного» конца войны, немцы не жалели трудов, чтобы доказать немецкий характер страны, стимулировали издание специальной литературы и всячески старались германизовать внешний облик населенных мест.

Все вышеизложенное объясняет особенности политики немецких захватчиков в Прибалтике, в частности на территории Латвии. Ни в коей мере не отказываясь от насильственных методов своей «национальной» политики, они на данном этапе по отношению к коренному населению Латвии решились на их «ограниченное» применение.

Как уже упоминалось, с самого начала безусловно уничтожению подлежало еврейское население и «политически неблагонадежная», т. е. попросту прогрессивная и не желавшая впрямую в германскую колесницу, часть латышского населения, в первую очередь рабочие-активисты и прогрессивная интеллигенция.

Верные своему утилитарному принципу, приведшему их к сооружению Данцигских мыловаренных заводов, немцы лишь в самом начале увлекались непосредственным уничтожением обреченных континентов. Впоследствии, по указанию самого Геринга, «вернувшись к плановой, «методической» работе, они как и всюду достигали намеченной цели систематическим изнурением обитателей концлагерей на непосильной работе при голодном режиме, с последующей «естественной» смертью от истощения и болезней.

По отношению к нетрудоспособным — старикам, женщинам и детям с самого начала и до конца применялся «непосредственный» метод.

Республиканская комиссия по расследованию немецко-фашистских зверств установила, что немцами на территории Латвии уничтожено свыше 260 тыс. мирных жителей, не считая 327 тыс. военнопленных.*)

Из них только около 90—100 тыс. являлись коренными жителями Латвии (в основном евреи и советский актив). Значительное количество обреченных на истребление было привезено немцами в Латвию из целого ряда стран Европы; число привезенных с этой целью с точностью установить не представляется возможным, т. к. немцы всюду принимали все меры к затруднению идентификации своих жертв, сжигали трупы и документы, маскировали места захоронения и пр.

Вековые леса в районе Дундага еще не вскрыли страшной тайны участков массового уничтожения и захоронения многих тысяч людей.**)

В число жертв входят и «излишки» привезенного из прифронтовых областей оккупированной немцами территории населения, не поглощенные работавшими на немецкую военную экономику и перешедшими на рабовладельческий режим кулацкими хозяйствами центральных уездов Латвии. Количество предоставленных латышским кулакам русских

*) Материалами судебного следствия, показаниями свидетелей и подсудимого Еккельна установлена цифра уничтоженных на территории Латвийской ССР в свыше 600 тыс. человек, из них 260 тысяч гражданского населения, в том числе 40 тысяч детей.

**) По показаниям обвиняемых Еккельна от 14. XII. 45 г. и Бекинг от 23. XII. 45 г. — во время предварительного следствия —, а также и согласно показаниям свидетелей, количество уничтоженных на территории «Остланда» евреев из Польши, Чехословакии, Австрии, Бельгии, Голландии и друг. стран превышало 200.000; из них в Латвии — по расчетам подсудимого Еккельна — до 88.000. По мнению компетентных лиц, эта цифра по отношению к территории Латвии занижена.

«рабов» было настолько велико, что уже к началу 1943 г. привело к заметному увеличению населения центральных уездов Латвии с наибольшим количеством кулацких хозяйств. (См. диаграмму 2 на стр. 49) Как выяснилось на процессе, в числе проданных в рабство кулацким хозяйствам по цене 9—15 марок в месяц было и около 5.000 детей, из коих около 4.000 было впоследствии увезено в Германию (том 3-й, т. д. 348—35). К моменту освобождения на территории Латвии находилось до 100 тыс. привезенных таким образом русских людей (по данным Отдела репатриации и реэвакуации при СНК Латвийской ССР).

Большинству населения Латвии, того самого населения, которое немцы в течение почти трех лет в интересах обеспечения спокойного тыла на время войны пытались расположить в свою пользу, в конечном этапе войны по мере вынужденного отхода немецких войск была уготовлена та же участь: насильственный увод в немецкое рабство, быстрое истребление всех нетрудоспособных и медленное угасание остальных в условиях непосильного труда и постоянного недоедания в германских рабовладельческих лагерях.

Латышский народ в целом избег этой участи лишь вследствие гениальной стратегии Красной Армии, отрезавшей немцам пути отхода сушей из Прибалтики еще в начале лета 1944 года. Сильно поредевший немецкий флот не был в состоянии помимо обеспечения воинских перевозок транспортировать крупные контингенты насильно увозимых через блокируемые советской авиацией порты Лиэпая и Вентспилс.

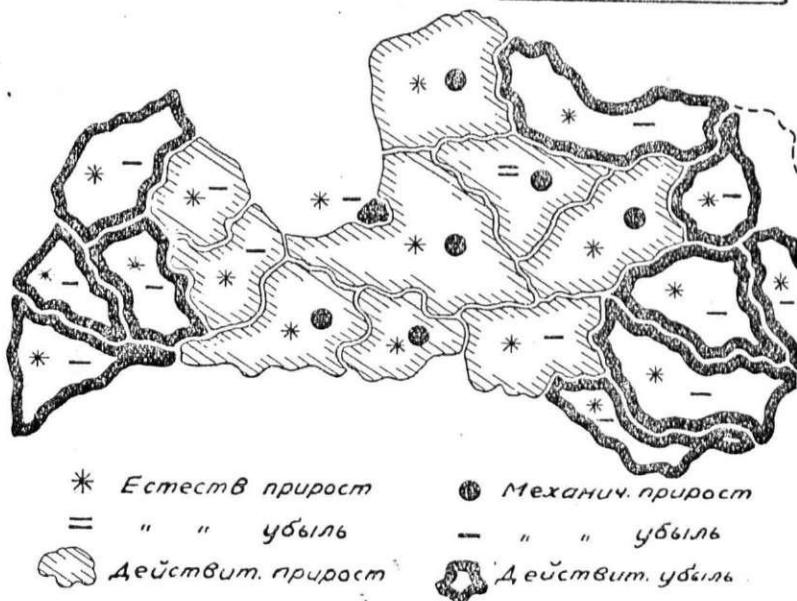
Хуторский характер сельских поселений Латвии также помогал населению скрываться от насильственного увода в ближайших лесах и затруднял немцам выявление и концентрацию подлежавшего принудительной «эвакуации» населения.

Все-же при таких относительно неблагоприятных обстоятельствах немцам удалось вывести из Латвии около 280 тыс. жителей, не включая мобилизованных ими насильно в армию или строительную организацию Тодта.

На предшествовавшем изгнанию немцев из Прибалтики этапе, политика временного «умиротворения» местного населения, преимущественно сельских кулаков, привела к массовой передаче крупным сельским хозяйствам объявленных «военнопленным» жителей пограничных с Латвией областей РСФСР и БССР — о которой упоминалось выше.

Три года фашистского господства в Латвии характеризовались глубочайшими механическими сдвигами в ее демографической структуре и жестоким экономическим насилием. За эти 3 года немцы беспощадно выкачивали ресурсы сельского хозяйства и в полной мере подчинили интересы местной промышленности интересам немецких промышленных магнатов. Последние беззащитно вывозили ценное оборудование

Диаграмма №2

Суммарное воздействие основных факторов естественного и механического движения населения Латвии в территориальном разрезе за период 1939 — 1943 г. г. Естественный прирост в 18 уездах из 19. Преобладание механического прироста над механической убылью в 6-ти центральных уездах. По совокупности действительный прирост в 9-ти уездах, действительная убыль — в 10-ти уездах на периферии

латвийских заводов в Германию, лишая таким образом «неблагонадежный» класс городского пролетариата источников существования и подготавливая этим окончательное превращение и так недостаточно индустриальной страны в всецело зависящей от германской промышленности земледельческий придаток.

Наконец, в середине 1944 года наступил весьма драматический этап окончательного изгнания оккупантов.

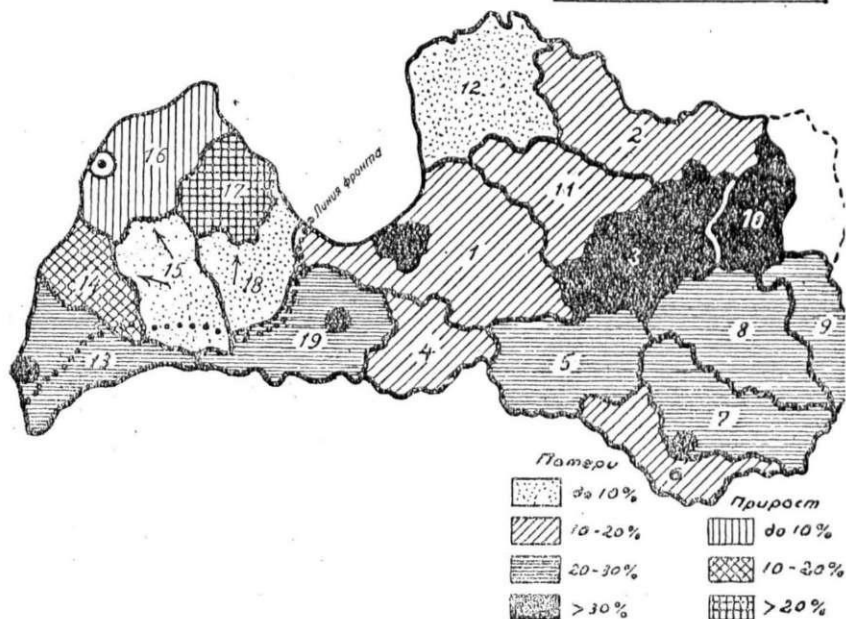
Тут населению Латвии дополнительно к перенесенному за предыдущие 3 года пришлось изведать всю чудовищность разгула окончательно обреченных на гибель фашистских оккупантов, сбросивших маску «могущественных покровителей» и обнаруживших свое истое хищническое лицо. Без стратегической или тактической необходимости уничтожались все ценные сооружения, сжигались хутора, взрывались школы и больницы, и, если на это хватало времени, целые города (Валмиэра). Немцы наспех вывозили остатки заключенных в концлагерях рабов, поголовное истребление которых не позволял все возрастающий после тотальных и сверхтотальных мобилизаций недостаток рабочей силы в самой Германии, обусловленный также и высокой смертностью среди ранее пригнанных на работу в каторжных условиях граждан из всех временно захваченных гитлеровцами стран Европы. Большое количество заключенных все-же подвергалось истреблению и в последний момент, непосредственно перед освобождением района Красной Армией.

Местное население немцы пытались «заблаговременно» уговорить к «добровольному» отъезду в Германию, а в последние перед своим уходом дни они повсюду применяли метод насильственного увоза. (Материалы дела . . . том 1-й л. д. 64 и далее). Часть населения покидала насиженные места в районах непосредственных военных действий, особенно там, где немцы пытались держать оборону, лишь с расчетом временно укрыться в близлежащих лесах, а затем увлекалась общим потоком в леса Курземе (см. диагр. 1 на стр. 41 и 3 - на стр. 51). Хотя эти временные явления внутренней или «микромиграции» непосредственно после освобождения Курземе получили обратную направленность и к сентябрю 1945 года в основном завершились, все-же не подлежит никакому сомнению, что связанные с тяжелыми лишениями многомесячные блуждания должны-были повлечь за собой децимирование мигрирующих масс в результате неизбежного резкого падения рождаемости и увеличения общей, и в особенности детской, смертности.

Первый этап после освобождения Латвии также характеризуется активными миграционными процессами. Помимо вышеупомянутой компенсативной микромиграции происходит репатриация привезенного немцами и оставшегося в живых населения оккупированных пограничных областей РСФСР, реэвакуация выехавших в 1941 году и иммиграция работников советского строительства из других республик Союза. (См. диагр. 1 — стр. 41 и 4 — стр. 52).

Весь комплекс репаративных явлений, в том числе и еще не вполне завершившихся миграционных процессов (реэвакуация, репатриация, иммиграция), должен в будущем послужить объектом самостоятельного исследования, предпосылки для которого помимо тщательной регистрации текущей динамики миграции создаст предстоящая всеобщая перепись населения.

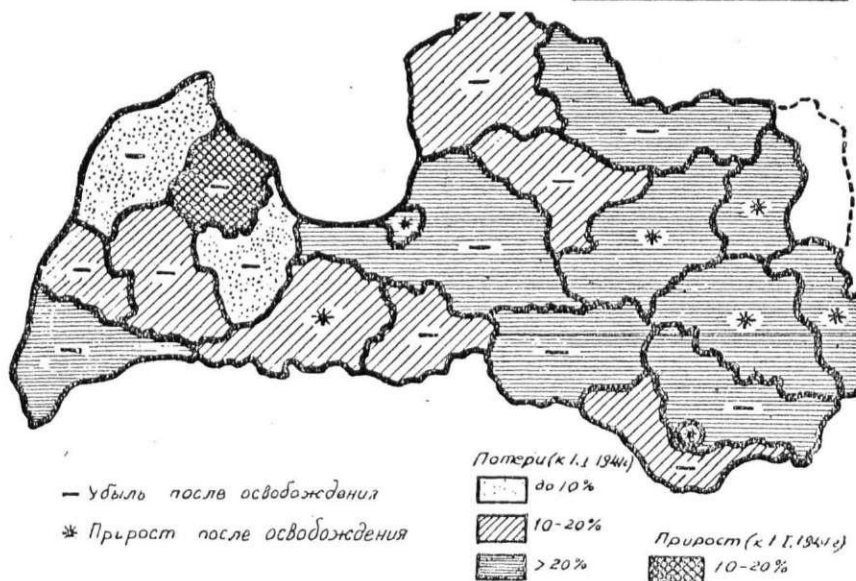
Диаграмма №3

Первичные сдвиги в территориальном распределении населения Латвийской ССР к моменту освобождения.

Расположенные северо-западнее «линии фронта», на которой стабилизировались военные действия в период с октября 1944 по май 1945 г. уезды к моменту освобождения имели избыток наличного населения за счет микромиграции из центральных и восточных уездов республики (Расшифровку цифр см. табл. № 11 на стр. 111)

Наряду с многообразными явлениями механического движения населения Латвии в период 1939—1945 г. г., точный размер которых установить не представляется возможным за отсутствием какого-либо организованного количественного учета, столь глубокое нарушение демологического равновесия страны не могло не отразиться на основных показателях естественного движения населения, которым посвящается следующий раздел.

Вторичные сдвиги в распределении населения ЛССР по уездам — после освобождения.

Потери в результате компенсативной микромиграции распределяются более равномерно. Исчез псевдо-прирост Вентспилского и Айзпутского уездов, резко снизился прирост в Тальсиском уезде. Наиболее потерпевшие уезды — Мадонский, Вилякский, Резекненский, Лудзенский и Елгавский — после освобождения имеют прирост за счет прочих, менее пострадавших (По состоянию на 1. IX. 1945 г.)

Б. Естественное движение населения Латвии 1939—1945 г. г.

Насколько бурными и многозначительными представляются регистрируемые выше механические процессы движения населения на территории Латвии за истекшее пятилетие, настолько малояркими и неубедительными на первый взгляд кажутся демологические явления этого же периода, характеризующие порядок воспроизводства населения и в своей совокупности дающие картину так называемого естественного движения последнего.

Это объясняется с одной стороны фактором инерции, присущим таким решающим показателям, как показатель рождаемости и связан-

ный с ними показатель естественного прироста, с другой стороны — сравнительно незначительными экономическими потрясениями первых двух лет фашистской оккупации.

Оценка показателей естественного движения населения Латвии за любой истекший период может производиться лишь в сопоставлении с соответствующими данными других стран Европы с капиталистическим строем. Пребывание Латвии в составе Союза ССР в 1940—1941 году было кратковременным и, хотя уже и привело к некоторым сдвигам во всех областях жизни и быта, не могло в корне повлиять на динамику демологических явлений оккупационного периода. Поэтому и в последующем изложении показатели последнего трагического этапа жизни Латвии в капиталистической среде должны сопоставляться с соответствующими демографическими показателями других стран с тождественными условиями экономики, быта и общественно-правового уклада, а также и с показателями самой Латвии в предыдущие годы, как этого требует марксистское понимание закона населения (30).

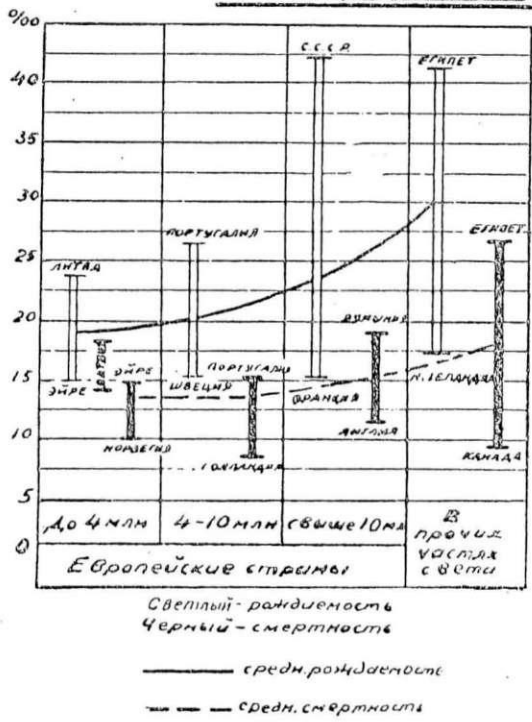
По этим показателям Латвия в условиях капиталистического строя занимала среднее место в группе малых (с населением менее 4-х млн.) стран Европы. Во всех государствах этой группы, находившихся в одинаковых социально-экономических условиях, основные демологические явления — смертность, рождаемость и зависящий от последних естественный прирост населения характеризуются невысокими показателями интенсивности и сравнительно небольшой амплитудой колебаний последних в пределах группы. В Европейских странах с средним (от 4—10 млн.) или большим (свыше 10 млн.) количеством населения и несколько иной экономикой грубые показатели рождаемости и смертности выше, амплитуда колебаний их крайних значений — больше.

Эта общность основных тенденций естественного движения населения в находящихся в одинаковых по социально-экономическим условиям капиталистических странах, отражается и на конфигурации возрастной пирамиды этих стран.

В большинстве государств Европы в течение второй четверти нашего века основание возрастной пирамиды суживалось, вес средних возрастов относительно увеличивался. Это следствие изменения режима воспроизводства, наблюдавшееся повсюду после войны 1914—1918 г. г., в свою очередь становится фактором, решительно влияющим на рождаемость и смертность населения на последующем этапе.

При сопоставлении основных демографических показателей Латвии с показателями других стран Европы следует еще отметить, что показатель среднегодового естественного прироста населения Латвии за последние перед войной годы (3,4—3,6‰) сильно отставал от среднего для группы малых стран Европы показателя (6,3‰). Соседи Латвии да-

Диаграмма №5

Сравнительный уровень и диапазон рождаемости и смертности в группировке по величине страны (по данным Шульце-Маницус'а с 1938/39 г. г.) В каждой группе соответствующий диапазону столбик ограничивается снизу страной с минимальным, сверху — с максимальным показателем. (Рождаемость в Латвии ниже средней по группе малых стран Европы, смертность — несколько выше средней по той-же группе)

вали минимальную (Эстония — 1,9‰ и максимальную (Литва — 9,6‰) цифры в пределах этой группы. (См. диагр. 5). Поэтому очевидно, что дальнейшее снижение показателя естественного прироста, обеспеченного сравнительно стабильной, хотя и невысокой рождаемостью на селе, могло произойти только под влиянием серьезных

потрясений, наступивших для народа Латвии лишь на финальном этапе немецкой оккупации.

Таким образом течение основных демологических процессов периода 1939—1943 годов по показателям естественного движения населения представляется относительно спокойным, хотя кривые общей и детской смертности проявляют тенденцию к росту.

Возрастная структура Латвии в год последней довоенной переписи населения (1935) отличалась от структуры стационарного населения (по схеме Зундберга) относительно большей долей фертильного контингента за счет старших возрастных групп. По расчетам латвийского демографа Стародубского (77), произведенным на основании таблиц смертности населения Латвии 1934/36 г. г. (87), в 1935 г. в Латвии было 527.540 женщин в фертильном возрасте, т. е. 27,5% всего населения вместо соответствующего «нормальному» возрастному составу стационарного населения числа 461.500 или 23,6%. Такая структура населения несмотря на недостаточный уровень плодовитости, а вместе с тем и низкий показатель нетто-воспроизводства, давала достаточное число ежегодно рождавшихся и временно обеспечивала некоторый естественный брутто-прирост населения.*)

После 1935 года плодовитость населения Латвии начала увеличиваться; «критическая точка» кривой населения соответственно отодвигается. (См. диагр. 6 — стр. 56).

Изменяющаяся возрастно-половая структура населения таким образом является решающим фактором, определяющим уровень всех показателей режима воспроизводства на любом этапе.

Предпосылкой воспроизводству рода человеческого, т. е. достаточному уровню рождаемости, является в условиях современного общественного уклада постоянный уровень брачности (на тысячу населения):

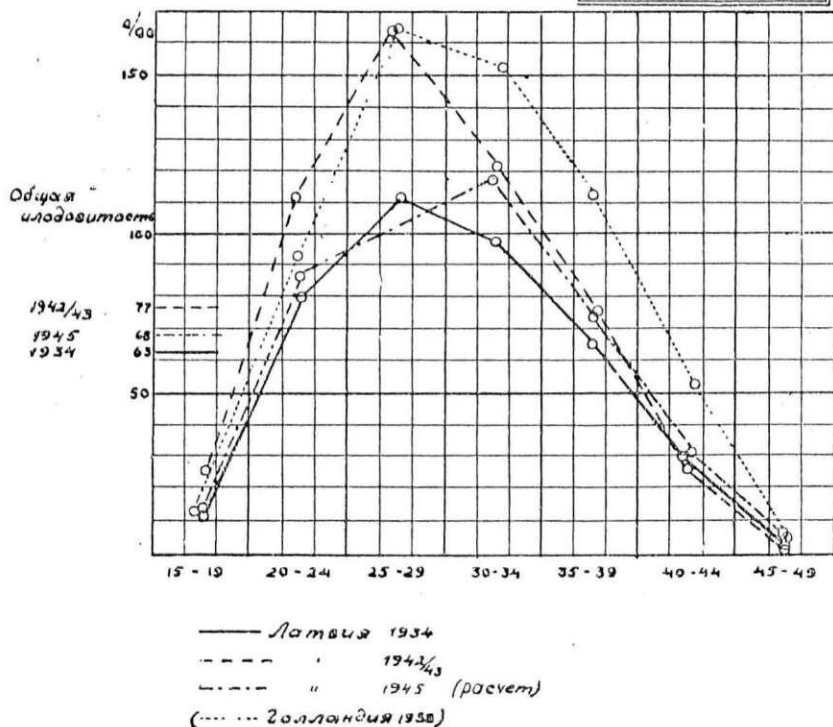
Уровень этот зависит от:

1. средней продолжительности жизни;
2. числа остающихся безбрачными;
3. половой структуры населения брачного возраста;
4. стабильности брачной жизни, т. е. числа повторных браков.

Решающее влияние на уровень брачности того или другого отрезка времени оказывают факторы социально-экономического порядка. Однако-же эти факторы действуют в первую очередь лишь на возраст бра-

*) Составленный в то время на основании данных о режиме воспроизводства населения Латвии перспективный расчет населения предвещал исчезновение этого псевдоприроста и сокращение численности населения уже начиная с 1948 года, так как неизбежная передвигка возрастов за это время должна была «вывести из строя» фертильного контингента значительную часть имевшегося «избытка».

Диаграмма № 6

Повозрастная плодовитость населения Латвии 1934—1945

чущихся, т. е. сокращают или увеличивают продолжительность брачного, а следовательно и фертального периода. Резким изменениям в социально-экономической обстановке почти немедленно и неизбежно сопутствуют и изменения уровня брачности. Колебания уровня брачности компенсируются очень быстро с изменением обстановки, в пределах наличия «свободных» брачных контингентов, т. е. в первую очередь опять-таки в зависимости от возрастно-половой структуры населения.

Уровень брачности населения Латвии на протяжении многих лет проявлял значительную стабильность, с 1920 по 1939 год показатели брачности колебались лишь в пределах от 8 до 9 на тысячу населения. Интересно резкое увеличение количества браков в эпоху восстановления

в Латвии советского строя в 1940—1941 г. г. до уровня 13,5‰ обусловленное тем, что сотни молодых граждан могли сочетать свою судьбу браком, впервые не считаясь со всякого рода условностями и предпосылкой «материальной обеспеченности», столь важными в условиях капиталистического быта.

Так в первой половине 1940 г. заключено 8.397 браков, во второй (после установления советской власти) — 11.065. В первой половине 1941 г. заключено 17.530 браков, во второй половине — после вторжения немцев — всего 6.368. (Исчисляя уровень брачности не на календарный год, а на год с июля 1940 по июнь 1941, получаем показатель в 15‰).

Подъем наблюдался как на селе (преимущественно в Латгале), так и особенно среди городского населения.*) В следующем, 1942 году, в силу Левассеровского правила компенсации явлений естественного движения населения после сильного отклонения их от «нормы», усугубленного условиями оккупационного периода, коэффициент брачности опять резко упал.

Табл. 1

Динамика брачности населения Латвии 1940/41—1942
принимая брачность 1939 г. за 100, брачность составляла:

	В городах	В сельск. местн.	В среднем
В 1940/41 г. (с июля 1940 по июнь 1941)	182	144	166
В 1942 г.	102	96	98

Увеличению числа заключенных в 1940/41 г. г. браков сопутствовал, правда, и некоторый рост числа разводов. Принимая, однако, во внимание, что расторгнутые браки безусловно относились к категории малопродуктивных (это подтверждается и статистическими данными), упомянутое увеличение числа разводов во много раз меньше содействовало снижению рождаемости, чем большое число заключенных браков — ее росту.

*) Новосельский (21) в свое время также наблюдал, что резкое увеличение уровня брачности свойственно преимущественно городскому населению — «военные браки» — см. дальше).

Относительно незначительный объем произведенной немцами в начале мобилизации не повлек за собой снижения брачности ниже обычного для Латвии уровня 8—9‰. Поэтому на первом этапе оккупации отсутствовали основные факторы, вызывающие резкое снижение рождаемости (Новосельский, 19, 20).

Специфика демографических потрясений периода 1939—1945 г. г. отразилась в «гигенограмме» Латвии, если так можно назвать кривую брачности, сильно отличающуюся от типичной для большинства воюющих стран.

Инициальный «пик», наблюдавшийся в некоторых странах вследствие значительного числа заключенных «военных браков» во время прошлой мировой войны (Новосельский, 19, 21), в Латвии предшествовал моменту вовлечения страны в омут военных действий. (См. диагр. 7 — стр. 60).*)

Отсутствие тяжелых экономических потрясений и массовой мобилизации в течение 3 лет войны, о чем уже упоминалось, объясняет пребывание кривой брачности на установившемся уже в 1942 году уровне = 8—10‰ до финального этапа в 1944 г. После неизбежного снижения в бурном 1944 году, уже в 1945 году брачность возвращается к норме; резкое ее увеличение в 1946 году предвидеть не приходится ввиду отсутствия свободных брачных контингентов. (Кривая брачности, вследствие большей стабильности ее уровня, более ярко отражает компенсативные процессы, чем кривые рождаемости и смертности).

После первой мировой войны грубые, сильно зависящие от возрастной структуры населения, цифровые показатели так называемого естественного движения населения в Латвии не были особенно стойкими и колебания их в отдельные годы бывали довольно значительными. Так, например, сильно снизилась рождаемость с 1928 по 1929 г. (с 39.126 до 35.672 или на 8,8%), чтобы в следующем-же 1930 году подняться до 37.835 и оставаться на этом уровне до 1933 г., когда, под влиянием экономического кризиса, число рождений вновь упало до 34.576 и в следующем, 1934 г., достигло минимального после 1920 года уровня — 33.383. С 1935 года рождаемость медленно, но непрерывно растет до 1942 года.

*) Демографическая значимость наблюдавшегося в Латвии в 1940—1941 г. резкого подъема брачности не умаляется фактом, что этот подъем был вызван несколькими иными социально-экономическими и психологическими факторами, чем теми, которые вызывали «пики» в некоторых воюющих странах. Резкий подъем брачности, наблюдавшийся к началу этой войны в США (Огбэри) объясняется как факторами, действовавшими в Латвии до войны — экономический подъем, смягчение страха перед будущим —, так и эмоциональными факторами в связи с мобилизацией молодежи.

Естественное движение населения Латв. ССР с 1938 по 1945 г. г.
(Грубые показатели)

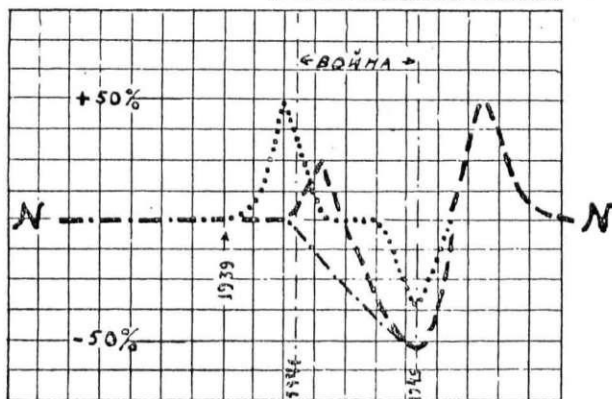
Годы	Рождаемость		Смертность		Естеств. прирост	
	Число	‰	Число	‰	Число	‰
1938	36.386	18,4	26.703	13,5	9.683	4,9
1939	36.960	18,5	27.690	13,9	9.270	4,6
1940	37.540	19,2	30.116	15,5	7.424	3,7
1941	38.370	20,7	32.189	17,3	6.181	3,4
1942	37.219	20,8	30.568	17,1	6.651	3,7
1943	36.625	20,3	30.838	17,1	5.830	3,2
1944*	33.000	20,0	40.000	24,2	—7.000	—4,2
1945*	29.300	19,5	34.600	23,1	—5.300	—3,6

* Ориентировочно, по разрозненным и неполным данным. Уменьшение абсолютных чисел с 1942 года объясняется в первую очередь уменьшением численности населения (см. баланс); более правдивую картину дают представленные рядом показатели интенсивности.

Рождаемость и смертность 1945 года исчислены приближенно путем взвешивания имеющихся в распоряжении Уполномоченного Госплана СССР по Латвийской ССР данных по коэффициенту работы местных загсов (так называемых „загсомесяцев“). Это исчисление позволяет частично восстановить цифру рождений и смертей за весь 1945 год включая 2 города и 6 уездов, до 9 мая оккупированных немцами, по которым непосредственных данных за период до освобождения не имеется. Однако-же исчисленные данные с ростом коэффициента взвешивания становятся малонадежными, тем более, что взвешивание возможно было произвести лишь по числу загсов без учета соответственного контингента населения. Отсюда и неизбежная ошибка — превышение расчетных данных над истинными. Ввиду внесенных нами поправок: 1) на миграционные процессы; 2) на внутригодовую динамику рождаемости и смертности и 3) на неравномерность контингентов учтенных загсомесяцев, — исчисленный нами итог все-же должен весьма близко подойти к действительности.

Уточненные данные органов ЦСУ по всей освобожденной территории за 1945 г. — 26.217 родившихся и 32.230 умерших, дефицит — 6.013. Эти данные не противоречат нашим расчетам, а подтверждают их правильность. Поправка абсолютных цифр по освобожденной территории не изменяет сальдо и почти не изменяет жизненный индекс (см. приложение 3 на стр. 152).

Ачаграмма № 27

I — — — — — } типичная кривая брачности
 II — — — — — } воюющей страны
 кривая брачности Латвии
 1939 - 1946.

Влияние войны на кривую брачности (схема)

Повысившийся в результате установления в Латвии советской власти жизненный тонус населения и связанное с ним резкое увеличение числа заключенных браков привели в дальнейшем к значительному росту рождаемости в 1941 и 1942 годах, однако-же почти исключительно за счет городского населения.*)

*) Лубны-Герцик (16) указывает на то, что статистика в большинстве стран не подтверждает прямой зависимости уровня рождаемости от уровня брачности. Такая зависимость в косвенном смысле безусловно существует, однако смещение моментов и неравномерность интервалов рождений затрудняют установление определенного корреляционного отношения. Повышение рождаемости в 1941 — 1942 году, наблюдаемое преимущественно за счет младших — т. е. новобрачных — фертильных контингентов, следует поставить все-же в прямую связь с отмеченным повышением брачности в предыдущем году.

Необходимо отметить, что в Латвии за последние годы наблюдалось ярко выраженное выравнивание показателей рождаемости городского и сельского населения:

Табл. 3

Эволюция показателей рождаемости по городу и селу

Годы	Рождаемость в ‰		Разница
	В городах	На селе	
1935	13,0	20,3	7,3
1936	13,8	20,5	6,7
1937	14,0	19,8	5,8
1938	15,1	20,3	5,2
1939	15,6	20,1	4,5
1940	16,5	20,6	4,1
1941	20,8	20,6	—0,2*
1942	18,9	21,7	2,8

* Вследствие высокой брачности городского населения 1940/41 г. г.

Этот процесс объясняется в первую очередь изменением возрастной структуры городского населения с постоянно возрастающим вследствие иммиграции из села контингентом фергильного населения (11), (разница в очищенной рождаемости все-же остается). Это явление ярко наблюдается и в США, и во многих других странах (Огбэри), хотя обычно в условиях капитализма низкая плодовитость городского населения компенсирует благоприятный рождаемости возрастной состав населения (Кушинников, 11 и др.).

В условиях Латвии это объяснение не применимо, т. к. отсутствует соответствующая предпосылка — в Латвии контингент фергильного населения в городах тенденции к росту не проявлял.

Биро обращает внимание на то, что статистика рождений и смертей в большинстве стран Европы в военные годы показывает обратную тенденцию.

Это явление автор объясняет массовой эвакуацией беременных женщины из городов, подвергавшихся угрозе налетов, в сельскую местность. Рождавшиеся там дети искусственно завышали уровень сельской рождаемости.

Под влиянием оккупационного режима уже в 1943 г. рождаемость начинает снижаться. Это снижение, насколько позволяют судить фрагментарные данные, продолжалось в 1944 году. В течение 1945 г. рождаемость еще не проявляет тенденции к стабилизации, несмотря на несколько более высокую рождаемость среди иммигрирующего — в

1945 г. в среднем 10 тыс. в месяц — из других республик СССР населения. Начавшаяся так-же снижаться смертность в годовом итоге дает несколько меньшую убыль, чем в предыдущем, 1944 году.

Продолжительность периода с низким уровнем рождаемости, неизбежного вследствие тяжелых механических потерь страны на финальном этапе немецкой оккупации и создавшейся в результате них резко невыгодной возрастно-половой структуры населения, будет зависеть от не поддающихся в данное время расчетам моментов — объема миграционных процессов, быстроты восстановления сильно пострадавшей экономики страны, факторов психологической стабилизации и т. п. *)

Низкий уровень показателей рождаемости, свойственный большинству малых стран с капиталистическим строем, к которым Латвия принадлежала до последнего времени, лишь в периоды спокойного развития и известной демологической стабилизации компенсировался относительно низким уровнем смертности.

В периоды серьезных потрясений в странах этого типа, в возрастной структуре которых высок удельный вес старших и престарелых контингентов, кривая смертности настолько-же склонна к резкому подъему, насколько низкая кривая рождаемости подвергается лишь незначительным колебаниям.

Тот-же фактор близости к предельно низким значениям коэффициентов рождаемости и смертности затрудняет уменьшение первой и способствует увеличению последней.

Таблицы основных показателей процессов естественного движения населения разных стран демонстрируют наличие характерного для каждого из этих показателей минимального значения как для некоторой страны, так и для определенных групп стран со сходными социально-экономическими условиями. Известный по данным стран мира, ведущих организованный демографический учет, минимум рождаемости приближается к 12‰ (Австрия — 1918, Франция — 1919). Аналогичный минимальный показатель смертности — 8‰ (Новая Зеландия—1932/33).

Иллюстрацией известной зависимости размера падения рождаемости и роста смертности от абсолютного уровня основных показателей могут послужить цифры, характеризующие изменения уровня рождаемости и смертности в Германии и Австрии под влиянием одинаково воздействовавших на обе страны факторов военных потерь и послевоенной разрухи периода первой мировой войны. Германия, по сравнению с Австрией, была страной с более высоким уровнем материальной культуры и, в условиях капиталистического строя, соответственно более низкими показателями

*) На вескость психологических факторов в демологических процессах указывает целый ряд авторов: Новосельский (19, 21), Дэринг, Огбэрн, Урланис, Кувшинников — (10).

рождаемости и смертности. В результате вызванных проигранной войной потрясений, уровень рождаемости в Германии снизился с 28 до 14 на тыс. населения, уровень смертности — поднялся с 15 до 25‰. В Австрии-же соответствующие цифры: 32—14 и 18—26. Таким образом, в Германии более низкий уровень рождаемости претерпел и относительно меньшее снижение (на 50%) чем в Австрии (57%). Более низкая смертность в Германии дала относительно большее повышение (на 66%) — в то время, как в Австрии смертность при таких-же тяжелых экономических обстоятельствах поднялась лишь на 44%.

Подобную-же картину дает и сопоставление данных для других стран, затрудненное однако-же различностью интенсивности перенесенных соответствующими странами потрясений и невозможностью точного цифрового отражения вызванных ими изменений уровня рождаемости и смертности.*)

Совершенно соответствует описанной и отмеченной Биро в большинстве стран Европы закономерности относительная стабильность уровня рождаемости и повышение уровня смертности в Латвии на первой половине рассматриваемого периода. Под влиянием остаточных после войны 1914—1918 годов изменений возрастно-половой структуры населения, смертность в Латвии начала повышаться уже в 1938/39 годах, усилилась в тревожных 1940/41 г. г. и, после короткой стабилизации, в результате травмы 1944 г. продолжала увеличиваться до сих пор. Имеющиеся неполные и разрозненные данные за 1944 г., а также и показатели рождаемости и смертности за 1945 г. дают картину несколько снизившейся рождаемости и повысившейся до уровня 23—24‰ смертности. Таким образом баланс естественного движения населения Латвии в 1944 г. дает впервые после 1920 г. отрицательную величину в приблизительно минус 4,2 на 1.000 жителей.

Снижение цифры рождаемости и частичное персистирование причин, приведших к повышенной смертности (ухудшение материальных условий, большое количество старших возрастов при резком уменьшении численности поддерживавших их экономически вполне трудоспособных контингентов средних возрастов), несмотря на уже намечающуюся благоприятную тенденцию (см. табл. 4 на стр. 67), будут обременять показатели естественного движения населения Латвии еще целый ряд лет.

По городу Рига сохранились данные о причинах смерти за 1940 и 1941 годы; имеется разработка этих данных и за первый послевоенный, 1945-й год.

*) К этой-же категории демологических явлений относится и зарегистрированная Биро быстрая, „парадоксальная“ компенсация снижавшейся рождаемости в странах с невысоким ее основным уровнем. Такую повышенную „демологическую упругость“ проявила (по данным последних лет) Швейцария, Чехословакия и даже Франция.

Сопоставление этих данных несколько приподнимает завесу над картиной тяжелейшего ущерба, нанесенного вторжением здоровью населения Латвийской ССР.

Стандартизованные согласно возрастно-половому составу последнего довоенного (1940-го) года показатели 1945 г. отображают резкое изменение силы смертности в отдельных возрастных группах, различно для мужчин и для женщин. При среднем росте смертности на 68% максимальный против уровня 1940 г. рост — на 199,3% — отмечается в группе мужчин в возрасте 15—29 лет. Не намного отстает и показатель роста смертности для группы детей и подростков в возрасте 1—14 лет — 159,8%.

Показатели роста смертности мужчин в прочих возрастных группах колеблются в пределах 31,6% для группы престарелых в возрасте свыше 70 лет и 88,6% для группы пожилых в возрасте 50—69 лет.

По всем группам, за исключением детей в возрасте до 14 лет и престарелых в возрасте свыше 70 лет, показатели роста смертности мужского населения превышают соответствующие показатели для женского населения, в среде которого рост смертности максимален в группе детей и подростков (192,5%), минимален — в группе пожилых возрастов 50—69 лет (31,9%). Средний показатель роста смертности для мужчин — 79%, для женщин — 57,5%. (Сравнительно небольшая разница в общем показателе роста смертности объясняется небольшим удельным весом потерпевших максимальный урон мужских контингентов молодежи в возрасте 15—29 лет, по которому наблюдается наибольшая разница между уровнем смертности для мужского и женского пола — см. прилож. 5 и 6 на стр. 153 и 154).

Резко изменялась и картина распределения смертности по причинам.

Не останавливаясь на показателях частоты смерти по отдельным нозологическим единицам для каждой возрастной группы, отметим важнейшие из установленных нами сдвигов.

Максимальный рост смертности при относительно невысоком уровне ее показателей интенсивности отмечается по: дифтерии (2,6 на 10.000 насел. в 1945 году против 0,2 в 1940 г.), острым желудочно-кишечным заболеваниям любого происхождения (12,5 против 1,5), травмам (14,3 против 4,8), болезням сердечно-сосудистой системы (55,6 против 21,9).

Почти вдвое увеличилась смертность от туберкулеза легких (20,8 против 11,6), прочих видов туберкулеза (2,9 против 1,5), болезней новорожденных (6,1 против 3,4). Резко возросла смертность от старческой дряхлости (22,2 против 8,2). Следует, однако, отметить, что правильность отнесения случаев смертности в рубрику «старческая дряхлость» часто вызывает сомнения.

Эти-же показатели, стандартизованные по возрастно-половому составу, демонстрируют, что рост смертности от туберкулеза легких идет преимущественно за счет смертности мужчин во всех возрастах, при умеренном росте показателей смертности женщин от той-же причины.

Почти весь рост смертности насильственной и вследствие травм также идет за счет мужского контингента.

В результате вышеупомянутых сдвигов заметно изменилось и взаимоотношение, удельный вес отдельных причин в массе случаев смерти.

На первом месте неизменно фигурируют в качестве причины смерти болезни сердечно-сосудистой системы. По другим основным причинам, однако-же, мы видим заметные сдвиги.

Туберкулез выдвигается с 5-го на 3-ье, а у мужчин даже на 2-ое место, увеличивается удельный вес травм и старческой дряхлости, падает — артериосклероза и злокачественных опухолей. (См. табл. прилож. 6 на стр. 154).

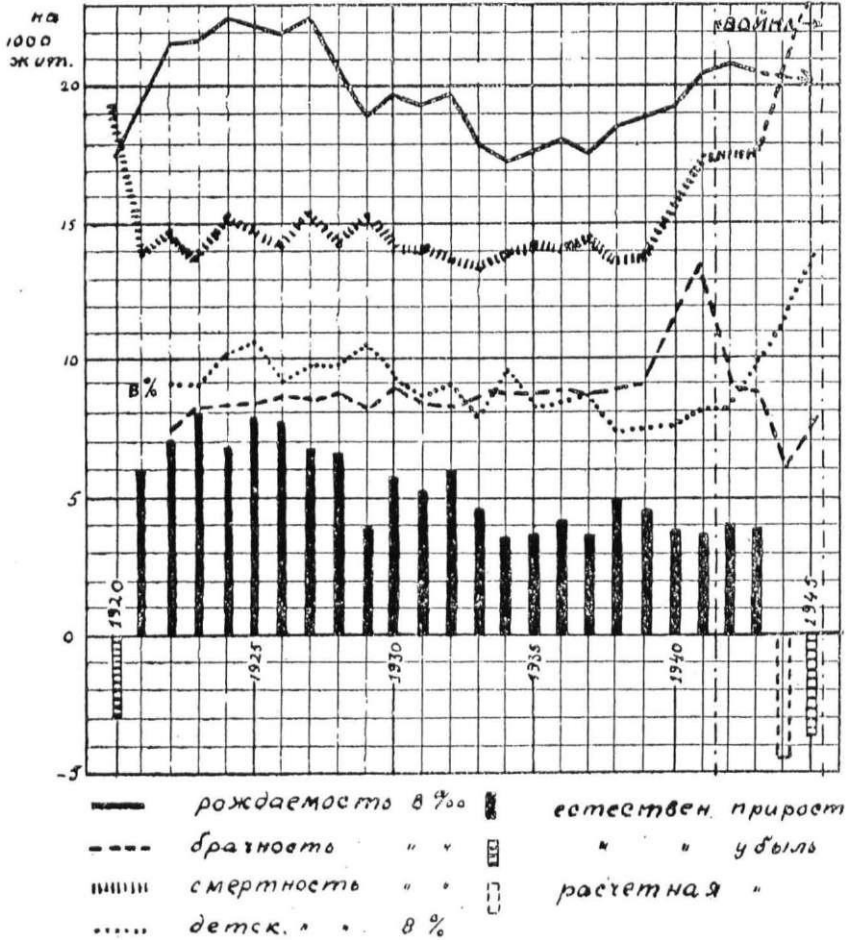
Детализованный анализ причин смерти не укладывается в рамки настоящей работы. Полная разработка этих данных входит в программу изучения санитарных последствий войны по разделу сдвигов в состоянии здоровья населения.

Некоторый интерес представляют данные о больных, находившихся на стационарном лечении в 1941 и 1942 г. г., опубликованные в изданном немцами статистическом бюллетене за 1943 год. За первый-же год немецкого господства общая летальность в больницах повысилась с 51,2 до 60,5 на тысячу больных, при сократившемся на 24% объеме работы больниц (по числу находившихся на излечении лиц).

Обращают на себя внимание цифры в разделе заболеваний нервной системы, говорящие очень много о методах «лечения» психических больных и «успешности» новой, фашистской «терапии». Если общее количество находившихся на излечении больных нервными или психическими расстройствами за год (1941—1942) упало с 11,6 тыс. до 7,7 тыс., то общая летальность по этому разделу возросла с 48,4 до 107,0%, а специальная — по шизофрении — с 37 до 244%, по эпилепсии — с 7,6 до 200%! Эти случайно проскользнувшие в немецкую официальную статистику цифры достаточно красноречивы, однако-же отражают лишь судьбу душевно-больных на первом году фашистского господства. В дальнейшем, считая методы «лечения», дававшие лишь 7-кратную против обычной смертность, устаревшими, уничтожением больных во всех психиатрических лечебницах Латвии происходило «обычным» способом, способом массовых расстрелов (в Аглоне, Стренчи, Риге и др. местах).*)

*) Материалы по делу нем. фаш. захватчиков, том 12-й л. д. 131 и сл.

Диаграмма №8

Естественное движение населения Латвии 1920 — 1945
(грубые показатели)

Как и коэффициент общей смертности, показатели детской смертности в Латвии за 10-тилетие, предшествовавшее немецкому вторжению, были невысокими и имели некоторую тенденцию к снижению (см. диагр. 8, стр. 66). Особенно низкой она была в 1938 году, давшем соответственно и минимум общей смертности (7% и 13,5‰). Вернувшаяся в 1940—1941 г. г. к среднему уровню последних 10-ти лет (8%) кривая детской смертности уже в течение 1943 г. начала, как вследствие ее чуткости к обстановке и следовало ожидать, подниматься, достигла уровня 9,4%,*) и была еще более высокой в 1944 и 1945 г. г. Приблизительная величина детской смертности в этих последних 2-х годах = 13—14%; лишь во второй половине 1945 г. начинает проявляться тенденция к ее снижению (расчеты по выборочным данным.**)

Известный интерес представляет взаимоотношение частот рождаемости и смертности, представленное по методу Пирля - Покровского. («Жизненный показатель», «коэффициент живучести», Vital index).

Табл. 4

„Жизненный показатель“ населения Латвии с 1920 по 1945 г. г. по Пирлю-Покровскому

1920	1921	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941
0,87	1,44	1,24	1,29	1,24	1,36	1,34	1,25	1,19
		1942	1943	1944	1945			
		1,21	1,18	0,81	0,84			

Приведенная выше таблица «жизненных показателей» населения Латвии дает возможность сопоставить полноценные данные 1920—1938 годов с имеющимися немецкими данными за 1939—1943 годы, абсолютные цифры в которых ниже, вследствие произвольного исключения рождаемости и смертности еврейского населения, составлявших около 5% к итогу, а также с неполными и выборочными данными за 1944 и, частично, 1945 годы.

*) В немецких данных отмечается, что эта цифра относится только к местному населению. Показатель смертности среди детей приезжего населения, а следовательно и действительный общий показатель, несомненно значительно превышавший предыдущий, неизвестен.

**) Ряд авторов (Маркузон, 17; Новосельский, 21) указывают на то, что даже во время войны уменьшение рождаемости в большинстве стран Европы, а также и в России сопровождалось снижением детской смертности. При некотором повышении уровня рождаемости 1939—1943 г. г. в Латвии такого снижения уровня детской смертности не наблюдалось.

Таблица демонстрирует превышение смертности над рождаемостью в 1920 году (последнем из эпохи военных годов 1914—1920), увеличение индекса в 1921 г., вызванное компенсативным подъемом рождаемости с последующим падением до минимального в послевоенные годы значения 1,24 (1935) — вследствие падения рождаемости при стабильной смертности. В 1938 и 1939 г. г., при увеличившемся числе рождений и минимальном за все послевоенное время уровне смертности, индекс поднимается до 1,34—1,36. С 1940 г. начинается снижение индекса (повышенная смертность при стабильной рождаемости). Вслед за повышенной брачностью 1940—1941 г. г., в 1940 г. несколько повышается рождаемость и, вместе с ней, индекс. В 1943 г., вследствие увеличения детской смертности, индекс снижается и резко падает в 1944 году (повышенная смертность периода военных действий в процессе освобождения страны).

При анализе имеющихся в нашем распоряжении показателей за 1944 и 1945 г. г. следует учесть, что травмирующим демографическое равновесие моментом являлись сопровождавшие освободительный этап потрясения. Неистовства немцев, которыми население угонялось „as herds of cattle are moved by a rancher“, по выражению О г б э р н а, потеря крова и средств к пропитанию, связанная с физическими и психическими травмами — все это способствовало как падению рождаемости, так и повышению общей и, особенно, детской смертности. И то, и другое — как прямое следствие травмы переходного периода, проявляются лишь после освобождения соответствующей территории и обременяют демографический баланс этапа «первичной реституции». Особенно невыгодно для баланса естественного движения населения по освобожденной территории то обстоятельство, что смертность увеличивается немедленно, а рождаемость, естественно, падает лишь через 9 месяцев после травмы. Это явление создает совершенно искаженное взаимоотношение 2-х основных показателей баланса воспроизводства населения и, при расчете поквартальных значений жизненного индекса, очень резкие колебания его. Динамика этого поквартально-исчисленного индекса в течение 1945 г. искажается еще и смещением травмирующего момента в пределах Латвийской республики: 75% населения было освобождено в конце третьего квартала 1944 г., остальные 25% всего лишь в середине 2-го квартала 1945 г. Наклоение смещенных во времени «инкубационных периодов» падения рождаемости в обще-республиканском итоге по освобожденной территории дает в сочетании с изменяющимся показателем смертности, влиянием миграционных процессов, неизбежными сезонными колебаниями и неточностью учета совершенно «неожиданные» скачки жизненного показателя (2-е полугодие 1944 г. — 0,44, I квартал 1945 г. — 0,78, II квартал — 0,90, III квартал — 0,95 и IV квартал — 0,59). Некоторое улучшение среднегодового показателя

в годовом итоге 1944 и 1945 г. г. по всей территории республики (независимо от момента освобождения отдельных ее районов) - с 0,81 до 0,84 следует отнести за счет того, что первично травмированная (и давшая эксцессивную смертность) часть населения в 1944 г. была значительно более многочисленной, чем соответствующая часть населения в 1945 г., к тому-же переживавшая вследствие капитуляции немцев трудности переходного периода в смягченном виде. В общем эти цифры следует считать мало убедительными и приложенная к демографическому балансу таблица 3 (стр. 152) составлена в порядке «рабочей гипотезы» и не может претендовать на абсолютную точность. Эволюция основных показателей баланса воспроизводства населения ближайшего времени является интересным и благодарным объектом для углубленного демографического анализа.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют дать оценку некоторых второстепенных демографических показателей за период 1939—1945 г. г.

Особое место в демографической литературе занимает вопрос о распределении новорожденных по половому признаку. Среднее число родившихся мальчиков на 100 девочек («коэффициент м/ж») за время с 1920 по 1938 год в Латвии колебался в пределах 111,49 (1921) до 105,17 (1938). В 1939 году этот коэффициент снизился до 103,8. В следующие годы его значение было переменным в пределах от 106,0 (1941) до 103,2 (нижшее за 22 года — 1942). За 1943 год данных не сохранилось; в 1944 году (по разрозненным и ненадежным данным) на 100 родившихся девочек родилось 102,4 мальчика.

Табл. 5

**Коэффициент м/ж новорожденных и процент мертворожденных
1938 — 1945 г. г.**

	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944*	1945**
Коэф. м/ж новорожденных . . .	106,0	103,8	104,1	106,0	103,2	·	102,4	105,1
% мертворожденных (к общ. числу рожденных) . . .	2,0	2,2	1,8	1,7	1,7	·	0,9	1,1
В т. ч. в городах	·	·	2,2	2,0	1,8	·	1,9	1,7
На селе	·	·	1,6	1,6	1,6	·	0,4	0,5

* По разрозненным данным.

** За 9 месяцев.

Необычайно низкий уровень коэффициента м/ж в 1944 г. идет за счет почти полного равенства числа родившихся обоего пола на селе (100,1), при нормальном коэффициенте для городского населения (106,7). Упомянутая ненадежность учета рождаемости в переходное время однако же лишает цифры за 1944 год какого либо серьезного значения. В 1945 г., с улучшением качества учета, коэффициент м/ж приближается к норме и (за первые 9 месяцев) равняется 105,1.

Анализ вышеупомянутого показателя отдельно для жителей города и села не дает права делать какие либо обобщающие выводы, имеющиеся колебания следует считать случайным, с переменным превышением показателя то по городу, то по селу.

Вопрос закономерности коэффициента м/ж новорожденных, а также и изменения его после войн неоднократно дискутировался в демографической литературе. Уже основоположник демографической статистики Граунт (цит. по Птуха, 28) обратил внимание на постоянное превышение числа рождающихся мальчиков над числом рождающихся девочек. Специально этому вопросу посвящена монография известного анатома Раубера (Rauber, 63) и, частично, трактат Вертинга (Vaerting, 84). Не останавливаясь на вопросе взаимоотношения полов новорожденных как таковом, следует отметить, что несмотря на то, что Дюзинг (цит. по Принцип'у, 52) считает увеличение коэффициента м/ж после войн «очень известным, никогда не оспариваемым явлением», мнения большинства авторов по этому вопросу расходятся.

Вертинг предполагает, что война, являясь контраселекционным фактором, провоцирующим явления дегенерации, должна снижать избыток рождающихся мальчиков. Его прогноз однако же не находит себе статистического подтверждения.

Раубер становится на точку зрения тех авторов, которые не оспаривают факта увеличения удела мальчиков среди новорожденных после войн и ищет объяснение этому явлению в «умеренном образе жизни» (ухудшении питания) женщин и связанным с этим уменьшением числа abortируемых и мертворожденных плодов. Предположение, что увеличенная против обычной гибель мужчин как таковая могла бы вызвать увеличение % рождающихся мальчиков, может возникнуть только в фантазии телеологически мыслящих метафизиков. Противоречит такому толкованию и факт, что в странах востока, где смертность мужчин меньше женской смертности, в избытке рождаются все-же мальчики, а не девочки (Раубер).

В последние годы этой проблемой занимался Райхерт (64). Автор считает, что новейшие демографические данные не вносят ясности в этот вопрос и по сей день. В Германии коэффициент м/ж новорожденных в 1913 г. = 105,4; в 1919 году, т. е. через год по окончании войны, этот коэффициент достиг максимального уровня в 108,0. Шульце-Маницус

(Schulze-Manitius, 65), по которому приводятся данные для Германии, объясняет, также как и Раубер, увеличение коэффициента м/ж после войны изменениями биологической кондиции человеческого организма, связанное с претерпеваемыми во время войны лишениями.

Лубны - Герцик (14), подтверждая факт ненормально высокой рождаемости мальчиков после войны, указывает на то, что в Ленинграде, где соответствующие расчеты производил Новосельский, в 1919 г. наблюдалось лишь незначительное превышение числа фактически родившихся мальчиков над ожидаемым + максимальная средняя ошибка.

В Латвии в 1921 году (также во втором послевоенном году) на 100 девочек родилось 111,49 мальчиков, самое высокое число, упоминающееся в доступной нам литературе.*)

В Англии колебания были наименьшими, в пределах от 103,5 до 104,3 (за время с 1876 по 1919 г. г.), с максимумом также после мировой войны — в 1919 году. Стевенсон обращает внимание на соответствие кривой коэф. м/ж новорожденных кривой движения... оптовых цен. Ньюсхольм (который приводит публикацию Стевенсона) справедливо считает совпадение это «темным», хотя совершенно не темной является взаимосвязь повышающихся оптовых цен с послевоенным периодом. Если действительно существует зависимость коэффициента м/ж новорожденных от войн или их последствий, тогда наблюдение Стевенсона лишь ошибочно создает непосредственную каузальную связь между двумя совершенно различными, но имеющими общий корень и поэтому находящимися в некоторой корреляции явлениями. Тогда и необычно высокий уровень этого коэффициента в Латвии в 1919 году «объясняется» (если можно назвать объяснением констатацию факта) особенно тяжелыми по сравнению с другими странами экономическими потрясениями нашей республики во время прошлой войны. Половой профиль рождений ближайших 1946 и 1947 г. г. не может «подтвердить» или «опровергнуть» теорию зависимости коэффициента м/ж от военных потрясений, т. к. интенсивность последних в части ухудшения питания и воздействия на физическое состояние населения в Латвии следует считать умеренной.

*) Трактую меняющееся значение коэффициента м/ж новорожденных в Латвии за последние 24 года как вариационный ряд, получаем следующие статистические параметры последнего:

Средн. арифметическое (M)	106,05
Медиана (Me)	105,65
Мода (Mo)	105—106
σ (среднее квадрат. откл.)	1,39
Коэф. изменчивости (v)	1,31 ^{0/0}
Средняя ошибка (m)	0,28
Максимальное значение 1921 года — 111,49	лежит вне пределов 3σ и,

таким образом, эту величину следует считать выраженной аномалией.

Относительные числа мертворожденных в Латвии (невысокие по сравнению с большинством стран Европы) с 1938 г. имеют тенденцию к снижению, при неизменном превышении показателя по городу над показателем для мертворожденных среди сельского населения. Это явление объясняется не спецификой родовой патологии городского населения, а низким качеством учета мертворожденных на селе. В городах относительно большее количество родов проходит в стационарном порядке, причем все мертворожденные в этих случаях учитываются, в то время как на селе значительная часть мертворожденных учетом не охватывается. Особенно ярко этот момент проявляется в «смутных» 1944—1945 г. г., когда по городскому населению % мертворожденных остается в пределах обычного — 1,9; 1,7%, а на селе резко снижается — 0,4; 0,5%. В результате нарушения учета на селе по республике в целом имеется псевдо-снижение процента мертворожденных до 0,9 в 1944 г. и 1,1 — в 1945 году (см. табл. 5 — стр. 69).

«Очистка» этого показателя затруднительна, так как наряду с недоучетом мертворожденных на селе, на уровень его влияет и поступление из сельской местности в городские больницы беременных с ожидающимися осложнениями при родах, дающих больший по сравнению с обычным процент мертворожденных. Эти мертворожденные проходят по статистике городов и соответственно повышают показатель.

Какую либо зависимость числа мертворожденных от войны нельзя считать вполне установленной. Н о в о с е л ь с к и й (19) указывает на почти повсеместное увеличение процента мертворожденных во время первой войны. Р а у б е р - же, автор весьма серьезный, считает снижение процента мертворожденных в результате связанных с войной лишений гражданского населения явлением настолько естественным, как и увеличение м/ж новорожденных.

Рассматривая естественное движение населения Латвии в территориальном разрезе следует отметить, что восточная часть страны, Латгале, со специфическими этническими условиями (веского в условиях прежней Латвии влияния католического духовенства, значительного процента русского населения с большей фертильностью, постоянно имела рождаемость, значительно превышавшую средне-республиканскую, и более низкую вследствие относительно выгодной возрастной структуры населения смертность, чем прочие части Латвии — Видземе, Курземе или Земгале. Вследствие этого показатель естественного прироста латгальского населения резко (приблизительно вдвое) превышал средний по Латвии. В последние годы вес Латгале в итоге естественного прироста населения Латвии имел тенденцию к снижению (с 40,4% в 1935 г. до 31,0% в 1942 г.), хотя все еще превышал процентный показатель доли населения Латгалии (27,8%). Учитывая некоторое повышение

рождаемости в тех уездах, в которых она ранее была наиболее низкой, распределение ее в стране в целом имеет тенденцию стать более равномерным, чем раньше.

Как и всюду, городское население Латвии обычно давало меньше по сравнению с сельским показатели рождаемости при почти одинаковой смертности. Поэтому общий прирост населения шел преимущественно за счет сельской его части. Отношение естественного прироста городского населения к приросту сельского, представленное по показателям наглядности, демонстрирует относительно большую реактивность городского населения к совокупности всех действующих на естественное движение населения факторов. Так, например, уже упомянутое выше увеличение рождаемости в 1941—1942 г. г. проявилось в первую очередь в городах, особенно в Риге, в которой вместе с этим показатель естественного прироста за год достиг максимального после 1923 года для нее уровня в $2,5\%$, в то время, как республиканский показатель за 1941 г. упал почти до минимального за тот-же период уровня ($3,4\%$).

Табл. 6

Диапазон колебаний основных показателей естественного движения населения Латвии

При минимуме показателей интенсивности за период 1936/42 г. г., принятом за 100, максимум составлял:

	Брачность	Рождаемость	Смертность	Ест. прирост
В городах	213 (1941)	151 (1941)	147 (1941)	420 (1938)
В т. ч. в Риге	212 (1941)	158 (1942)	144 (1941)	832 (1038)
В сельск. местности	141 (1941)	109 (1942)	121 (1942)	155 (1938)

Сопоставление показателей естественного движения населения также показывает, как бывшая всегда относительно меньшей рождаемость среди городского населения (до 1936 г. городское население Латвии естественного прироста не давало, в 1936—1937 г. г. он был совершенно незначительным), в 1941 г., несмотря на увеличивающуюся смертность, заметно возросла.

Серьезные сдвиги в возрастно-половой структуре и, в дальнейшем, в основных показателях естественного движения населения после войны 1914—1918 г. г. повсюду послужили мощным импульсом к углубленному изучению режима воспроизводства населения.

Показатели наглядности естественного движения городского населения Латвии 1936 — 1942 (показатели сельского населения = 100)

Годы	Брачность	Рождаемость	Смертность	Естеств. прирост
1936	126	67,3	91,6	8,0
1937	139	70,7	91,1	11,7
1938	135	74,0	94,2	34,0
1939	148	75,0	99,0	28,0
1940	170	80,0	97,0	26,5
1941	207	101,0	116,5	40,5
1942	157	87,0	107,2	20,0

Таблица 7 показывает, как постоянно превышающая показатель для сельского населения брачность городского населения резко возросла в 1940—1941 году. Относительная рождаемость поднялась в меньшей мере — меньшая плодовитость городских браков, — и только в 1941 году чувствительность городского населения проявилась и в повышенном коэффициенте смертности в 1940—1941 г. г. В результате вышеуказанного — некоторое повышение процента естественного прироста в 1941 и резкое падение его в 1942 г.

Сопутствующие активному участию в войне сокращение рождаемости (мобилизация) и нарушение равновесия полов (безвозвратные военные потери) с последующими амортизационными колебаниями убедительно показали непрочность основы и «грубость» исчисляемых традиционными способами основных показателей естественного движения населения — в первую очередь показателей рождаемости и смертности.

Целый ряд авторов в Европе и Америке занялся углубленным изучением проблем воспроизводства населения. Работы Даблина (Dublin, 44), Лотка, Бургдерфера, Кучинского и других авторов (Боярский считает польского демографа Борткевича инициатором нового метода оценки истинных показателей режима воспроизводства населения) в основном установили характер и закономерности зависимости показателей естественного движения населения от его возрастно-половой структуры.

С тех пор «истинные» (очищенные) показатели рождаемости и смертности Бургдерфера и «коэффициенты воспроизводства» Кучинского твердо вошли в обиход демографической методике всех стран (см. лит. 15, 34, 59). Поэтому глава, посвященная естествен-

ному движению населения Латвии была бы неполной без краткой характеристики режима воспроизводства коренного населения страны за последнее десятилетие.

Нарушенная войной 1914—1918 г. г. возрастно-половая структура населения республики привела (частично под влиянием мирового экономического кризиса предыдущих годов) к непрерывному ухудшению истинных показателей режима воспроизводства, продолжавшемуся вплоть до 1943 года. После 1937 года растущая рождаемость и постепенная нормализация возрастной структуры уменьшала в Латвии разрыв между грубым и истинным коэффициентами рождаемости, а также и смертности с одной стороны, а вместе с тем и между истинными коэффициентами рождаемости и смертности — с другой. В 1937—1938 г. г. расчеты истинных показателей режима воспроизводства населения Латвии повторно производились Стародубским (77, 78) и использованы в этой работе. (См. диагр. 9 — стр. 76 и табл. 8.).

Табл. 8

Эволюция истинных показателей естественного движения населения Латвии 1934 — 1943 г. г.

Годы	Показатель рождаемости		Показатель смертности		Пок. естеств. прироста		Нетто коэф. воспр.
	Грубый	Истинный	Грубый	Истинный	Грубый	Истинный	
1934	17,15	13,9	13,90	17,2	+ 3,25	— 3,3	0.8066
1936	18,09	14,8	14,10	17,2	+ 3,99	— 2,4	0.8605
1939	18,50	16,1	13,9	17,0*	+ 4,60	— 0,9	0.9500
1943	20,30	18,5	17,1	17,4	+ 3,20	+ 1,1	1.0660

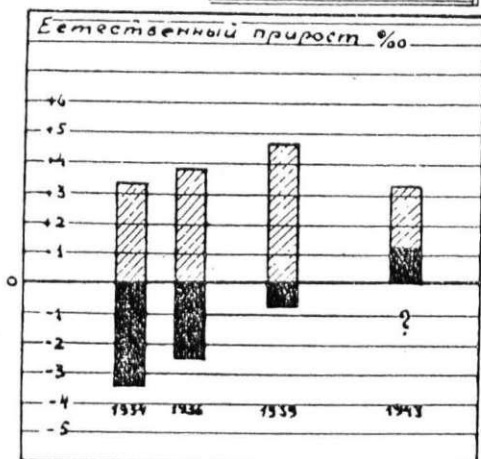
Данные 1934 и 1936 г. г. — по Стародубскому с внесенной поправкой согласно таблице смертности.

Данные 1939 г. — по Бургдерферу.

Данные 1943 г. — собственный расчет.

* В таблице Бургдерфера (41, стр. 50—51) истинный показатель смертности указан 17,0. Нам неизвестны источники автора, однако снижение истинного показателя смертности в период с 1936 по 1939 г. 17,2 на 17,0 кажется вероятным, т. к. соответствует намечавшейся с 1930 г. тенденции к росту средней продолжительности жизни. Для 1943 г. нами принят показатель 17,4, т. е. уровень 1930 г. ввиду совершенно очевидной неблагоприятной тенденции эволюции цифры средней продолжительности жизни в период 1939—1943 г. г. и невозможностью, за отсутствием соответствующих данных, исчислить новую таблицу смертности.

Диаграмма № 9

▨ Грубый избыток или дефицит рождаемости

■ Истинный " " " "

Эволюция показателей естественного прироста населения Латвии 1934—1943 г. г.

Как показывает таблица, баланс воспроизводства населения имел тенденцию к равновесию.*)

В Латвии дефицит рождаемости, рассчитанный по таблице смертности, был наибольшим в 1934 г. ($-3,3\text{‰}$), снизился в 1938 г. ($-2,4\text{‰}$), почти исчез в 1939 г. ($-0,9\text{‰}$ по расчетам Бургдерфера). Возрастная структура населения Латвии по данным переписи 1943 г. в части % женского населения фертильного возраста еще более приблизилась к структуре стационарного населения. Если на основании таблицы смертности 1943—1936 г. г. произвести расчет истинного коэффициента рождаемости 1943 года, то получится превышение этого коэффициента над истинным коэффициентом смертности на $1,1\text{‰}$ т. е. впервые настоящий естественный прирост.

*) По данным Бургдерфера, опубликованным в 1942 г., подобное явление в период 1933—1939 г. г. наблюдалось в большинстве — 12 из 18 — стран Европы. В странах с дефицитом рождаемости последняя увеличивалась, в странах с избытком — уменьшалась.

Эволюция процесса репродукции населения Латвии по показателям чистого воспроизводства (Кучинский, 54) отражает ту же тенденцию (см. табл. 8 — стр. 75).

В 1928 г. этот показатель впервые снизился за критический предел до уровня 0,966. В течение следующих 6 лет показатель колеблется, не превышая критической грани 1.000 и достигает самого низкого уровня — 0,806 — в 1934 г. Этот низкий уровень явился переломным; в дальнейшем показатель нетто-воспроизводства непрерывно растет. В 1938 г. он уже равнялся 0.946 (по данным Урланиса), в 1942—1943 г. г. — 1.066 (собственный расчет, см. прил. 2). Правда, этот последний расчет произведен на основании устаревшей таблицы смертности 1934—1936 г. г.; таким образом суммы чисел живущих (L_x) могут оказаться несколько завышенными, а с ними и общий результат. Однако же наличие тенденции к равновесию баланса воспроизводства не подлежит сомнению, хотя и объясняется факторами внешнего порядка: в первую очередь тем, что после 1940—1941 г. г. баланс воспроизводства населения Латвии не отягощался контингентами евреев и, особенно, немцев, у которых показатели воспроизводства значительно отставали от показателей латышского населения и, таким образом, содействовали снижению среднего показателя по республике.

Безусловно положительную роль в процессе выравнивания показателя воспроизводства населения сыграла повысившаяся в советское время (1940—1941 г. г.) брачность с последующим ростом рождаемости.

Теоретически более корректным представлялся-бы динамический ряд показателей нетто-воспроизводства для коренного латышского населения. Однако искажение национального состава населения, обусловленное тенденциозностью переписи населения 1935 года (см. стр. 34) делает подобные расчеты нереальными.

Интересно сопоставление составленной нами для расчета коэффициента чистого воспроизводства населения Латвии 1942—1943 г. г. таблицы (см. прил. 2 стр. 151 и диагр. 6 стр 56) с такой-же таблицей для Голландии 1930—1931 г. г., приведенной Боярским (3, стр. 88). В Латвии фертильность женщины в возрасте 15—19 лет резко, а в возрасте 20—24 лет значительно превышает фертильность женщины соответствующего возраста в Голландии. Для возраста 25—29 лет эти показатели для обеих стран равны; в дальнейшем фертильность женского населения Латвии резко падает и составляет для возрастного контингента 40—44 лет лишь несколько более половины соответствующего показателя для Голландии. Таким образом очевидно, что по сравнению с Голландией фертильность в Латвии «вспыхивает» рано и очень рано угасает. Этот факт является бесспорным доказательством того, что рост нетто коэффициента репродукции в течение нескольких последних лет следует считать мнимым, основанным не на общем росте фертильности

(средней плодовитости брака), а на повысившейся в результате изменения социально-экономических условий брачности, а вместе с ней и плодовитости, первых фертильных контингентов. Вследствие этого в ближайшем будущем следует безусловно ожидать значительного (компенсативного) снижения коэффициента репродукции, соответственно «истощению» брачных контингентов и неблагоприятной половой структуре. Значимость упомянутого фактора убедительно демонстрирует Keiter, (53, см. далее стр. 80).

Далее при сопоставлении упомянутых таблиц следует отметить, что процент среди новорожденных девочек среди новорожденных в Латвии в последние годы был несколько выше, чем в Голландии (49,0% против 48,4%). Средняя продолжительность жизни женщины в Голландии — 66,4 г.; в Латвии—60,9 г. Соответственно этому и сумма чисел живущих (L_x) в Латвии ниже. Взаимосвязь этих факторов дает превышение по возрастным показателям плодовитости для контингентов 15—19 и 20—24 лет и прогрессивно возрастающее отставание в прочих возрастных группах. Это отставание в сумме значительнее превышения коэффициентов для молодых возрастов, вследствие этого и общий коэффициент нетто-воспроизводства для Латвии 1,066 значительно ниже голландского — 1,297.

Мы уделяли некоторое внимание сопоставлению основных показателей возрастной плодовитости Латвии и Голландии в связи с опубликованными недавно проф. Б. С. Ястремским*) результатами его новейших исследований в этой области. Нам кажется утверждение автора о том, что «величина брутто-коэффициента воспроизводства почти нацело определяется размерами плодовитости оптимального возраста» недостаточно убедительным. Наша диаграмма 6 (стр. 56) и таблица (стр. 151) демонстрируют случай полного совпадения уровня «оптимальной» с значительным расхождением показателей общей плодовитости. Поэтому и взаимосвязь этих двух факторов представляется нам недостаточно прочной. Приводимая автором в конце статьи результирующая таблица взаимосвязи между основными показателями режима воспроизводства населения совершенно не учитывает ни изменчивости величины L_x (которая, по словам самого автора «варьирует в разных странах довольно сильно»), ни возрастной структуры населения, решающе влияющей на прубый показатель рождаемости. Поэтому практическая ценность упомянутой таблицы нам кажется сомнительной.

Таблица 9 (стр. 79) демонстрирует эволюцию по возрастным показателям брутто-фертильности (Gross reproduction rates) женского населения Латвии. С 1934 года, в котором эти показатели достигли

*) Проф. Б. С. Ястремский „Связь между показателями воспроизводства населения.“ Приложение I. к „Курс демографической статистики“ проф. Л. Я. Боярского, стр. 245 и сл.

Эволюция повозрастных показателей фертильности (F_x ‰) населения Латвии 1934 — 1942/43 г. г.

Возраст	1934	1937	1942/43
15—19	11,79	13,97	26,7
20—24	80,04	97,81	112,9
25—29	110,94	122,54	165,9
30—34	99,89	103,40	122,2
35—39	67,28	66,18	74,0
40—44	28,10	25,77	27,1
45—49	3,77	2,55	2 2
Сумма	401,81	432,22	531,0
Брутто коэффициент воспроизводства . .	0,984	1,058	1,300

минимального уровня, наблюдается их непрерывный рост, в первую очередь за счет повышения плодовитости «наилучших» фертильных контингентов — с 15—29 лет. Однако и контингенты 30—39 лет принимают некоторое участие в этой эволюции, в то время как плодовитость женщин в возрасте 40 лет и свыше снизилась.

Имеющиеся в нашем распоряжении демографические данные за 1944 и 1945 г. г. не позволяют произвести сколько-либо серьезную попытку исчисления показателей истинного естественного прироста и чистого воспроизводства, т. к. нет ни точной по возрастной структуре женского населения, ни свежей таблицы смертности. Резкое нарушение соотношения полов также делало бы необходимым внесение значительной поправки, величину которой в данный момент исчислить или оценить не представляется возможным.

Во всяком случае грубые показатели рождаемости военного периода вследствие снизившейся доли населения фертильного возраста вообще и числа замужних женщин (с наличными, т. е. способными принять участие в процессе воспроизводства населения, мужьями) в частности представляются более низкими, чем соответствует уровню брачной плодовитости.

Непомерно большая доля старших возрастов в свою очередь представляет показатель смертности более высоким, чем соответствует естественному порядку вымирания, т. е. истинному показателю смертности.

На диаграмме 6 (стр. 56) представлена и рассчитанная нами на основании предварительных данных кривая распределения по возрастной плодовитости женщины Латвии в 1945 г. Характерно, помимо снижения

общего уровня плодovitости, и перемещение оптимального значения ее возраста 25—29 на 30—34 лет — результат резко неблагоприятного соотношения числа мужчин и женщин младших возрастных контингентов.

Известное влияние на режим воспроизводства населения оказала и наблюдавшаяся после 1935 г. в Латвии тенденция к снижению возраста брачующихся. Так, например, из всех брачующихся в возрасте до 19 лет вступало в брак мужчин 0,8% в 1935 г., 1,8% — в 1939 г., 2,9% — в 1942 г.; женщины в возрасте до 19 лет вступили в брак — 6,6% в 1935 г., 12,3% — в 1939 г., 17,4% — в 1942 г.*)

Само по себе благоприятное явление снижения возраста брачующихся, а вместе с тем и среднего возраста матерей, однако же не сопровождалось увеличением средней плодovitости брака, наглядно отображаемой процентом первых рождений и отношением показателя рождаемости к показателю брачности. Следствием выраженного смещения среднего возраста брачующихся «налево» является однако же и также выраженное увеличение показателя плодovitости младших возрастных групп. Так в 1935 г. 34,3% детей были перворожденными, в 1942 г. — 37,6%, а отношение показателя рождаемости к показателю брачности осталось прежним (приблизительно 2:1).

Изменение распределения детей по порядку их рождения может происходить как вследствие изменения средней плодovitости каждого брака, так и вследствие резкого изменения числа заключаемых браков. Снижение последнего снижает и % перворожденных. Вопросами режима воспроизводства в последние годы, по понятным соображениям, особенно интенсивно занимались в Германии. Кейтер (53) в 1941 г. разработал показатели воспроизводства, основанные на процентном отношении перворожденных к общему числу родившихся. Автор считает показатели Бургдерфера недостаточными «очищенными» и приводит свои, подвергшиеся «третьей» очистке. Первая «очистка» показателей увеличения численности народонаселения — по трактовке Кейтера — есть очистка от миграционного сальдо. Вторая — от мнимого естественного прироста за счет относительно большого контингента фертильного населения (показатель Бургдерфера). Третья «очистка» — очистка от искажающего влияния изменяющегося во времени показателя брачности, подверженного неизбежным колебаниям компенсативного характера.

В свете довольно убедительной аргументации автора рост «истинного» или «очищенного» показателя рождаемости, а также и коэффициента Кучинского, при одновременно возросшем проценте перворожденных является мнимым, основанным на временной «конъюнктуре», после которой неизбежно реактивное (компенсативное) снижение этих показателей.

Большая познавательная ценность новейших методов анализа показателей воспроизводства населения настойчиво требует их широкого применения и при обработке новейших демографических материалов у нас.

*) Во время первой мировой войны, как отмечает Новосельский (2), в России наблюдалось обратное явление — повышение среднего возраста брачующихся.

Ознакомление с новейшими демографическими методами следует считать необходимым и для каждого санитарного врача, врача-организатора здравоохранения.*)

Разнообразие применяемых разными авторами показателей естественного движения и режима воспроизводства населения создает потребность в некоторой их систематизации и оценке.

Представляемая схема (классификация) этих показателей (таблица 82) различает:

- А. **Факторальные** показатели — изменение которых непосредственно отражает изменение режима воспроизводства населения.
- Б. **Парциальные** показатели — отражающие часть явлений, включающуюся и в показатели раздела А, но имеющие самостоятельное значение.
- В. **Сигнальные** показатели — непосредственно не отражающие изменение уровня воспроизводства населения, однако же ярко сигнализирующие или даже предвещающие эти изменения.
- Г. **Итоговые** показатели — объединяющие значение противоположно-направленных факторальных показателей и характеризующие единым цифровым выражением итог процесса воспроизводства на данном отрезке времени.

*) Наиболее полным, современным руководством у нас является „Курс демографической статистики“ проф. Боярекого (изд. 1945 г.), в котором методике изучения режима воспроизводства посвящен целый раздел (VIII).

„Статистика населения“ того же автора (изд. Союзоргучет 1938) более доступна по изложению для математически неподготовленного врача.

Классификация показателей естественного движения и режима воспроизводства населения.

А. Факторальные показатели:

- Основные: 1. плодовитость (общая);
2. рождаемость истинная — (редуцированная плодовитость) — показатель Бургдерфера.
3. смертность истинная — (функция средней продолжительности жизни).
- Вспомогательные: 4. рождаемость грубая;
5. смертность грубая;
6. валовой коэффициент воспроизводства, — II-ой показатель Кучинского;
7. брутто-коэффициент воспроизводства — III-ий показатель Кучинского.

Б. Парциальные показатели:

- Основные: 8. детская смертность;
9. повозрастная смертность.
- Вспомогательные: 10. повозрастная плодовитость;
11. брачная плодовитость.

В. Сигнальные показатели:

- Основные: 12. брачность истинная;
13. % перворожденных, — показатель Кейтера;
14. уровень оптимальной плодовитости, — показатель Ястремского;
15. коэффициент ж/м (число женщин на 100 мужчин) — общий и повозрастной.
- Вспомогательные: 16. брачность грубая;
17. отношение рождаемости к брачности, — показатель Граунта.

Г. Итоговые показатели:

- Основные: 18. естественный прирост истинный;
19. нетто-коэффициент воспроизводства, — IV-ый показатель Кучинского.
- Вспомогательные: 20. естественный прирост грубый;
21. жизненный индекс, — показатель Пирля-Покровского.

«Классические» показатели естественного движения населения — «грубые» показатели рождаемости, смертности, брачности и естественного прироста по нашей классификации фигурируют на скромных, «вспомогательных», ролях. Единственным из классических, освященных демографическими традициями показателей, остающимся и у нас на положении «основного» — является показатель детской смертности. Этот показатель является решающим одновременно и при оценке санитарного состояния населения, и при оценке деятельности специальной лечебно-профилактической сети по раннему детству.

Целесообразным нам представляется и введение понятия «грубая» и «истинная» брачность, соответственно «грубой» и «истинной» рождаемости и смертности, т. е. с учетом возрастной структуры населения и таблиц брачности. Не останавливаясь на математической стороне построения такого «истинного» показателя брачности, дадим основные моменты его логического субстрата.

Зависимость брачности, как таковой, от возрастной структуры населения является еще более яркой, чем зависимость от нее прочих основных показателей режима воспроизводства. Дополнительными факторами, влияющими на соотношение «истинного» показателя брачности к «грубому», являются соотношение численности мужчин и женщин брачных возрастов и наличие «потенциальных брачных контингентов» — холостой молодежи — т. е. процента холостых лиц среди всего населения «брачного возраста». Сигнальная значимость такого, отличного от традиционного, «истинного» показателя брачности особенно велика сейчас, в период послевоенных миграций и великого социалистического строительства, создающего ежегодно ряд новых населенных мест со специфическими предпосылками для планирования лечебно-профилактической сети вообще, родовспоможения и детской сети в частности.

Вышепредставленные показатели естественного движения и режима воспроизводства населения Латвии за последние несколько лет являются лишь отображением первого периода глубочайшего демологического сдвига, вызванного фашистским владычеством в Латвии. В порядке амортизационных колебаний этот сдвиг будет отражаться на возрастнополовой структуре населения Латвии еще в продолжении десятилетий, поскольку его не будут маскировать интенсивные миграционные процессы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Демографический баланс населения Латвии за период 1939 — 1945 г. г.

Многообразие и частично противоположная направленность отдельных факторов и явлений, в своей совокупности представляющих картину понесенного населением Латвийской ССР в результате событий 1939—1945 г. г. ущерба, требует составления детального демографического баланса за этот период.

Задача эта представляется однако-же весьма сложной, подобно решению уравнения со многими неизвестными.

Отображенные в предыдущей главе процессы механического и естественного движения населения Латвии на отдельных этапах обозреваемого нами периода действовали неравномерно и поэтому не могут быть отображены суммарно.

Большинство необходимых для составления подобного баланса цифр не могут быть почерпнуты из вполне надежных источников. Неизбежные для всех серьезных потрясений государственного организма перебои статистического учета сами по себе затрудняют подытоживание наблюдаемых явлений. Усугубляются эти трудности еще и тем, что цифры, относящиеся ко всем насильственным мероприятиям оккупантов, как-то: уничтожение, переселение, принудительный увоз населения, всякого рода мобилизации, по вполне понятным соображениям ими не публиковались и могут быть определены лишь по косвенным признакам, путем оценки, показаниями свидетелей и лишь частично путем соответствующих расчетов или учета местных статистических органов.

Перечень материалов, использованных при составлении последующего баланса и их характеристика даны на стр. 28 и след.

Если в основном изменения демографической структуры Латвии в период с 1939 по 1945 г. г. характеризуются непрерывными потерями, то размер этих потерь на каждом из отдельных, поддающихся фиксации, этапов отчасти маскируется компенсирующим их приростом естественного или механического порядка.

Принимая за исходную цифру количество населения Латвии на 1 января 1939 г., достигшего по исчислению Латвийского государствен-

ного статистического управления максимального после войны 1914—1918 г. г. уровня в 1.994 тыс. человек, проследим за дальнейшей эволюцией этого числа.

Составление общего демографического баланса за истекшее пятилетие, затрудненное отсутствием достоверных данных по целому ряду показателей, произведено с учетом имеющихся промежуточных контрольных цифр: на 1 января 1940 и 1 января 1941 г. г. (данные статистического управления ЛССР), на 1 августа 1941 г. и 23. февраля 1943 года (данные немецкого статистического управления) и, наконец, данные, собранные Уполномоченным Госплана СССР по Латвийской ССР на момент освобождения и на 1 сентября 1945 г.

При обработке этих цифр необходимо произвести некоторый перерасчет вследствие того, что 1) цифры на 12. II 1935, 1. I 1939, 1 янв. 1940, 1. авг. 1941 и 3 февр. 1943 г. г. дают численность населения в пределах старых границ Латвии, а цифры на 1 января 1941 г. и данные 1944—1945 г. г. исчислены по новому административному делению, с учетом выделения 6-ти волостей Виллякского (раньше Абреского) уезда с населением в приблизительно 35 тыс. чел., отошедших по своему этническому признаку (почти исключительно русское население) к Псковской области РСФСР. 2) цифра на 1. августа 1941 г. не включает евреев, к тому сроку в большинстве своем еще проживавших в Латвии, но исключенных немцами из учета по «принципиальным» соображениям или, вернее, с целью сделать исчезновение их в результате истребления более «незаметным».

Исправленные, «унифицированные», данные дают числа в перерасчете на существующее административное деление, а на 1. августа 1941 г. — и с учетом фактического населения (т. е. с прибавлением оставшегося к тому времени на территории Латвии еврейского населения).

Баланс построен не по принципу сопоставления данных в пределах обычных календарных сроков, а опирается на вышеупомянутые «контрольные цифры» по двум соображениям. Во первых — образовавшиеся при разбивке по имеющимся контрольным цифрам отрезки времени представляют в большинстве совершенно монолитные исторические этапы, с определенным демологическим содержанием. Во вторых — необходимость включения в баланс целого ряда не совсем точных, опирающихся на неоспоримые документальные данные, цифр (приводятся в скобках) придает имеющимся более или менее надежным конкретным цифрам сугубое значение и заставляет подчинять им и те данные, которые обычно балансируются на календарные сроки (рождения, смерти).

Разбивка данных по естественному движению населения по календарным годам дается в пределах ограниченных контрольными цифрами отрезков. (См. табл. 10 — стр. 86.).

В связи с поставленной нам задачей возникает необходимость построения безукоризненной с точки зрения демографической методик и в то-же время наглядной и исчерпывающей схемы баланса, охватывающей разнообразные виды движения населения за последние пять лет.*)

Табл. 10

Контрольные цифры к демографическому балансу Латвийской ССР с 1939 по 1945 г. г. (в тыс. чел.)

1935 12. I.	1939 1. I.	1940 1. I.	1941 1. I.	1941 1. VIII.	1943 12. II.	1944/45	1945 1. IX.
Перепись	Расчет	Расчет	Расчет	Регистр.	Перепись	Расчет	Расчет
1950,5	1994,5	1951,5	1895,0	1796,0	1803,1	1464,2	1483,7
„Унифицированные“ числа:							
1918,5	1959,5	1916,2	1895,0	1847,0	1768,1	1464,2	1483,7

Демографический смерч, пронесшийся над подвергнувшимися мщению немцев странами, все-же настолько богат неожиданными завихрениями, что их систематизация и приведение в некоторый стройный порядок является существенной предпосылкой аналитического разбора.

Легализованная традициями поколений примитивная демографическая схема, грубо подытоживающая явления так называемого естественного и механического движения населения, нас на сегодняшний день удовлетворить не может.

В основе схемы, которой пользуется автор, лежит подразделение сводного демографического баланса на два основных, самостоятельных, хотя и взаимно-увязанных раздела — баланса воспроизводства и баланса миграций, соответственно традиционным разделам естественного и механического движения населения. Разница между обычной и нашей схемой заключается в том, что мы понимаем под естественным движением населения лишь часть баланса воспроизводства, включающую рождаемость и естественную смертность.

*) Паевский в статье „Об изменении смертности мигрирующих масс населения“ (23) указывает на „стохастический“ (вероятный) характер оценки соответствующих данных, а также и на необходимость расчленения наблюдаемой совокупности на однородные группы, что нами и предпринято в пределах логически совместимого.

Таким образом смертность насильственная, не попадая в рубрику естественного движения населения, все-же остается в рамках баланса воспроизводства.

Принципиальное различие между последним и балансом миграций состоит в том, что баланс воспроизводства при суммировании демографических балансов отдельных территориальных или административных единиц в более крупные, сводные балансы, не изменяет своего значения. В сводном балансе основные элементы режима воспроизводства населения остаются равными сумме слагаемых по всем частным балансам, включенным в общий.

Количество рождений и смертей по стране равно сумме рождений и смертей по отдельным ее областям и может иметь реальное, положительное или отрицательное сальдо.

Баланс миграций, являясь весьма существенным для каждой территориальной единицы, при сводке по более крупным теряет свое первоначальное значение, превращаясь из показателя прироста или убыли населения в чистый показатель перемещения, чтобы в итоге, в мировом балансе, уравновеситься без остатка. Таким образом, чем больше коллектив, тем менее относительное значение баланса миграций — мировой баланс населения земного шара является чистым балансом воспроизводства.

В предыдущих разделах настоящей работы основные демографические процессы классифицировались по обычной схеме, достаточной для общей характеристики того или иного явления. Представляемый баланс составлен по более развитой схеме, кажущейся нам пригодной для классификации сложных демологических явлений отчетного периода, с учетом его пригодности для объединения данных по отдельным республикам и областям в общий демографический баланс.

Схема демографического баланса

Баланс воспроизводства (БВ).

ПРИРОСТ

(Шифр: + В.)

1. Рождаемость

УБЫЛЬ

(Шифр: — В.)

1. Смертность естественная.

2. Смертность насильственная.

в. т. ч.

а) погибло в результате военных действий (мобилизованных и гражданского населения),

б) уничтожено врагом

Баланс миграций (БМ).

ПРИРОСТ

(Шифр: + М.)

1. Абсолютный прирост (иммиграция, оседание демобилизованных уроженцев других областей).

2. Относительный прирост

а) первичный или временный (приезд на время, насильственный привоз, сезонные рабочие),

б) вторичный или компенсативный (реэвакуация, репатриация, демобилизация).

УБЫЛЬ

(Шифр: — М.)

1. Абсолютная убыль (эмиграция)

2. Относительная убыль,

а) первичная или временная (эвакуация, депатриация, мобилизация),

б) вторичная или компенсативная (отъезд временно приехавших, реэвакуация и репатриация).

Помимо миграционных процессов, изменяющих численность населения республики в целом и проходящих по соответствующим статьям баланса, в местных демографических балансах могут и должны фигурировать дополнительные цифры, характеризующие «микромиграции» или «флотации» населения в местном масштабе. К этой категории миграций относятся и отраженные в диаграммах 3 и 4 (стр. 51—52), связанные с передвижением линии фронта и быстро выравнившиеся по окончании военных действий.

Сальдо демографического баланса образуется из суммы сальдо баланса воспроизводства и баланса миграций, и, конечно, равно сальдо по общему приросту (+В, +М) минус общей убыли (—В, —М). В нашем понимании естественное движение населения — сальдо рождаемости и естественной смертности. Понятие механического движения населения помимо миграционных процессов может охватить и статью «—В 2» — насильственную смертность.

Демографические последствия войны, классифицированные по схеме на стр. 18, лишь частично включаются в построенный нами баланс. Этот баланс учитывает лишь количественные и не отражает очень веских в итоге демографических последствий войны качественных потерь (увечья, заболеваемость, ухудшение биологических показателей). Также в демографическом балансе учитываются лишь действительные и не подлежат непосредственному включению расчетные потери, в том числе и дефицит рождаемости — одно из самых обычных последствий любой войны.

Факторы прироста или убыли населения разделов +М 1 и —М 1, характеризуемые как «абсолютные», в основном отображают изменения численности населения постоянного (в смысле общепринятой демографической терминологии); прирост или убыль, отнесенные по разделам +М 2 и —М 2 схемы к группе «относительных» — в основном изменяют состав наличного населения.

Известные трудности представляло отнесение некоторых демографических явлений к той или иной статье принятой нами классификации (схемы). Так, например, иммиграция сама по себе не содержит объективного признака, дающего право включить ее в категорию абсолютного, постоянного прироста или, наоборот, причислить ее к группе относительных, временных явлений. Лица, приехавшие с намерением прочно осесть на новом месте, вихрем событий увлекаются далеко как от первичного, так и от избранного ими места жительства. С другой стороны часть лиц, совершенно не помышлявших оставлять родные края, и очутившись на чужбине, предполагавших при первой возможности вернуться на родину — в силу неожиданных обстоятельств прирастают к новому месту, связываются семейными узами и производственными

отношениями и таким образом составляют частицу той категории прироста по балансу миграций, который мы называем абсолютным.

Примером первой группы могут послужить немцы, поселившиеся «на вечные времена» на отторгнутых ими территориях Западной Польши или приехавшие на работу в «завоеванную» Латвию «на тысячу лет» и теперь скитающиеся по разгромленной Германии; к второй группе относятся те польские рабочие, преимущественно женщины, которые в 1935—1939 г. г., гонимые царившей в селах Польши беспросветной нуждой, приезжали в Латвию в поисках сезонного заработка, предполагая вернуться осенью домой, но застревали, обзаводились семьями и с течением времени крепко срастались с новой обстановкой.

Также неясно, отнести-ли эмигрирующее в силу тех или иных условий населения к группе абсолютной или относительной убыли; и этот вопрос часто решается ходом исторического развития иначе, чем предполагал его сам субъект миграционного процесса.

Эвакуация, как таковая, безусловно относится к миграционным явлениям временного, т. е. относительного порядка, что однако не лишает эвакуированного права остаться навсегда на новом месте.

Смерть мигранта также является событием, изменяющим окончательную значимость миграционного акта и часто превращающим временное убытие в постоянное (особенно по мобилизации).*)

Направление временных миграционных процессов может быть первично положительным (временный приезд) с последующей отрицательной фазой (отъездом приехавших на время лиц); соответственно распространен и второй вид временной миграции с первично отрицательной фазой (отъезд) и последующей компенсативной (возвращение).

Цикл таких миграционных процессов временного типа по нашей схеме завершается в порядке: — M_{2a} , + M_{2a} , — M_{2b} , + M_{2b} и может быть представлен формулой

$$N_{+M_{2b}} = N_{-M_{2a}} - [N_1 - m_1 + N_2 - v(1+2)],$$

в которой N контингент мигрантов данной группы, N_1 — оставшиеся из них навсегда на новом месте, N_2 — умершие на чужбине. Эта формула, конечно, не учитывает фактора времени, который может быть включен условно.

*) Американский автор Уилкоккс (W. Willcox) различает «валовую» эмиграцию — соответственно совокупности раздела — M нашей схемы и «чистую» эмиграцию — соответственно сальдо — $M(1+2)$ и + M_{2b} , т. е. разнице между общим числом эмигрировавших и числом впоследствии вернувшихся. Такой метод построения баланса миграций применим только при анализе длительного периода времени и мало пригоден для нашей задачи.

Для целей рациональной классификации чрезмерная дифференциация является излишней и даже вредной, поэтому в нашей схеме отображаются лишь основные процессы.

Руководящим признаком при отнесении того или другого миграционного процесса к категории абсолютных или относительных целесообразно признать чисто субъективный момент — намерение и перспективу мигранта. Лишь в тех случаях, когда предположительно абсолютный, односторонне направленный миграционный процесс в пределах обозреваемого периода оказывается относительным и получает свое компенсативное завершение (отъезд приехавших в 1941—1943 г. г. субъективно на «постоянную» работу немцев в 1944 г.), классифицировать его целесообразно по объективному признаку, согласно «упрямому факту».

В дальнейшем отдельные «статьи» движения населения на территории Латвийской ССР с 1 января 1939 г. по 1 сентября 1945 г. балансируются раздельно по каждому отрезку, отграничиваемому контрольной цифрой (см. табл. 10 — стр. 86).

Такое отграничение уменьшает размеры неизбежных вследствие недостоверности тех или иных данных ошибок и дает более надежный итог.

Кроме общего, представляются еще и отдельные итоговые балансы воспроизводства и миграций.

Если дебет баланса миграций соответственно отразился на обеих сторонах баланса воспроизводства, то прирост по этому же разделу (+М), в данной демографической ситуации практически не привел к увеличению +В, зато составляет почти 65% статьи — В 2, что приводит к резкому нарушению всего баланса воспроизводства и к отрицательному сальдо, почти втрое превышающему действительную убыль (по этому балансу) местного, коренного населения.

Баланс населения Латвийской ССР 1939—1945 г. г.

(численность населения в тыс., ориентировочные данные в скобках).

1. отрезок: 1. I. 1939—1. I. 1940 — Стадия «инициальной тревоги».

Увеличение числа беженцев из разных стран Европы, в первую очередь из Польши. Начало репатриации немцев. Некоторое количество польских сезонных рабочих «застревает» в Латвии.

ПРИРОСТ

+ В. Рождаемость	36,9
+ М. 1. Иммиграция из Польши и некоторых других стран Европы (4,4)	
<hr/>	
Всего:	41,3

УБЫЛЬ

— В. Смертность естественная	27,7
— М. 1. «Репатриация» немцев	40,9
2б. Отъезд приехавших ранее на временное пребывание иностранцев	(16,0)
<hr/>	
Всего:	84,6
— прирост	41,3
<hr/>	
Н е т т о - у б ы л ь	43,3

Числилось на 1. I. 1939 г.: 1.959,5

нетто-убыль 43,3

Числилось на 1. I. 1940 г.: 1.916,2

2. отрезок: 1. I. 1940—1. I. 1941 — Воссоединение Латвии с СССР.

Перед этим, в середине года — эмиграция значительной части крупной буржуазии и реакционно-настроенной интеллигенции. Продолжается репатриация немцев (в начале года). Польские рабочие выезжают в Западную Белоруссию и Виленскую область Литовской ССР, где проводится земельная реформа.

ПРИРОСТ		УБЫЛЬ	
+В. Рождаемость	37,5	—В. 1. Смертность естественная	30,1
+М. 1. Иммиграция	(2,0)	—М. 1. Эмиграция в разные страны (до установления сов. власти) «Репатриация» немцев	(15,0) 11,0
<hr/>		2б. Выехало сезонных рабочих в Польшу	(4,6)
Всего: 39,5		Всего:	60,7
		—прирост	39,5
		Нетто-убыль:	21,2

Числилось на 1. I. 1940 г.: 1.916,2

нетто-убыль 21,2

Числилось на 1. I. 1941 г.: 1.895,0

3. отрезок: 1. I. 1941—1. 8. 1941 — Этап советского строительства; вторжение.

В первой половине года развертывается советское строительство, в связи с чем приезд специалистов и членов их семей. В начале 1941 г. — второй этап репатриации немцев. С началом войны: эвакуация, гибель некоторого количества населения в течении оборонительных боев, начало истребления захватчиками неугодного им гражданского населения.

ПРИРОСТ

+В. Рождаемость	22,7
+М. 1. Прибыло из других республик СССР (29,6)	
<u>Всего:</u>	<u>52,3</u>

УБЫЛЬ

—В. 1. Смертность естеств.	18,3
2. смертность насильств.	13,0
в т. ч.	
а) погибло в связи с военн. действиями (3,0)	
б) уничтожено немцами гражданск. населения	10,0
—М. 1 «Репатрировано» в Германию	11,0
2а. Эвакуировано населения	58,0
<u>Всего:</u>	<u>100,3</u>
—прирост	52,3
<u>Нетто-убыль:</u>	<u>48,0</u>

Числилось на 1. I. 1941 г.: 1.895,0

— нетто-убыль 48,0

Числилось на 1. 8. 1941 г.: 1.847,0

4. отрезок: 1. 8. 1941—24. 2. 1943 — Период фашистского разгула.

Приезд немецких чиновников — «резидентов». Привоз населения из занятых немцами областей РСФСР, частично истреблявшегося или погибавшего в лагерях. Уничтожение местного еврейского населения, а также и большого количества специально привезенных евреев из Германии и других стран средней и западной Европы. Частичная мобилизация местного населения на работу в Германию, немецкую армию и в стройбатальоны организации Тодт, расположенные на территории Латвийской ССР, по неучтенные немецкой переписью 1943 г.

ПРИРОСТ

[+ В. Рождаемость	59,2
(в т. ч.	
1941 — 15,6	
1942 — 37,2	
1943 — 6,4)	
[+ М. 2а. Из Германии на «постоянную» работу	13,0
Насильственно привезено	134,0
<hr/>	
Всего:	206,2

УБЫЛЬ

—В. 1. Смертность естественная	50,1
(в т. ч.	
1941 — 13,9	
1942 — 30,5	
1943 — 5,7)	
2. Смертность насильственная (уничтожено немцами)	185,0
(из них местн. населения приблизительно 90,0)	
—М. 2а. Вывезено на работу в Германию	(30,0)
б. Мобилизовано немцами в армию и строит. организации	(20,0)
<hr/>	
Всего:	285,1
—прирост	206,2
<hr/>	
Нетто-убыль:	78,9

Числилось на 1. 8. 1941 г.: 1.847,0

нетто-убыль 78,9

Числилось на 24. 2. 1943 г.: 1.768,1

**5. отрезок: 24. 2. 1943 г. — Момент освобождения 1944/45 г. г. —
Финальный период немецкого гос-
подства. Изгнание оккупантов.**

Продолжались массовый привоз советских людей из прифронтовых областей и частичная гибель их в концлагерях. Часть латышской буржуазии и приспешники немцев бегут в Германию. Значительное количество населения мобилизуется и вывозится насильно. Некоторые пытаются спастись от увоза бегством в Швецию. Немецкие чиновники — «резиденты» покидают страну. Боевые действия приводят к гибели значительного числа лиц из гражданского населения. Смертность продолжает увеличиваться, рождаемость — снижаться.

ПРИРОСТ

УБЫЛЬ

<p>+ В. Рождаемость 59,5 (в т. ч. 1943 — 30,5 1944 — 25,0 1945 — 4,0)</p>	<p>— В. 1. Смертн. естеств. 52,0 (в т. ч. 1943 — 25,7 1944 — 23,0 1945 — 3,3) 2. Смертн. насильств. (81,0) в т. ч. а) погибло от бое- вых действий 16,0 ^{умножено} _{немцами} 65,0</p>
<p>+ М. 2а. Насильственно при- везено немцами 114,5</p> <hr/> <p style="text-align: right;">Всего: 174,0</p>	<p>— М. 2а. Увезено в Гер- манию 200,0 Выехало в Швецию, Данию и др. страны 5,0 Мобилизовано немцами 30,0 б. отъезд немцев - «резидентов» (13,0)</p> <hr/> <p>Всего: 381,0</p> <p>Не учтено к моменту осво- бождения 96,9</p> <hr/> <p>Всего: 477,9</p> <p>— прирост 174,0</p> <hr/> <p>Нетто-убыль: 303,9</p>

Числилось на 24. 2. 1943 г.: 1.768,1

нетто-убыль 303,9

числилось к моменту освоб. 1.464,2

6. отрезок: с момента освобождения до 1. 9. 1945 г.

Этап «первичной реституции».

Возвращение части эвакуированных, прилив свежих сил из других республик на восстановление страны. Частичное возвращение насильно увезенного в Германию населения. Находившиеся на территории Латвийской ССР из привезенных немцами и оставшихся в живых иностранцы и жители Псковской, Ленинградской и др. областей возвращаются домой. Смертность впервые превышает рождаемость.

ПРИРОСТ

УБЫЛЬ

<p>[+В. Рождаемость 26,1 (в т. ч. 1944 — 8,0 1945 — 18,1)</p>	<p>—В. 1. Смертн. естеств. (повышенная) 36,6 (в т. ч. 1944 — 17,0 1945 — 19,6)</p>
<p>[+М. 1. Прибыло на постоянное пребывание из др. республик и осело по демобилизации 54,0</p> <p>2б. Вернулись по ре-эвакуации 22,0 и репатриации 30,0</p> <hr/> <p style="text-align: right;">Всего: 132,1</p>	<p>—М. 2б. Репатриация иностранцев и пр. привезенных немцами лиц 92,0</p> <hr/> <p style="text-align: right;">Всего: 128,6</p>
<p>Дополнительно учтено находившегося вне пост. места жит. населения 16,0</p> <hr/> <p>Итого: 148,1</p> <p>— убыль 128,6</p> <hr/> <p>Нетто-прирост 19,5</p>	

Числилось к моменту освобожд. 1.464,2

+ нетто-прирост 19,5

Числилось на 1. 9. 1945 г. 1.483,7

Итоговый баланс
1939 — 1945 г. г.

ПРИРОСТ		УБЫЛЬ	
[+ В. Рождаемость	241,9	— В. 1. Смерти. естеств.	214,8
		2. смерти. насильств.	279,0
		в т. ч.	
		а) погибло в результате военных действий	19,0
		б) уничтожено врагом	260,0
[+ М. 1. Иммигрировало	90,0	— М. 1. Эмигрировало	77,9
2а. Приехало на время	261,5	2а. Убыло на время местного населения	323,0
б. Вернулось	52,0	б. Убыло временно находившихся приезжих	145,6
<hr/> Всего: 645,4		<hr/> Всего: 1.040,3	
Дополнительно учтено	16,0	<hr/> Не учтены 96,9	
<hr/> Прирост и того: 661,4		<hr/> Убыль итого: 1.137,2	
		<hr/> — Прирост и того: 661,4	
		<hr/> Нетто-убыль итого: 475,8	

Числилось на I. I. 1939 г.: 1.959,5

— нетто-убыль итого 475,8

Числилось на I. 9. 1945 г.: 1.483,7

Итоговый баланс воспроизводства

ПРИРОСТ:	УБЫЛЬ:	САЛДО:
241,9	493,8	—251,9

Итоговый баланс миграций.

ПРИРОСТ:	УБЫЛЬ:	САЛДО:
419,5	562,5	—143,0
	Не учтено: 80,9.	

Не включены в баланс военнопленные (на территории Латвии по данным Чрезвычайной Республиканской комиссии по расследованию немецко-фашистских зверств и по материалам судебного процесса уничтожено 327 тыс. советских военнопленных, — 26).

Разрыв между итогом по-статейного учета движения населения и данными о наличном его количестве в размере 80,9 тыс. чел., кажущийся на первый взгляд непомерно большим, объясняется следующими моментами.

Но учтены и не отражаются в «характеристике» статистического управления к моменту освобождения и в сводке на 1. 9. 1945 г.:

1. Сотрудники:

- а) Народного Комиссариата Обороны;
- б) Народного Комиссариата В-М флота;
- в) Народного Комиссариата Внутренних Дел;
- г) Народного Комиссариата Госбезопасности;

и подведомственных последним организаций, в значительной мере укомплектованных местными кадрами.

2. Лица, призванные после освобождения Латвийской ССР в ряды Красной Армии.

3. Находившиеся в заключении.

Незакончившиеся еще миграционные процессы, оторвавшие большое количество населения от его постоянного места жительства, делают вероятным наличие некоторого количества населения на территории Латвийской ССР, не охваченного проведенным учетом.

Относительно большое количество «ориентировочных», хотя и основанных на документальных данных, цифр, фигурирующих в балансе (количество убитых немцами, привезенных из других областей и стран, а также вывезенных или бежавших в связи с надвигающимся фронтом в Германию или другие страны лиц), также в значительной мере способствует возникновению значительных разрывов.

Разбивка этого «разрыва» по отдельным статьям нарушила бы принцип добросовестности оценки вероятностей; честное „ignoramus“ в данном случае представляется более конкретным, чем необоснованная псевдо-точность.

Особого упоминания заслуживают трудности, возникшие в связи с необходимостью определить количество вывезенного немцами из Латвии в Германию населения. Нельзя не отметить противоречивость цифр, установленных Чрезвычайной Республиканской комиссией и Отделом репатриации при СНК Латвийской ССР с одной, и официальными «Материалами судебного следствия по делу злодеяний . . .» — с другой стороны. В то время как Ч. Г. Ю.

и Отдел репатриации дают, основываясь на свидетельских показаниях, документах и сведениях, представленных местными исполнительными комитетами идентичную цифру в 175 тыс. чел., насильственно увезенных в Германию, в предварительном и судебном следствии по «делу о злодеяниях...» установлена соответствующая цифра в 280.000. Имеется основание предполагать, что данные исполкомов занижены и общее число увезенных достигает указанной цифры в 280 тысяч, как это отражено и в нашем балансе с разбивкой по отдельным этапам, сумма же в 175 тысяч относится лишь к местным жителям, увезенным на последнем этапе оккупационного периода.

Небесполезно отметить, что даже в произведенных в условиях palace-ного статистического учета и при нормальных изменениях численности населения демографических расчетах ошибки бывают весьма значительными.

Так, например, исчисление населения Латвии на 1. января 1924 года, произведенное Латвийским статистическим управлением на базе переписных данных 1920 года и регулярного учета как естественного, так и механического движения населения Латвии, дало цифру в 1.909.709 чел., в то время, как произведенная 10. февраля того-же года перепись дала лишь цифру в 1.844.805 чел., т. е. разницу (убыль) в почти 65 тыс. при имевшемся естественном приросте за это же время в 12.770 чел. и отсутствии сколь либо весомой эмиграции.

В латвийском статистическом сборнике за 1920 г. количество населения исчислялось в 1.727.500 чел., в то время, как произведенная в этом-же году перепись дала лишь цифру 1.596.131 чел., т. е. разницу в 131.369 чел. — большую, чем фигурирующая в нашем балансе.

Урландис в своей капитальной работе «Рост населения в Европе» приводит целый ряд данных о крупных расхождениях между результатами исчислений и переписей населения. Эти расхождения констатированы как в сторону излишка, так и, как в нашем случае, недостатка населения и достигают внушительных даже с учетом величины соответствующих стран цифр. По мнению автора эти расхождения объясняются почти исключительно трудностью учета миграционных процессов, на которую указывает и целый ряд других авторов (П а е в с к и й, Д э р и н г, Б и р о, Б о я р с к и й).

В свете этих фактов нетто-разрыв в 80 тыс. человек, образовавшийся в результате частично ориентировочных исчислений показателей демологической динамики столь бурного периода, каким являлось истекшее пятилетие, представляется менее устрашающим, влияние его на правдоподобное отражение многообразных процессов естественного и особенно механического движения населения Латвии менее решающим.

Все-же эта цифра ставит перед всеми заинтересованными в точном и научно-корректном демографическом учете и ответственными за него работниками важнейшую задачу изыскания дополнительных материалов, конкретизации тех или иных «ориентиров», выявления и исправления неточностей. Несомненно, значительная часть образовавшегося разрыва объясняется ненадежностью данных первичного после освобождения страны учета населения. Вследствие этого при каждом последующем учете цифры будут уточняться и приближаться к истинным. Так, например, анализ данных последнего учета на 1.9.1945 указывает на дополнительное выявление 16 тыс. человек, не учтенных непосредственно после освобождения.

Представленный выше демографический баланс по существу является брутто-балансом, так как включает все перипетии населения Латвийской ССР, происходившие в 1939—1945 г. г. Помимо судьбы коренных жителей страны, в балансе отражается и судьба сотен тысяч людей, привезенных насильно (за исключением 337 тыс. советских военнопленных, уничтоженных немцами на территории Латвии, преимущественно в районе Саласпилс). С точки зрения балансирования режима воспроизводства, а также и миграционных потоков подобный брутто-баланс является единственно правильным. Сотысячные контингенты, «списанные» в разных странах Европы и в оккупированных советских областях по графе убыли, разделу миграций (—М 1 и 2а), должны быть заприходованы в Латвии даже тогда, если они были привезены непосредственно для уничтожения и были практически «экстерриториальны». Такие контингенты проходят в нашем балансе по разделам +М 2а и —В 2б. Рассматривая демографический баланс Латвии, как часть страшного баланса Европы во время фашистского разгула, мы иначе и поступить не можем.

Обращая взор к коренному населению Латвии, мы обязаны из итогового брутто-баланса выделить нетто-баланс коренного населения (под коренным населением мы в данном случае подразумеваем постоянное население Латвии до 1939 г., независимо от его национальности). Такой баланс, составленный сугубо ориентировочно, представляется нам в следующем виде.

Итоговый нетто-баланс коренного населения Латвии 1939—1944/45 г. г.
(момент освобождения).

ПРИРОСТ

УБЫЛЬ

+ В. Рождаемость	240,0	— В. 1. Смертность естественная	215,0
		2. Смертность насильственная	(115,0)
		в т. ч.	
		а) погибло в результате военных действий	(15,0)
		б) уничтожено немцами	100,0
		(из них 75 тыс. евреев)	
+ М.		— М. 1. Эмигрировало	85,0
		2а. Увезено немцами	268,0
		б) Эвакуировано	55,0
		В с е г о:	738,0
		Не учтено:	80,0
		Всего убыль	818,0
		прирост	240,0
		Нетто-убыль	578,0

Числилось на 1. 1. 1939 1.960,0

Из числившегося к моменту освобождения населения — коренных жителей Латвии 1.382,0

Нетто-убыль к моменту освобожд. **578,0**

Итоговый нетто-баланс коренного населения Латвии за период 1939—1944/45 г. г. (момент освобождения) составлен с учетом следующих явлений:

1. Зарегистрированное за отчетный период естественное движение населения (+В, —В 1) следует отнести исключительно за счет коренного населения (среди приезжих, особенно среди привезенных насильно, рождаемость была ничтожной и также не учитывалась, как вероятно весьма значительная естественная смертность).
2. Цифры погибших насильственной смертью и увезенных насильно соответствуют приведенным ранее.
3. Цифры неучтенных к моменту освобождения ниже, чем в развернутом балансе, т. к. часть неучтенных, безусловно, были приезжими.

Разрыв между сальдо брутто-баланса в — 475 тыс. и сальдо-нетто-баланса для коренного населения Латвии (— 578,0 тыс.) объясняется тем, что последний не охватывает иммиграции (+М 1), привезенных немцами (+М 2а) и первичных компенсаций (+М 2б) по эвакуации и репатриации с одной стороны — уничтоженных и увезенных из числа привезенного немцами населения — с другой.

Этому разрыву приблизительно соответствует и число учтенных к моменту освобождения Латвии лиц, оказавшихся на ее территории случайно, т. е. не входящие в баланс коренного населения. Это соответствие замыкает круг и позволяет нам считать баланс уравновешенным.

В заключение следует отметить, что теоретически необходимая для полного охвата людских потерь поправка на дефицит рождаемости в данном случае невелика, т. к. относится в основном лишь к периоду 1944 и 1945 г. г. и может быть оценена в 6—10 тысяч. Более точные расчеты ввиду незначительности этого фактора практического значения не имеют.

Самые существенные поправки в составленный на основании имеющихся в данное время данных баланс внесут материалы ближайшей всеобщей переписи населения.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Анализ итоговой структуры населения

Совокупность демологических процессов, представленная выше в динамическом аспекте и отразившаяся в итоговом балансе дефицитом в 475 или даже 578 тыс. человек, должна быть рассмотрена и в статическом, а также и в перспективном аспектах, путем сопоставления исходных и итоговых показателей.

Несмотря на то, что недостаточность имеющихся на сегодняшний день материалов и продолжающаяся миграция не позволяют построения уточненных перспективных таблиц, сопоставление основных демографических показателей отдельных этапов 1914—1920 и 1939—1945 г. г. позволяет уже теперь отчетливо осознать проблематику настоящего момента и вытекающие из нее задачи.

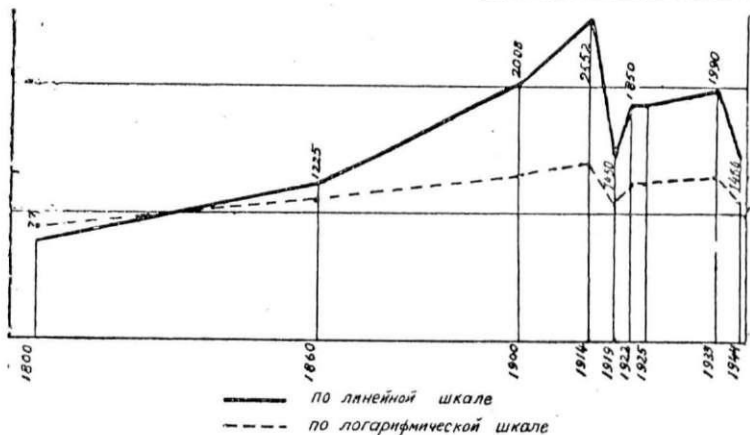
Абсолютная цифра, на которую сократилось число жителей Латвии с 1939 по 1944/45 г. г., представляет убыль в 24,2% к исходному числу. За вычетом 98 тыс. человек, находившихся на территории Латвийской ССР к моменту ее освобождения случайно и временно и выехавших в подавляющем большинстве обратно на место постоянного жительства, убыль составляла 29,3%.

Эта убыль представляется на первый взгляд значительно меньшей, как в абсолютных, так и относительных числах, чем убыль за период мировой войны 1914—1918 г. г. — 1100 тыс. человек или 43,1% исходной численности населения (см. диагр. 10 — стр. 105). Однако же эта кажущаяся большей цифра потеря периода 1914/18 годов в действительности не является таковой.

При сопоставлении абсолютных, невосполнимых потерь (дефицит рождаемости, повышенная смертность, потери в результате военных действий или насильственного уничтожения) с относительными — числом эвакуировавшихся с территории Латвии временно или вывезенных немцами насильно и уцелевших при этом граждан — картина представляется иной.

В то время, как 36,5% недосчитывавшегося в 1919 году по сравнению с 1914 годом населения вернулось уже в течение ближайших двух лет (к 1922 году население Латвии составляло уже 1.850 тыс. человек), из 575 тыс. абсолютного дефицита коренных жителей Латвии за период

Динамика №10

Динамика численности населения Латвии 1800—1944 г. г.
 (цифры в тысячах)

(Достоверность цифры 2.552 тыс. населения Латвии в 1914 г., почерпнутой из статистических данных б. России, некоторые авторы оспаривают. М. Скуениек считает, что на территории Латвии никогда не проживало более 2.300 тыс. человек)

1939—1945 г. г. вернулись непосредственно по окончании военных действий или могут еще вернуться лишь тысяч 80—100, т. е. всего 14—18% к общему числу потерь.

Особенно неблагоприятным за период 1939—1945 г. г. представляется баланс коренного латышского населения. В то время, как из числа убиенных за время 1914—1919 прибл. 480 тыс. латышей вернулось до 1922 г. 260—270 тыс., и абсолютные потери латышского населения составляли около 220 тыс. или 14,3% к максимальному числу жителей Латвии латышской национальности в 1914 г. (1.542 тыс.), из числа убиенных за период 1939—1945 прибл. 340 тыс. латышей вернулось или смогут вернуться лишь тысяч 70—90; абсолютные потери таким образом равняются приблизительно 260 тыс. или 17% к числу латышей в Латвии в 1939 г.

Если учесть, что путем естественного прироста за 20-тилетний период 1920—1939 число латышей в пределах Латвии увеличилось лишь на 170 тыс. человек или 13,2%, и этим за 20 лет восполнилось лишь 77% потерь, то на восстановление контингента латышского населения

до уровня 1939 г. потребовалось бы (принимая довоенный среднегодовой естественный прирост в 4‰) приблизительно 50 лет.

Резко нарушенное равновесие возрастных контингентов и соотношение численности населения мужского и женского пола не дает основания к чрезмерно оптимистическим расчетам. Хотя в условиях советского строя и следует ожидать роста уровня воспроизводства латышского народа, как мы уже и наблюдали в 1940/41 г. г., в течении целого ряда лет баланс естественного движения коренного населения Латвии будет весьма напряженным. Миграционные процессы, в первую очередь приезд населения с более высокими показателями воспроизводства из других республик Союза, до известной степени маскируют показатели естественного движения коренного населения.

Уже за период войны 1914/18 г. г. сокращение численности населения Латвии было наибольшим в Европе. Если и в других, больших по размерам, странах с соответственно большим числом жителей и были сильно пострадавшие области, то их потери быстро компенсировались естественным приростом всего населения и внутренней миграцией.

Интересно сопоставление данных о движении населения во время войны 1914—1918 в различных странах Европы по Ш у л ц е - М а н и ц и л у с у (см. диагр. 11 — стр. 107).

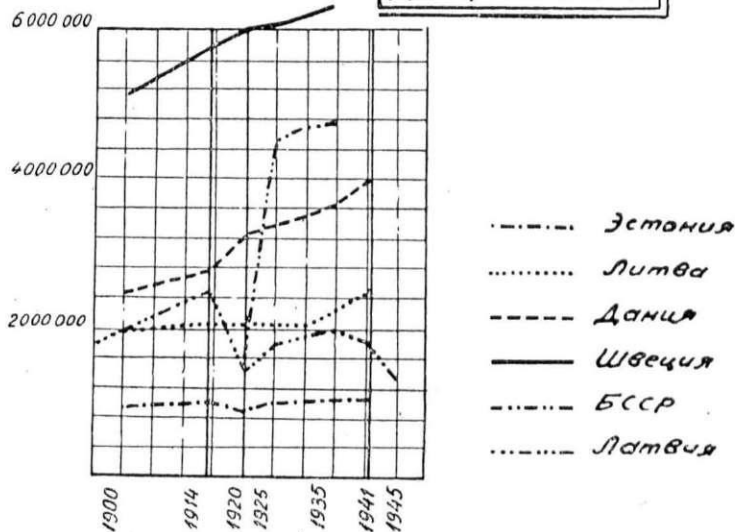
Наряду со странами, кривая развития которых совершенно не реагирует на военные действия и отражает лишь некоторую задержку роста в годы послевоенных затруднений (Швеция, Литва), есть страны, население которых даже резко возросло в результате иммиграции, вызванной притягательной силой обусловленного нейтралитетом благополучия и «коммерческого процветания» (Дания). Наш сосед — Эстония — по всем показателям представляется демологически наиболее пассивной и инертной страной Европы. Относительно умеренные потери во время первой мировой войны компенсируются в ближайшие же годы; в дальнейшем демографическая кривая дает картину полного застоя при близких к «абсолютному минимуму» показателях рождаемости и смертности.

Пароксизмальная кривая отображает потери, понесенные Латвией в период 1914—1918 г. г., медленный (после начальной компенсации — в первую очередь реэвакуации) регенеративный процесс в 1925—1939 г. г. и тяжелую рану, нанесенную стране вторичным немецким вторжением и оккупацией 1941—1945 г. г.

На фоне сравнительно инертных показателей демологических процессов в странах с капиталистическим укладом резко выделяется кривая бурного роста населения также пострадавшей в прошлую мировую войну Советской Белоруссии в период послевоенной регенерации и интенсивного процесса индустриализации.

Латвия, будучи небольшой по площади и количеству населения страной, все же в силу исторически сложившихся условий никогда не

Диаграмма № 11

Движение населения в некоторых странах Европы после первой мировой войны

была монолитной ни в отношении социально-экономическом, ни в национально-культурном. Особенно резко отличалась от западных, центральных и северных частей страны ее восточная область — Латгале (Латгалия). Находясь более 2-х веков (1561—1772) под суверенитетом Польши, эта область подпала под власть польских панов-помещиков и католического духовенства, считавшего своей главной задачей препятствовать культурному росту населения и держать его в полной духовной и материальной зависимости от себя и своих покровителей — помещичьего класса. Хотя с 1772 г., после первого раздела Польши, Латгале отошла к России, войдя в основном в состав Витебской губернии, влияние польской власти и католической церкви почти не уменьшилось, связи коренного латгальского населения с основным латышским Курляндской и Лифляндской губерний не восстанавливались до воссоединения всех трех областей в 1918 году. Наличие в Латгале значительного и отчасти компактного меньшинства русской национальности, а также некоторого числа евреев и поляков выделяло ее в этническом отношении; преимущественно сельский характер населения с мелкими земельными наделами и большим количеством вынужденных искать работу на сто-

роне безземельных, наряду с наличием значительного числа поселков «местечкового» типа наложило свой отпечаток и на социально-экономический облик этой части республики.

Одним из самых ярких показателей упомянутого различия является показатель заселенности или относительной плотности населения. При средней плотности в 29,6 чел. на кв. километр по республике в целом плотность населения в уездах Видземе (Лифляндия) составляла всего 17,6 чел. на кв. км, в то время, как в соседней Латгале на кв. км. приходилось 36,2 человек, т. е. больше, чем вдвое. При преимущественно сельско-хозяйственном роде занятий показатель плотности населения одновременно определяет и степень обеспеченности последнего землей, а тем самым и, „*ceteris paribus*“, уровня материально-бытового благополучия.

Совокупность всех, преимущественно механических факторов, изменивших демографическую картину Латвии за время с 1939 по 1945 год, создала и значительные сдвиги в территориальном распределении населения.

Ввиду интенсивности миграционных процессов к моменту освобождения страны и в течении последующих месяцев, правильную картину по-уездного распределения населения Латвии дает не состояние его на определенный момент, а сопоставление первичных и вторичных после освобождения данных.

Совокупность естественных и механических факторов движения населения с 1939 по 1943 г. в итоге отражается в картограмме 2 (стр. 49). На ней отмечены как естественный прирост и убыль населения данного уезда, так и те-же явления механического порядка (в нашем понимании этого термина, т. е. баланс миграций + смертность насильственная). В окаймленных шрифтировкой уездах в целом отмечено увеличение количества населения, в окаймленных черным — убыль. Выше уже отмечалось, что на первом этапе немецкой оккупации в силу присущей показателям рождаемости инерции всюду, за исключением Цесисского уезда, наблюдался некоторый естественный прирост. Равнодействующая факторов механического движения населения дает уже другую, менее однородную картину. В то время, как во всех уездах количество населения сократилось отчасти вследствие репатриации немцев, эвакуации в связи с военными действиями и, в основном, произведенного немцами массового истребления негодных им элементов, эта убыль в некоторых уездах компенсировалась положительными факторами механического движения населения — осевшими сезонными сельскохозяйственными рабочими, преимущественно из Польши, приехавшими из Германии «устанавливать новый порядок» немецкими административными работниками и, главным образом, насильственно привезенными и переданными на почти рабовладельческих началах кулацким хо-

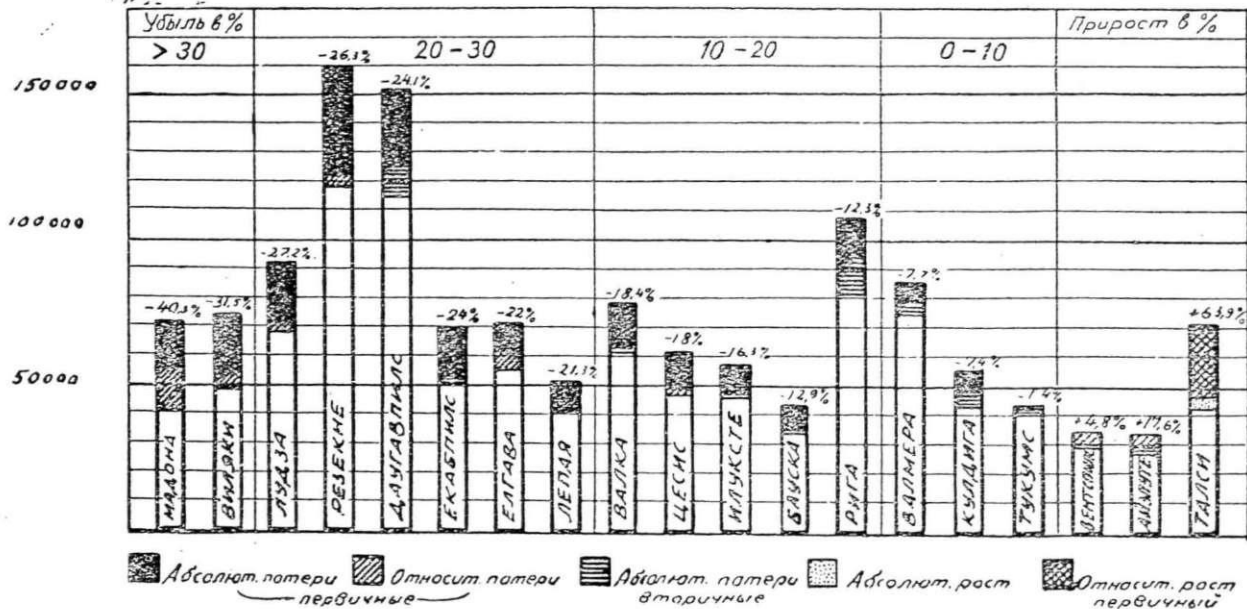
зайствам центральных уездов Латвии жителей соседних областей РСФСР. Таким образом в 6-ти центральных уездах — Рижском, Елгавском, Баусском, Цесисском, Валмиерском и Мадонском — упомянутая выше убыль была компенсирована с излишком. По совокупности действия естественных и механических факторов при разной их направленности в Цесисском уезде преобладал механический прирост над естественной убылью, в Тукумском, Талсинском и Екабпилском — естественный прирост над механической убылью, в большинстве же уездов уже до 1943 г. причиненные хозяйничанием немцев механические потери не компенсировались ни естественным, ни механическим приростом и дали общий дефицит (окаймленные черным уезды). Эта картограмма ярко показывает, что основной ущерб немецкое владычество причинило периферийным, более бедным уездам, центральные же, с сельскими хозяйствами преимущественно кулацкого типа, постоянно нуждавшимися в наемной рабочей силе из внешнего источника, сумели воспользоваться благосклонностью немцев, обеспечить себе необходимую почти бесплатную рабочую силу и таким образом укрепить свое хозяйственное положение.

Финальный этап немецкой оккупации и местами ожесточенные боевые действия, которыми сопровождалось изгнание захватчиков, вызвали глубокие механические сдвиги в структуре населения. Помимо насильственного увоза значительной части трудоспособного населения и гибели большого числа людей, уход немцев сопровождался и значительным опустошением зоны непосредственных военных действий. Стремление населения укрыться от угрозы подняло миграционную волну, приведшую к отчасти парадоксальной картине распределения населения к моменту освобождения, отображенной в картограмме 3 (стр. 51).

Поставленная задача выявления „status quo“ по освобождению латвийской территории заставляет нас соединить в единую демографическую картину данные, полученные по освобожденным на первом этапе осенью 1944 г. уездам с данными по 6-ти Курземским уездам, полученным соответственно в конце мая — начале июня 1945 года, после общей капитуляции немцев. В диаграмме 12 (стр. 110) уезды расположены в порядке понесенных ими людских потерь за весь военный период (1941—1945), отображенных по состоянию на момент освобождения (данные первичных характеристик), а также и с учетом дополнительных сдвигов в порядке первичной компенсации — по состоянию на 1. 9. 1945 г.

Наиболее сократилось число жителей в процентном к довоенному отношении в Мадонском и Вилякском уездах, расположенных вдоль главной линии обороны немцев в Латвии по реке Айвиексте (см. диагр. 3 — стр. 51 и 12 — стр. 110 и табл. 11 — стр. 111).

Диаграмма №12

Убыль населения Латвийской ССР 1939 — 1945 г. г.

(Группировка по - уездно, без городов республиканского значения, в порядке относительных потерь. Первично — к моменту освобождения. Вторично — после первичной компенсации на 1 сентября 1945 г.)

**Динамика населения Латвийской ССР (1941—1945)
по уездам и городам республиканского значения**
(Расположение уездов см. картогр. 3 стр. 51)

Цифры в тыс.	Население на	Население к	Разница в %	Население на	Первичная	Прирост
	1. 1. 1941	моменту освобождения		1. 9. 1945	компенсация в %	городского населения с момента освобождения в %
Города:						
Рига	355,2	226,2	— 37,0	261,5	+ 15,5	—
Лизпая	46,0	31,7	— 31,1	38,8	+ 25,0	—
Вентспилс	13,2	12,1	— 8,3	12,9	+ 7,0	—
Даугавпилс	46,2	14,8	— 69,0	26,6	+ 80,0	—
Елгава	32,7	4,1	— 87,5	12,9	+ 215,0	—
Уезды:						
1. Рижский	108,2	94,9	— 12,3	83,2	— 12,3	— 45,7*)
2. Валкский	79,9	65,2	— 18,4	61,4	— 5,9	+ 14,3
3. Мадонский	72,2	43,1	— 40,3	56,5	+ 31,1	+ 140,0
4. Бауский	45,3	39,5	— 12,9	37,6	— 4,8	+ 140,0
5. Екабпилский	71,0	54,0	— 23,9	51,4	— 4,8	—
6. Илукстский	59,0	49,4	— 16,3	47,4	— 4,3	—
7. Даугавпилский	156,6	123,6	— 21,1	116,3	— 10,7	+ 41,0
8. Резекненский	159,3	119,0	— 25,4	122,8	+ 3,1	+ 180,0
9. Лудзенский	96,7	70,4	— 27,1	73,6	+ 4,5	+ 51,0
10. Вилякский	73,4	50,6	— 31,0	54,1	+ 6,9	+ 80,0
11. Цесисский	61,5	50,5	— 17,9	49,9	— 1,2	+ 32,0
12. Валмиэрский	87,4	80,7	— 7,9	75,1	— 6,9	+ 12,7
13. Лизпайский	54,0	42,5	— 21,3	41,6	— 2,1	+ 7,0
14. Айзпутский	30,1	35,4	+ 17,6	27,0	— 23,7	—
15. Кулдигский	53,6	49,6	— 7,5	47,9	— 4,6	+ 10,0
16. Венспилский	33,4	35,0	+ 4,7	31,2	— 10,7	+ 18,0
17. Талсенский	43,0	70,5	+ 63,9	49,1	— 30,3	— 3,4
18. Тукумский	44,5	43,9	— 1,4	41,5	— 5,5	+ 22,0
19. Елгавский	72,8	56,8	— 22,0	63,3	+ 11,5	+ 21,0
	1. 1. 1941	1944/45	Разн. в %	1. 9. 1945	Разн. в %	
Всего в ЛССР	1.895,5	1.464,2	— 22,8	1.483,7	+ 1,4	
В т.ч. в сельск местности	1.239,7	1.073,4	— 13,4	1.014,7	— 5,4	
В городах	655,8	390,8	— 40,5	469,0	+ 20,2	

*) Уменьшение городского населения Рижского уезда в 1945 г. объясняется включением города „Рйгас Юрмала“ (Рижское взморье) на положении отдельного района в состав г. Риги.

Велики и потери следующей группы южных уездов соответственно полосе интенсивных боевых действий. Сравнительно умеренное уменьшение количества населения претерпели и 2 следующие группы уездов, в которых убыток идет за счет увлеченных немцами с собой жителей, т. к. эти уезды менее пострадали от непосредственных военных действий.

В совершенно обособленном положении находились 6 уездов Курземе, освободившиеся лишь в мае 1945 г. Большое число жителей центральных и северно-восточных уездов, увлекаемые передвигавшейся в 1944 году в западном направлении линией фронта, очутились на территории отрезанного Курземского полуострова и дальше уже никуда двинуться не могли. Этот временный наплыв жителей восточных уездов привел к моменту освобождения Курземе даже к мнимому увеличению жителей по Айзпутскому, Вентспилскому и, особенно, Талсинскому уездам и вполне компенсировал в них потери, вызванные истреблением населения и увозом некоторой его части в Германию.

В результате общие потери по Латвии распределились крайне неравномерно — при общей брутто-убыли по республике в 22,7% в 13-ти освобожденных на первом этапе уездах (включая и г. Рига) количество населения сократилось с 1.577,7 тыс. в 1941 г. до 1.143,4 тыс. в 1944 г. (—27,6%), а в 6-ти остальных уездах возросло с 317,8 тыс. до 320,8 тыс. (+1,0%).

Это распределение однако ни в коей мере не отражает действительных потерь и их соотношения по уездам, т. к. является лишь «миграционным отображением» своеобразной стратегической конъюнктуры, сложившейся в Латвии на этапе ее освобождения. Вызванная передвижением линии фронта миграция заслуживает эпитета «микромиграции» и носит сугубо временный характер. Немедленно после капитуляции Курземской группировки немцев население центральных и восточных уездов, очутившееся за линией фронта, стало возвращаться к насиженным местам. Отображенная картограммой 3 (стр. 51) картина резкого нарушения внутреннего (межуездного) баланса начинает стираться и бледеет (см. картограмму 4 — стр. 52).

В табл. 11 (стр. 111) включены и данные распределения населения по уездам и административно-самостоятельным городам Латвии на 1. 9. 1945 г. Хотя эти данные и отображают демологические процессы первичного после освобождения Латвии периода, т. е. выходят за пределы непосредственно поставленной этой работе задачи, все же их включение необходимо, так как они дают представление о тенденции первичных компенсационных явлений, сглаживающих сугубо-временные сдвиги, вызванные внутренней миграцией периода боевых действий, и более правильное представление о по-уездном распределении стойкого демологического ущерба. Включение первично-репаративного периода в рамках рассматриваемых нами явлений представляется тем более целесообраз-

тым, что самые последние данные (на 1. 11. 1945) указывают на то, что микромиграционные процессы в основном уже закончились; между городом и селом установилось некоторое равновесие.

Данные на 1. I. 9. 1945 г. отображают (см. табл. 11 на стр. 111):

1. Общее направление компенсативной ремиграции с запада на восток;
2. Частичное возмещение потерь в 5-ти из наиболее пострадавших в результате военных действий уездов и
3. повсеместное возвращение временно покинувшего города населения на место постоянного жительства.

Помимо возвращения уехавших из зоны военных действий жителей на свои насиженные места, изменившиеся после освобождения страны по-уездно числа населения включают в себя и итоги значительной по объему миграции за пределы республики. С одной стороны большинство завезенных в Латвию насильственно жителей захваченных немцами временно областей РСФСР к 1. 9. 1945 г. уже репатрировалось (86 тыс. из 98), с другой стороны — за это же время в Латвию вернулась большая часть эвакуировавшихся в 1941 году и некоторая часть вывезенных немцами в 1943/44 г. г. в Германию граждан; известный прирост дали приехавшие на работу из центральных областей Союза и осевшие в Латвии демобилизованные войны Красной Армии с их семьями — в общем около 54 тыс. человек.*) Эти диаметрально противоположно направленные волны искажают картину внутренней компенсативной ремиграции, так как из некоторых уездов восточной части Латвии в прилегающие области РСФСР репатрировалось большее количество населения, чем вернулось из эвакуации или прибыло заново; вследствие этого часть вернувшихся в эти уезды из западной части Латвии совершенно не отразилась в брутто-балансе после-военного отрезка, а поглощалась образовавшимся дефицитом.

Оживленные миграционные процессы принадлежат к числу наиболее характерных демографических явлений, сопутствующих каждой войне. На это указывают все неоднократно цитированные нами авторы; Б и р о и О г б е р н акцентируют исключительную весомость этого фактора в течение последней войны.

В периоды тяжелых бедствий, отображающихся и в резком сокращении народонаселения, проявляется специфическая стойкость сельской его части с одной и лабильность городского населения — с другой стороны. Это явление объясняется как большей чувствительностью поселе-

*) См. демограф. баланс, 6-ой отрезок, стр. 97.

ний городского типа к военным действиям, как таковым, так и большей стабильностью сельского населения, связанного производственным процессом непосредственно с землей.

В большинстве воюющих стран в течение этой войны вследствие эвакуации находившихся под воздушной угрозой городов нарушение довоенного отношения городского и сельского населения было на-много более значительным, чем в Латвии (Бире). Лишь в США, находившихся в особых условиях военного промышленного „boom'a“, практически вне всякой угрозы с воздуха, население почти во всех городах резко увеличилось, некоторое число городов возникло заново. Лишь перенаселенный Нью-Йорк, очевидно, не представлял подходящих для развития дополнительных промышленных мощностей условий. Население его не только не возросло, но даже «из опасения воздушного нападения со стороны Германии» несколько сократилось (Огбери).

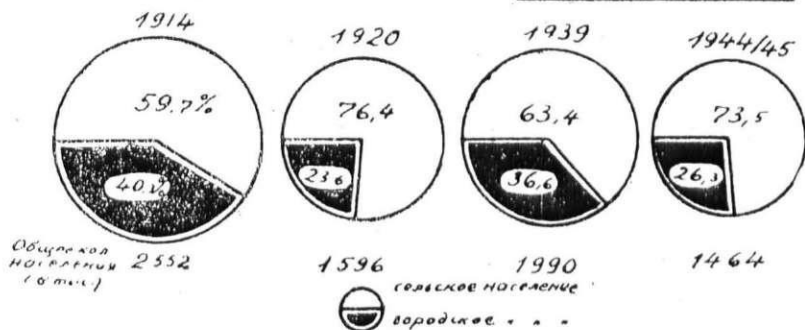
Бире и Дьёд (Dieuaide, 2) обращают внимание на то, что помимо сокращения численности городского населения последнее в течение войны претерпевает и значительные качественные потери (пункт II, 4 и III, 2 и 3 нашей схемы на стр. 20) в результате ухудшившегося питания. В Латвии этот вопрос еще разработке не подвергался, хотя безусловно ее и заслуживает.

За годы первой мировой войны численность городского населения на территории Латвии уменьшилась на 60%, в то время как сельское население сократилось лишь на 20%. В результате этого процент городского населения сократился с 40,3 до 23,6, сельского же — возрос с 59,7 до 76,4. В течение восстановительного периода 1920—1939 г. г. соотношение городского и сельского населения медленно изменялось в направлении к довоенному. Количество жителей городов успело возрасти на 60% (достигнув в абсолютных цифрах однако-же всего лишь уровня 710 тыс. против 1.020 тыс. в 1914 году). В то-же время сельское население возросло всего лишь на 4% и достигло абсолютной цифры 1.240 тыс. против 1.532 тыс. в 1914 году.

За пятилетие 1939—1944 г. г., принесшее стране повторно тяжелейшие испытания, удел городского населения опять уменьшился с 36,6% в 1939 г. до 26,3% к моменту освобождения (к первому сентября 1945 г. — 31,7%). Уменьшение численности городского населения не было большим вследствие того, что процесс урбанизации к 1939 году не достиг уровня 1914 года и поэтому городское население содержало в себе меньше пришлых, неукоренившихся элементов и оказалось относительно более стойким. В процентном отношении максимальная убыль (до начала компенсативных процессов) составляла для городского населения 41%, для сельского — 15%. (См. диагр. 13 — стр. 115.).

Диагр. 14 (стр. 116) отображает повторные тяжелые потери, понесенные пятью административно-самостоятельными городами Латвии за

Диаграмма №13

Влияние войн на процесс урбанизации Латвии

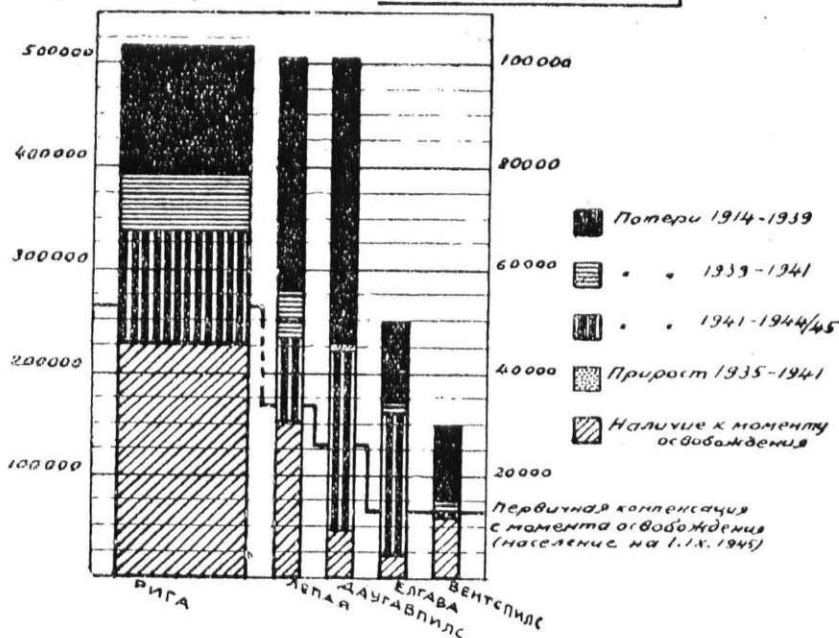
исторический период 1913—1945 г. г. Для Риги и Лиепая абсолютные (не восполненные) потери 1914—1918 г. г. были наибольшими. В дальнейшем оба эти города поставили и большинство немецких репатриантов 1939—1941 г. г. и утратили добрую треть оставшегося населения в 1941 и 1944 г. В Елгаве, подвергшейся почти полному разрушению в процессе тяжелых боев при отступлении немцев летом 1944 года, максимальный удел общих потерь с 1913 года падает на этот этап (из 35.000 жителей 1939 г. осталось около 4.000, т. е. немногим более 10%). Даугавпилс, потерявший половину своего населения в 1914/18 г. г., подвергся разрушению при вторжении немцев в 1941 году и к моменту освобождения насчитывал лишь 16% населения, проживавшего в нем в годы расцвета.*)

Лишь портовый городок Вентспилс, расположенный «на отлете», вне «больших военных путей», потерял сравнительно небольшую часть населения. Данные последнего учета показывают, что значительная часть первичных потерь периода 1941/44 г. г. упомянутые города Латвии понесли в порядке «микромиграции» из города в село, и, вследствие полной обратимости этого процесса, их уже частично восполнили.

И в данном случае хирое, граничившее с прозябанием, существование большинства городов Латвии в период 1920—1940 г. г., отображает доминирующую роль органической связи с великим русским экономическим пространством для процветания народного хозяйства Латвии.

*) Даугавпилс является единственным городом в Латвии, население которого за период 1935/41 г. г. несколько увеличилось, так как при наличии некоторого естественного прироста отсутствовала механическая убыль — репатриация немцев этого города не коснулась.

Диаграмма №14

Население городов республиканского значения 1914 — 1944/45 г. г.

В то время, как изменения в территориальном распределении населения и взаимоотношении между городским и сельским населением могут происходить под влиянием разнообразнейших факторов, в первую очередь экономического характера, нарушение естественного равновесия в половой и возрастной структуре населения является специфическим последствием войн и отчасти миграций. В периоды войн наиболее ценные контингенты трудоспособных и «фертильных» мужчин надолго изымаются из нормального демоорганизма. Часть из них — убитые, умершие от ран, болезней или в плену, относятся к категории так называемых абсолютных или безвозвратных потерь — (статьи 1 а и б раздела I. схемы на стр. 20); часть возвращается в инвалидном состоянии и не может быть вновь причислена к продуктивному населению (III, 1); последняя часть, наконец, возвращается к труду и семейной жизни лишь после продолжительного перерыва, обуславливая тем самым невозместимую убыль дефицитом рождаемости (раздел I п. 3 схемы), а также и несозданными материальными и культурными ценностями.

Усугубляется нарушение естественного равновесия между мужским и женским населением и тем обстоятельством, что и непосредственно не подвергавшиеся децимированию мужские контингенты преклонных возрастов вследствие свойственной им меньшей по сравнению с соответствующими возрастными контингентами женского пола биологической устойчивости в периоды народных потрясений также имеют относительно более высокие показатели смертности.

По Латвии точные данные об изменении полового состава населения имеются лишь за этап 1935/43 г. г., ограниченный произведенными в эти годы всеобщими переписями. Данные последующего периода надо считать лишь приближенными к действительному значению.

Коэффициент женщин на 100 мужчин (в дальнейшем условно «коэффициент ж/м»), достигший в результате войны 1914-18 г. г. величины 121,1, резко снизился в ближайшем пятилетии и в результате демобилизации упал до 114,5 (см. диагр. 15 — стр. 118).

В 1925 году и далее этот коэффициент медленно снижался под влиянием естественного процесса нормализации половой структуры населения. Миграция, относительно повышенная смертность постепенно переходивших в старшие возрастные классы контингентов с нарушенным в результате войны равновесием мужского и женского населения, постепенно содействовали медленному, но верному снижению коэффициента ж/м.

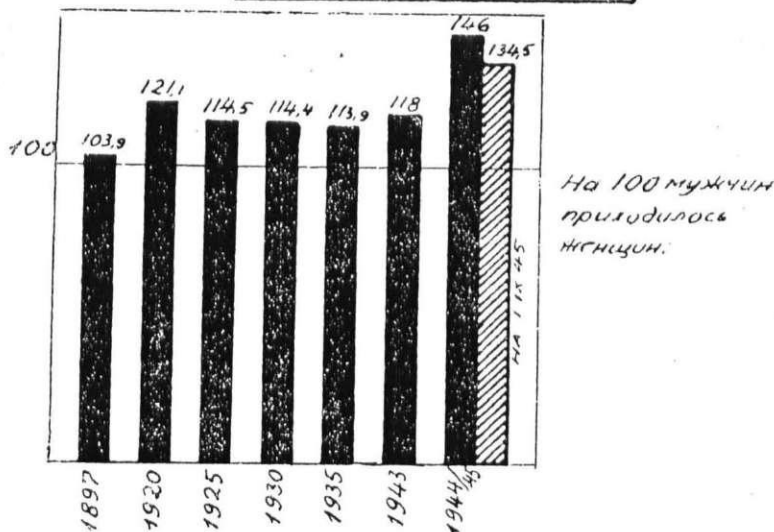
Однако уже в 1943 году, под влиянием проводившейся немцами мобилизации, этот коэффициент возрос до 118,0 (против 113,9 в 1935 и пригл. 113,5 в 1939 г.).*)

Полного уравнивания обусловленного войной нарушения баланса полов можно лишь ожидать после вымирания травмированных контингентов, т. е. при средней продолжительности жизни в 55 лет лишь через 30—35 лет после конца войны.

Как и по всем прочим демологическим показателям, так и по коэффициенту ж/м события 1944 г., связанные с изгнанием немцев, привели к резкому дальнейшему ухудшению структуры населения Латвии. Коэффициент ж/м к моменту освобождения достиг уровня 146 и в течение

*) В сопоставлении с приводимыми Лубны-Герцык данными о коэф. ж/м по разным областям СССР в послевоенном 1923 г. Латвия, как и следовало ожидать, находится на одном уровне с наиболее пострадавшей от империалистической и гражданской войны европейской частью РСФСР — 120,7 при минимуме сдвигов в Великооруссии и среднем по Союзу — 111,8. По данным Френкеля, (34) — в 1920 г., непосредственно после войны, коэф. ж/м в России = 125. Данные 1923 года уже отражают первичную компенсацию. В других воевавших странах сдвиги коэффициента ж/м были значительно меньшими — в Германии в 1919 г. всего 109,0, во Франции — 112,0. Дэринг, который приводит указанные цифры, подчеркивает, что в некоторых странах непомерное возрастание коэф. ж/м фертильных возрастов являлось не только непосредственным следствием войны, но и миграционных процессов.

Диаграмма №15

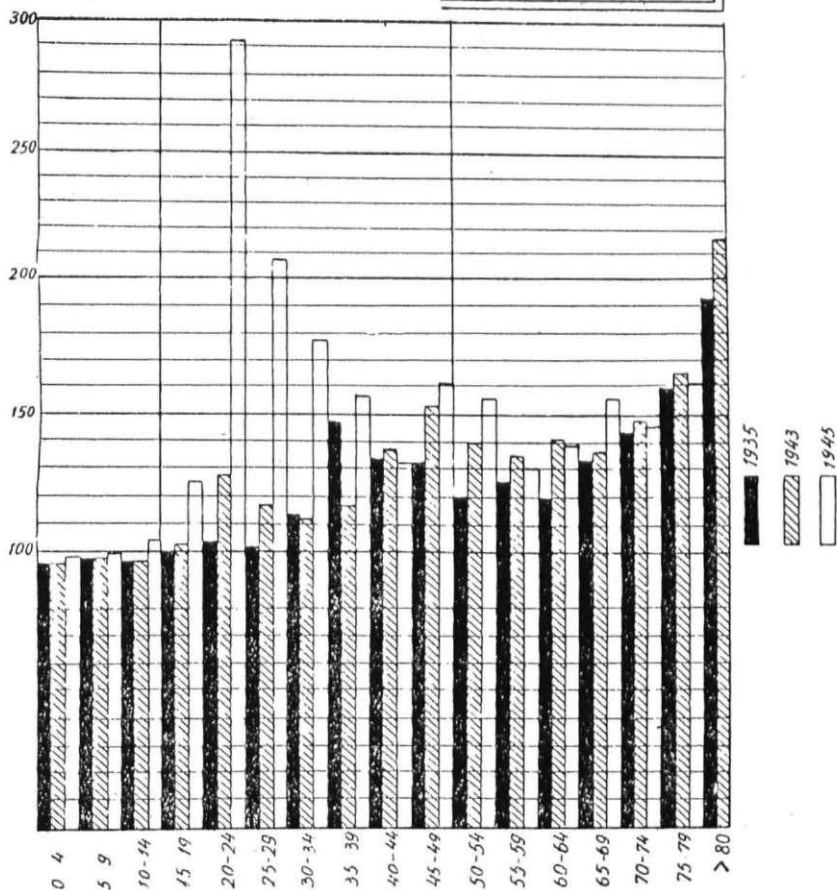
Динамика коэффициента ж/м 1897—1944/45 г. г.

ние года, в результате частичной демобилизации, снизился до 134,5. Продолжающаяся демобилизация и наблюдаемая в данное время иммиграция на территорию Латвийской ССР способна содействовать дальнейшему снижению этого коэффициента. К сожалению, определение коэффициента ж/м к моменту освобождения прямым путем с относительной точностью возможно лишь для сельского населения, т. к. первичные характеристики освобожденных уездов, единственный источник данных о составе населения на 1944/45 г. г., отражают лишь половую и, по 3-м основным группам, возрастную структуру сельчан и дают общую численность городского населения.

Необходимость исчисления хотя-бы приближенных коэффициентов для всего населения Латвии на данном этапе заставляет нас использовать имеющиеся конкретные данные по структуре сельского населения и путем ориентировочной интраполяции (с учетом обычной специфики городских и сельских условий) сконструировать показатели для всего населения.*)

*) К заполнению неизбежных во время войны демографических „брешей“ путем интра- и даже экстраполяции были вынуждены обращаться и другие авторы — Карфа-Корбут, (8).

Диаграмма №16

Изменение коэффициента жм 1930-1943-1945 г. г.
(в 5 годичных по возрастных интервалах)

Противопоставление этих более или менее приближенных к действительности артефактов официальным данным по результатам переписей 1935 и 1943 г. г. ярко иллюстрирует серьезность ущерба, нанесенного немецким вторжением латвийскому народу.

Изменения коэффициента ж/м 1935—1943—1944/45 г. г.

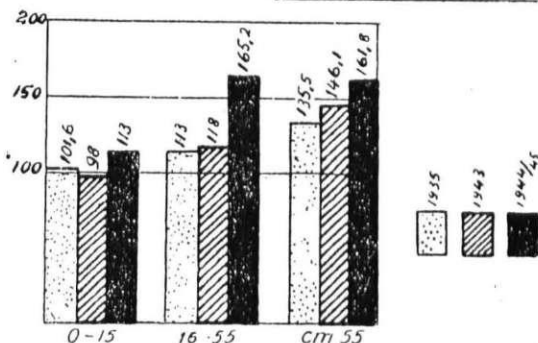
	0 — 15 л.			16 — 55 л.			Свыше 55 л.		
	Средн. по респ.	В т. ч. на селе	В т. ч. в город.	Средн. по респ.	В т. ч. на селе	В т. ч. в город.	Средн. по респ.	В т. ч. на селе	В т. ч. в город.
1935	101,6	104,0	96,2	113,0	111,5	116,7	135,5	117,3	172,7
1943	98,0	98,0	100,5	118,3	115,0	121,9	146,1	139,4	173,2
1944/45	113,0?	115,5?	102,0	165,2	138,3	171,0	161,8	158,0	170,0

	1935	1943	1944/45
Коэф. ж/м на селе	109,8	115,1	141,8
„ „ в городах „	121,1	125,5	148,9
в т. ч. в Риге	125,6	126,2	„
Для всего населения	113,8	118,3	146,0

В таблице 12 сопоставляются данные переписей 1935 и 1943 г. г. с интраполированными (на базе показателей для сельского населения) коэффициентами ж/м к моменту освобождения в 1944-45 г. г. по основным возрастным группам.

Диаграмма 16 (стр. 119) отображает изменения коэффициента ж/м по возрастным группам интервала 1935—1943—1945 г. г. Обращает на себя внимание преобладание женщины в возрастах 20—24 и 25—29 лет — вследствие первичной мобилизации немцами молодых возрастов и последующей мобилизации молодежи в ряды Красной Армии. Эта мобилизация обуславливает необычно высокий уровень коэффициента ж/м молодых контингентов в 1945 году. После демобилизации, конечно, этот коэффициент несколько упадет. В данный момент действие «изъятия» из процесса воспроизводства населения контингента мужчин в возрасте 18—30 лет отражается срезанным «пиком» возраста 25—29 лет в кривой повозрастной плодовитости. Сравнивая показатели 1935 и 1945 г. г., следует также учесть, что находившаяся в составе армии буржуазной Латвии молодежь при переписи 1935 г. была включена в общию данные о численности населения соответствующей возрастной группы; в 1945 году контингент мобилизованных учетом не охвачен.

Диаграмма №17

Изменение коэффициента ж/м 1935—1945 г. г.
по 3-м основным возрастным группам

В 1935 году коэффициент ж/м был особенно высоким для контингента 35—39 лет и последующих групп (последствия войны 1914/18 г.г.), чем и объясняется кажущееся на первый взгляд парадоксальным соотношение коэффициента ж/м 1935 и 1943 г. г. по этим группам. Последующие возрастные группы трудоспособного населения показывают увеличивающееся преобладание женщин. Для контингентов преклонных возрастов диаграмма отображает закономерность относительно растущего выживания женщин с повышающимся возрастом.

Повышенная чувствительность мужчин преклонного возраста к возросшим в связи с войной трудностям жизни особенно ярко отражается в отношении коэффициента ж/м для группы населения к возрасту свыше 80-ти лет, в которой на каждые 100 мужчин в 1943 году приходится 216 женщин (против 192 в 1935 году).

Диаграмма 17 сопоставляет корреляцию ж/м 1935 года с показателем для 1943 г. и (частично артефициальным) коэффициентом соотношения полов после освобождения от оккупации в разрезе имеющих данных по 3-м основным возрастным группировкам.

Наибольший рост этот коэффициент в 1944/45 г. г. (относительно к 1935 г.) показывает по среднему возрастному контингенту (165,2 против 113,0). Это явление характерно для всякого рода изменений структуры населения в течение войн, но обычно не достигает столь высокого уровня. Увеличивающийся коэффициент ж/м для возрастных контингентов свыше 56 лет отображает относительную чувствительность мужских контингентов предельных возрастов ко всякого рода невзгодам, о которой была речь выше.

Правильность коэффициента ж/м для возраста 0—15 лет, исчисленного по данным характеристики на 1944—1945 г. г. к моменту освобождения, сомнительна. Коэффициент, вероятно, не достигает отмеченного уровня (см. прим. к п. 6 стр. 29), хотя многочисленными свидетельскими показаниями в течении процесса немецких захватчиков факт уничтожения и насильственного увоза десятков тысяч детей и подростков видимо установлен.

В то время, как нарушенный после войны 1914-18 г. г. в меньшей мере, чем к 1944-45 г. г. коэф. ж/м в результате демобилизации показал значительное улучшение, специфика перенесенной латвийским народом за период 1941/45 г. г. травмы не дает повода к чрезмерно оптимистической оценке перспектив на ближайшие годы, хотя в результате частичной демобилизации после разгрома Германии благоприятная тенденция наметилась уже в течении первого после освобождения года, (см. диагр. 15 — стр. 118).

Нарушение половой структуры населения не всюду было столь глубоким, не всюду амплитуда изменения коэффициента ж/м была столь широкой, как в Латвии к исходу войны 1941—1945 г. г.

Вопрос связанных с избытком женщины последствий занимает целый ряд авторов. Вертинг (84) посвятил ему целую монографию. Автор, между прочим, вносит целый ряд «предложений» по устранению зла, большинство которых совершенно фантастичны. Он рекомендует выселить излишек женщины из Европы в Тибет, где на 1 женщину якобы приходится по 20 мужчин, или к эскимосам, где положение не намного лучше, запретить мужчинам поступать в монастыри (!), ликвидировать воинскую повинность и тому подобные панацеи. Многие серьезные авторы, Фишер (Fischer, — 47), Бургдерфер и другие занимаются этим вопросом, каждый под своим углом зрения. Совершенно неоспоримо, что резко нарушенное равновесие полов, в первую очередь средних возрастных контингентов, является тяжелым демографическим явлением, последствия которого, особенно в условиях капиталистического общества, где функции и возможности женщины так ограничены, столь же разнообразны, как и губительны. Социалистическое общество раскрывает перед женщиной широчайшие перспективы полноценного применения ее талантов и сил вне непосредственной генеративной функции и, тем самым, до известной степени смягчает связанные с нарушением равновесия полов конфликтные ситуации.

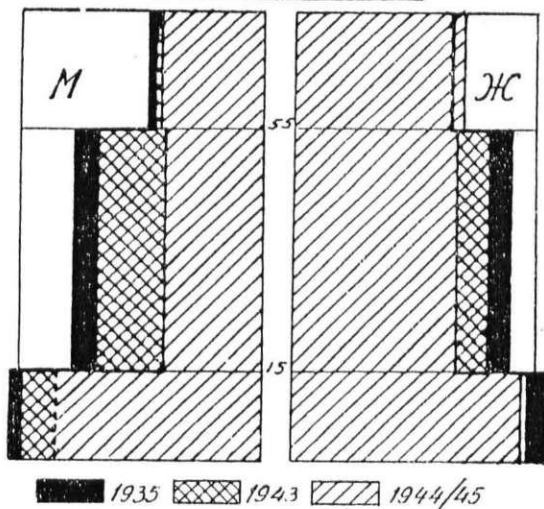
В табл. 13 (стр. 123) и диагр. 18 (стр. 124) сопоставлены данные половой структуры населения Латвии по трем основным возрастным группам за 1935 г. с имеющимися данными на 1943 и 1944/45 г. г.

Структура населения Латвийской ССР 1935—1943—1944/45

В тыс.	0—15 л.				16—55 л.				Св. 55 л.				И т о г о		
	М	Ж	Всего	В % ито- га	М	Ж	Всего	В % ито- га	М	Ж	Всего	В % ито- га	М	Ж	Всего
Всего															
1935	247,3	248,8	496,1	25,9	497,0	565,3	1062,3	55,4	152,3	207,8	360,1	18,7	897	1021	1918,5
1943	237,7	233,8	471,5	27,0	429,3	516,3	945,6	53,6	142,0	209,0	351,0	19,4	809	959	1768,1
1945/45*	202,7	228,3	431,0	29,4	256,5	423,7	680,2	46,4	135,0	218,0	353,0	24,2	594	870	1464,2
Разница за весь период в %	-18,2	-8,3	-13,4		-48,6	-24,8	-36,0		-11,2	+5,1	-1,9	-1,9	-34	-14	-23,4
В т. ч. на селе															
1935	173,3	177,4	350,7	29,1	301,0	336,4	637,4	52,7	101,5	119,3	220,8	18,2	576	633	1208,9
1943	175,4	171,3	346,7	29,2	277,5	331,1	608,6	51,0	99,6	135,5	235,1	19,8	553	637	1190,4
1944/45*	155,4	180,4	335,8	31,1	192,8	298,0	490,8	45,7	95,2	150,5	245,7	23,2	443	629	1072,3
Разница за весь период в %	-11,7	+1,8	-4,3		-36,0	-11,5	-21,7		-6,2	+26,2	+11,2		-23	-0,3	-13,0
В т. ч. городах															
1935	74,0	71,4	145,4	20,5	196,0	228,9	424,9	60,0	50,8	88,5	139,3	19,5	321	388	709,6
1943	62,3	62,5	124,8	21,6	151,8	185,2	337,0	58,3	42,4	73,5	115,9	20,1	256	322	577,7
1944/45*	47,0	48,0	95,0	24,1	71,0	118,9	189,9	48,3	39,6	67,4	107,0	27,6	158	234	391,9
Разница за весь период в %	-36,5	-29,9	-34,6		-64,3	-40,0	-55,3		-22,4	-23,9	-23,2		-55	-30	-44,1

*) Возрастное распределение всего, сельского и городского населения на 1944/45 г. г. рассчитано на основе имеющихся данных по сельскому населению — см. текст.

Диаграмма №18

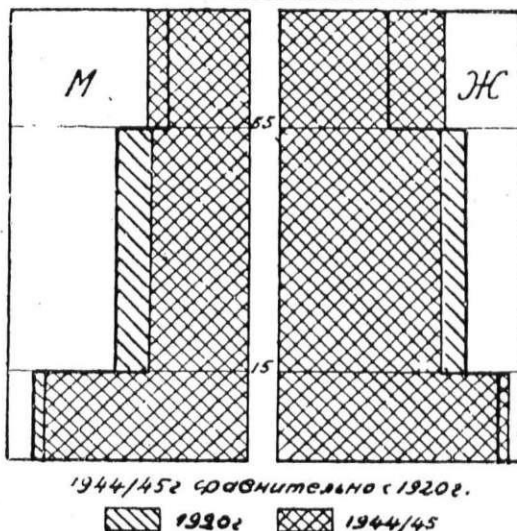
Укрупненная возрастная пирамида
1935 — 1943 — 1944/45 г. г.

Интересно также сопоставление конгруэнтно построенной укрупненной возрастной пирамиды 1920 г., отражающей аналогичную структуру после войны 1914/18 г. г., с пирамидой 1944-45 г. г. (диагр. 19, стр. 125). Характерным отличием последней является: 1) несравнимо больший ущерб трудоспособных возрастов и 2) сильное увеличение престарелых женских, малопродуктивных или непродуктивных элементов.

Переходя к рассмотрению отражения совокупности демологических процессов 1939/45 г. г. на возрастной структуре населения Латвии, приходится оговорить, что сопоставление точных данных о возрастном и половом соотношении населения возможно только за переписные годы (в данном случае за 1935 и 1943 г.), в то время как в прочее время данные в этом разрезе основаны на расчетах и особенно точными считаться не могут.

Если в годы нормального и относительно «стабильного» развития возможно путем математической экстраполяции предопределить основные линии дальнейшего движения как населения в целом, так и отдельных его контингентов, то в периоды нарушенной демологической закономерности, во время войн, переселений, народных бедствий или, наоборот, бурного роста, попытки произвести какие-либо расчеты должны при-

Диаграмма №19

Укрупненная возрастная пирамида населения Латвии после I и II мировой войны.

водить к весьма неточным результатам, на что указывает и такой крупный специалист по санитарной демографии, как В. В. Павский. Поэтому, помимо анализа имеющихся полных данных за 1935 и 1943 г. г., дающих точный материал о происшедших на этом этапе изменениях демологической структуры Латвии, мы ограничимся сопоставлением имеющихся данных по возрастной структуре к моменту освобождения Латвии в 1944/45 г. г. по трем основным группировкам (малолетних и подростков 0—15 лет, трудоспособных — 16—55 лет и стариков — свыше 55 лет, с преобразованными по тем же контингентам данными на переписные годы.*)

Несмотря на неизбежно присущую этому приему «грубость», применение его имеет преимущество большего приближения к действительным обстоятельствам и не создает иллюзии математически обоснованной точности там, где ее по характеру материала нет и быть не может.

*) Упомянутые группы с целью выявления трудовых резервов при составлении «Краткой характеристики освобожденных от оккупации местностей» предусмотрены в форме ЦСУ Госплана СССР.

Невозможность, основываясь на имеющихся у нас данных, с точностью восстановить картину возрастной и половой структуры населения Латвии к моменту ее освобождения путем математических уравнений обусловлена как многообразием влиявших за истекший срок на эту структуру факторов, так и разницей их влияния на сельское и городское население и на отдельные возрастные контингенты. Так, например, данные о соотношении населения мужского и женского пола (коэффициент ж/м) за 1943 г. показывают, что произведенная немцами мобилизация в строительные организации в большей мере отразилась на сельском населении, чем на городском. В городе Риге, население которой всегда составляло больше половины всего городского населения Латвии, несмотря на эту мобилизацию коэффициент ж/м повысился лишь незначительно, так как большинство мужского населения города было занято на важных для военной экономики оккупантов производствах и поэтому не призывалось. Если коэффициент ж/м с 1935 года по 1943 год по селу возрос на 5,3%, то для городского населения этот рост составлял 4,4%, а для Риги — всего 0,6% (см. табл. 12 — стр. 120). (Подобное явление наблюдалось и в ряде других воюющих стран). Конечно, изменение коэффициента ж/м зависит не только от мобилизации, но и от других моментов — миграции, увеличившейся (по сравнению с женщинами) смертности мужчины в преклонном возрасте и др. Все же мобилизационный момент (в одинаковой мере — в армию или на работу) на данном этапе является доминирующим.

Вследствие различной интенсивности относительных потерь в разных возрастных группах резко изменился и их удельный вес в общей демографической структуре.

Табл. 14

Распределение населения Латвии по 3-м основным возрастным группам за 1935 — 1943 — 1944/45 г. г. (в % к итогу)

Возраст	Л а т в и я			Между-народн. станд.	Кэф. Ниббс-Уикенс'а	СССР 1939
	1935	1943	1944/45			
0 — 15	25,0	27,0	29,4	32,5	34,0	38,0
16 — 55	55,4	53,6	46,4	54,5	57,6	52,9
Ст. 55 лет	18,7	19,4	24,2	13,0	8,4	9,1

Сопоставление перегруппированных согласно имеющимся на 1944/45 г. г. в нашем распоряжении повозрастным данным коэффициентов распределения 1935—1943 г. г. с послевоенными с одной и с показателями международного стандарта, таблицей Н и б б с - У и к е н с' а или повозрастным составом населения СССР по данным переписи 1939 года с другой стороны, представляет демографическую ситуацию Латвии после ее освобождения в настоящем свете.

В довоенные годы возрастная структура населения Латвии характеризовалась средним уровнем трудоспособной группы населения и относительно большим и все возрастающим контингентом старших возрастов при относительно небольшом количестве детей и подростков. Показатели международного стандарта и, в еще большей мере, коэффициенты Н и б б с - У и к е н с' а отражают нормальную возрастную структуру активного, прогрессивного (в демологическом смысле слова) населения большинства стран Европы в начале XX столетия. Структура населения СССР (по данным 1939 г.) является максимально приближенной к типу прогрессивного населения.*)

Война 1914—1918 годов и послевоенные потрясения во многих европейских странах вызвали регрессивные процессы; постоянно и значительно снижающаяся рождаемость, несмотря на также уменьшающуюся смертность, всюду задержала дальнейший рост населения.

Совокупность этих двух явлений в большинстве европейских стран привела к состоянию, характерному для «старяющегося населения».**)

Возрастная структура оставшегося после изгнания немцев населения Латвии, характеризуется резким сокращением удельного веса средних возрастных контингентов, вследствие чего относительный вес менее пострадавших младших и старших возрастных групп соответственно увеличился.

В то время, как относительное увеличение контингента нетрудоспособного или малопродуктивного населения в возрасте свыше 55 лет безусловно обременяет демографический баланс страны, повышение процента младших возрастных контингентов по сути дела не является обнадеживающим, т. к. отражает не абсолютный прирост вследствие повысившейся в предыдущие годы рождаемости, а стационарное состояние на фоне сократившегося общего количества населения.

*) По классификации шведского демографа Зундберга.

**) Заслуживает упоминания в качестве курьеза и то, что некоторые буржуазные ученые считают процесс «устарения» населения благоприятным не потому, что оно свидетельствует об улучшении санитарного состояния населения и увеличении средней продолжительности жизни, а потому, что этот процесс . . . «увеличивает мудрость народа и противодействует революционным тенденциям» (Огберн).

Уменьшение численности фертильных контингентов, усугубляющееся нарушением нормальной половой структуры и снижающимся вследствие этого коэффициентом брачности (в 1945 г. — всего 7,7‰, включая и компенсативный момент), будет сильно тормозить увеличение рождаемости коренного населения Латвии. Усугубляет положение также и обстоятельство, что «мода» максимальной фертильности женского населения лежит в пределах 25—35 лет, т. е. тех возрастов, которые потерпели наибольший урон не только в результате падения рождаемости в 1914—1920 г. г., но и в результате насильственных действий оккупантов.

Таким образом периодика амортизационных колебаний численности по-годовых контингентов, вызванная предыдущей войной (закон Эйлера - Зунда), насланвается на первично-негативную фазу последствий только что закончившейся.

По сравнению с 1935 годом, 1943 год дает лишь картину незначительного и почти равномерного сокращения на всех ступенях укрупненной возрастной пирамиды. 1944/45 г. г. дает уже рельефную картину происшедших структуральных изменений. В решающей по объему и значимости группе продуктивного и фертильного населения в возрасте 16—55 лет урон мужского контингента достиг 42%; количество женщин в то же время сократилось лишь на 24%. В группе населения возраста свыше 55 лет, при почти неизменной ее общей численности, продолжался процесс относительной феминизации. При уменьшающемся числе мужчин количество женщин возрастает как относительно, так и абсолютно, что привело к резкому увеличению коэффициента ж/м с 146,1 до 161,8 (см. диагр. 18 — стр. 124 и табл. 12 на стр. 120).

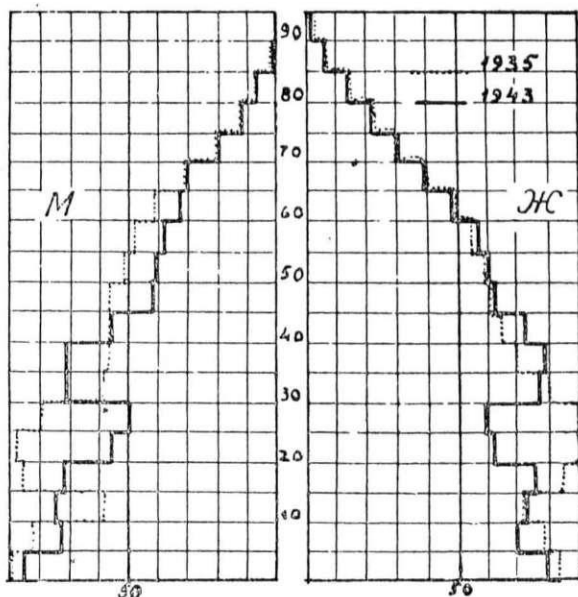
Диаграмма 20 на стр. 129 и 21 на стр. 130 отображают первичные сдвиги в повозрастной структуре населения Латвии по данным переписей 1935 и 1943 г. г. За истекшие в упомянутом межпереписном периоде 8 лет возрастная пирамида населения Латвии претерпела следующие изменения:

1. Вследствие начавшей увеличиваться в 1937 году рождаемости, дополнительно стимулированной подъемом уровня брачности в 1940/41 г. г., основание пирамиды несколько расширилось, что сулило последней в перспективе большую устойчивость и возвращение к нормальной структуре (см. возр. пирамиду 1897 г. диагр. 22 стр. 131).

Это расширение основания пирамиды относится за счет относительно больших контингентов детей младшего возраста 0—3 лет. В пятилетнем интервале нашей диаграммы это явление ступеневывается и представляется в виде лишь незначительного сокращения контингента 0—4 лет при большом уроне во всех прочих возрастных группах.

2. Глубокие выемки, отображающие вызванный войной 1914—1920 г. г. дефицит рождаемости, достигающий 40% от исход-

Диаграмма № 20

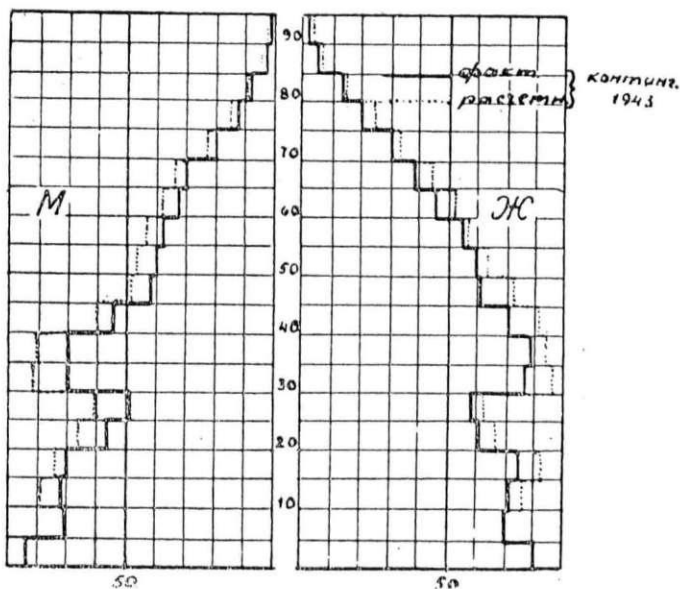
*Возрастная структура населения Латвийской ССР
1935—1945 в тыс. чел. (в обычном сопоставлении)*

ного количества, переместились соответственно на 8 лет. Если этот дефицит соответствовал в 1935 году старшим школьным группам и допризывникам, то к 1943 году этот «провал» сократил лучшие «призывные» контингенты мужчин и первые фертильные контингенты женщин. Это смещение предвещает большее снижение рождаемости в 1945—1950 г. г., чем это соответствовало бы размеру средних потерь женского населения фертильного возраста.

3. Выемка на левой стороне пирамиды, соответствующая непосредственным потерям мужского населения призывных возрастов за время войны 1914—1920 г. г., переместилась вверх и проявляет тенденцию к сглаживанию.

4. Верхушка пирамиды несколько расширяется — результат понижавшейся смертности, — население в целом «стареет»; несмотря на неблагоприятные условия, средний возраст несколько увеличивается.

Диаграмма № 21

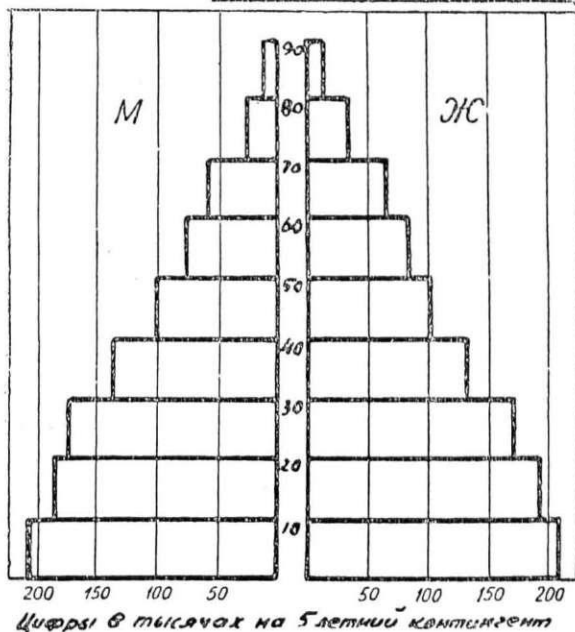

*Возрастная структура населения Латвийской ССР
1943 г. в тыс. чел. (фактическая и расчетная, см. текст)*

Диаграмма 21 сопоставляет возрастную пирамиду 1943 года с артефактом транспонированной на 8 лет и редуцированной с учетом коэффициентов естественного порядка вымираний пирамидой 1935 г. (расчеты произведены согласно опубликованным в «Ежемесячном бюлетене» Латвийского государственного статистического управления № 2 за 1938 год таблицам смертности населения Латвии в 1934/36 г. г.). Редуцированная (транспонированная) пирамида, рассчитанная по методу передвижки возрастов, показывает число долженствовавших в нормальных условиях выжить к 1943 году из живших в 1935 г. Это сопоставление наглядно представляет действительную убыль, которую население Латвии потерпело за период с 1935 или, вернее, 1939 года по момент переписи 1943 года. Произвести такое же сопоставление на конец войны не представляется возможным ввиду отсутствия достоверных данных о возрастной структуре населения страны к этому моменту.

Перспективное исчисление населения Латвии, произведенное сотрудниками Латвийского статистического управления в 1937/38 г. г.,

Диаграмма № 22

Возрастная структура населения Латвии 1897 г.

предвидит на 1945 г. население, почти равное действительной численности 1939 года. Поэтому расчетная убыль за весь период 1935—1945 г. г. в данном случае почти идентична с фактической по балансу коренного населения.

Помимо распределявшихся по всем возрастам потерь уже к этому моменту отчетливо намечался все увеличивающийся дефицит мужчин в трудоспособном возрасте.

Расчетная убыль женщин 1935—1943 составляет в среднем 8,87% и распределяется более или менее равномерно; убыль мужчин за этот же срок — в среднем 14,11% с аккумуляцией в возрасте 20—29 лет в 18—19%.

Табл. 13 (стр. 123) дает возможность анализа сдвигов в возрастно-половой структуре с 1935 (или 1943) г. по момент освобождения в 1944/45 г. г. в основном по сельскому населению, о составе которого первичная «характеристика» дает конкретные, хотя и не вполне достоверные данные.

В группе детей и подростков в возрасте до 15 лет общая убыль в 13,4% также имела свою специфику: известное количество детей, преимущественно мальчиков, отправлялось обычно на учебу в город, вследствие чего по данным переписи 1935 г. в городах количество девочек было относительно меньшим, чем на селе (96 против 104 на 100 мальчиков). Непокойные времена, во время которых в городах особенно тревожно, побудили многих родителей, имевших родственников на селе, отправлять к ним своих детей. Наплыв сельских детей в город в военное время также резко сократился. Все это вместе взятое обуславливает относительно незначительное сокращение на селе детей и подростков в возрасте до 15 лет к моменту освобождения, в то время как в городах число их резко уменьшилось.

Не совсем ясна причина заметного преобладания количества девочек над мальчиками в ученом 1944/45 г. г. сельском населении. Хотя по имеющимся сведениям немцами и привлекались во вспомогательные формации (главным образом ПВО) и мальчики в возрасте 14—15 лет, впоследствии увезенные в Германию, все же коэффициент ж/м для этого возраста представляется возросшим чрезмерно (115 против 104). К сожалению, недостаточная достоверность данных 1944/45 г. г. лишает отдельные показатели документального значения; возможные, и в данном случае даже очевидные, ошибки оставляют слишком много места предположительным заключениям (см. примечание 6 на стр. 29).

Некоторый миграционный процесс в направлении из города в деревню следует безусловно предположить и в отношении контингента населения в возрасте свыше 55 лет, особенно его женской части. Данные 1935, 1943 и 1944/45 г. г. показывают не только увеличение удельного веса этой возрастной группы населения последовательно с 18,7 до 19,4 и 24,2%, но и резкое и все возрастающее преобладание в ней женских контингентов (к этому времени на половой состав этой группы увеличивающееся влияние оказывал дефицит мужского населения, вызванный предыдущей войной — см. диагр. 16 — стр. 169). Количество женщин в этом возрасте непрерывно растет (единственная группа с цифрой абсолютного прироста (с 207,8 тыс. в 1935 г. до 209,0 тыс. и 218,0 тыс. в 1944/45 годах). Противопоставление числа женщин в возрасте свыше 55 лет, проживавших на селе в 1935 г., с числом зарегистрированных в этой же возрастной группе в 1944/45 годах, показывающее прирост в 31,2 тыс. или 26,2% (150,5 тыс. против 119,3 тыс.), и дает достаточно доказательный для высказанного выше предположения результат.

В группе сельского населения обращает на себя внимание тяжелый урон возрастов 16—55 лет по сравнению с уровнем убыли в 4,3% для группы детей и подростков при увеличении старших возрастных контингентов на 11,3%. Этот урон объясняется стремлением фашистских

окупантов оставить страну без трудоспособного населения, особенно без мужчин (потери мужского контингента на село составляют 36% против 11,5% для женщин).

Оценка возрастной и половой структуры городского населения Латвии по состоянию его к моменту освобождения является весьма затруднительной, т. к. более или менее достоверна лишь общая цифра 391,9 тыс. человек, в т. ч. детей до 12-ти лет — 69,8 тыс.

Результат разбивки этих цифр на соответствующие нашей таблице 13 (стр. 123) контингенты, произведенной с учетом всех косвенных показателей и групповой динамики, отражается в помеченных знаком * строчках этой таблицы и все же может считаться лишь ориентировочным. Вследствие этого и повозрастные показатели, а также и половая структура населения Латвии в целом к моменту ее освобождения исчислены лишь на основе конкретных данных по сельскому населению и дополнительных ориентиров.

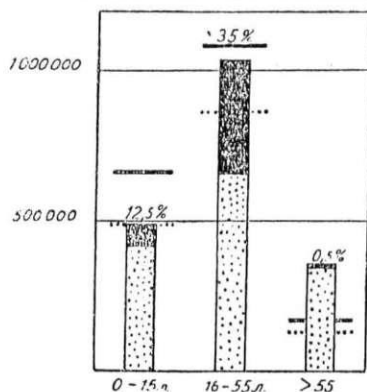
Диаграмма 23 (стр. 134) показывает абсолютные и относительные потери на этапе 1941—1944/45 г. г., 85,5% всех понесенных на этом этапе потерь приходится на трудоспособные контингенты в возрасте 16—55 лет. Остальные 14,5% составляют дети, подростки и старшие возраста.

Интересно почти полное совпадение числа жителей в возрасте свыше 55 лет в 1941 году с числом таковых к моменту освобождения. Объясняется это явление компенсацией понесенного и этими контингентами в результате уничтожения части населения урона намечавшимся за последние годы процессом «устарения» населения — увеличением численности старших возрастных контингентов и их относительным преобладанием над младшими.

Хотя объектом настоящего демографического анализа и является лишь период с 1939 г. по момент освобождения Латвии, недостаточная достоверность данных проведенного сразу после изгнания захватчиков учета, дающего, как уже упоминалось, в основном лишь конкретные данные о структуре сельского населения, делает целесообразным использование дополнительно к вышеупомянутому, первичным, материалам и данные регистрационного учета на 1. сентября 1945 г. (см. табл. 15 — стр. 136). Эти данные, представленные в территориальном разрезе (по уездам), обработаны аппаратом Уполномоченного Госплана СССР по Латвийской ССР и по основным возрастным группам.

Сопоставление данных первичного и последующего учета (табл. 11 на стр. 111) показывает, насколько сугубо временная, обусловленная передвижением линии фронта, «микромиграция» из восточных уездов в западные и из городов в сельскую местность исказила подлинную кар-

Диаграмма №23

*Убыль населения Латвийской ССР по 3 возрастным группам
1941 — 1944/45 г. г.*

Черная горизонталь указывает уровень соответствующей возрастной группы стандартного населения численности 1941 г., пунктирная — то же для численности 1944 — 1945 г. г. Сопоставление уровней этих горизонталей с действительными числами показывает резкое ухудшение невыгодной уже в 1941 году возрастной структуры населения

Возраст	Население в тыс.		Потери	
	1941	1944/45	в тыс.	в % к итогу
0—15	492,0	431,0	61,0	14,1
16—55	1048,0	680,0	368,0	85,5
Свыше 55 л.	355,0	353,0	2,0	0,4
Всего	1895,0	1464,0	431,0	100,0

тину демографической структуры Латвии в территориальном разрезе к моменту ее освобождения. В этом сопоставлении численности населения по 19-ти уездам и 5-ти городам республиканского подчинения на 1. января 1941 г. с численностью на момент освобождения и, впоследствии, на 1. сентября 1945 г. обращает на себя внимание:

1. незначительный рост общего количества населения Латвии с момента освобождения (с 1.464,2 тыс. до 1.483,7 тыс.);
2. сокращение сельского населения как в общем, так и по большинству уездов;
3. прирост городского населения.

К п у н к т у 1 — цифра абсолютного прироста 19,5 тыс. или 1,3% является лишь показателем нетто-прироста в результате взаимной нейтрализации встречных миграционных потоков и имевшейся за этот период естественной убыли (прибл. 5.000 чел.) вследствие уменьшившейся рождаемости и увеличившейся смертности. Из находившихся на территории Латвийской ССР к моменту ее освобождения 98.000 насильственно привезенных немцами жителей Ленинградской, Псковской и Великолуцкой областей 84.000 к 1. сентября 1945 г. уже покинули территорию Латвийской ССР и вернулись на родину. Уехало и около 8 тыс. иностранцев, случайно находившихся на территории Латвии к моменту ее освобождения. Одновременно с этим в Латвийскую ССР до 1. сентября 1945 года вернулось около 30 тыс. увезенных немцами в Германию лиц и около 22 тыс. эвакуировавшихся из Латвии в 1941 году. За это же время прибыло заново на работу, а также осело в Латвии по демобилизации около 54 тыс. человек, (включая членов семей). Прирост неизвестного происхождения в прибл. 16 тыс. следует отнести за счет находившихся на территории Латвии к моменту ее освобождения, но не охваченных учетом и впервые зарегистрированных на 1. сентября 1945 г. лиц.

Некоторая убыль гражданского населения Латвии, обусловленная мобилизацией в ряды Красной Армии призывных возрастов в 1944/45 г. г., почти целиком маскируется (компенсируется) этим же, неучтенным в первой после освобождения страны регистрации, контингентом.

К п у н к т у 2 — за исключением претерпевших наибольшее сокращение населения за период оккупации и военных действий Мадонского, Резекненского, Лудзенского, Вилякского и Елгавского уездов, в которых население возросло в результате компенсативной микромиграции, число во всех прочих уездах сократилось в порядке: а) репатриации (отъезда) привезенных немцами насильно граждан (почти исключительно трудоспособных контингентов); б) возвращения выехавших в сельскую местность временно, из опасения оставаться в городе на время военных действий, лиц, в) отсутствия мобилизованных после освобождения и еще не демобилизованных лиц.

Первичные изменения состава населения Латвийской ССР после освобождения
(по возрастным группам)

	Всего населения (в тыс.)	М у ж ч и н ы				Ж е н щ и н ы			
		Всего	В том числе			Всего	В том числе		
			0—15	16—55	св. 55		0—15	16—55	св. 55
К моменту освобождения	1.464,2	594,2	202,7	256,5	135,0	870,0	228,3	380,2	261,5
На 1. 9. 1945 г.	1.483,7	632,9	220,8	246,1	166,0	850,8	221,1	379,6	250,1
Прирост или убыль	+ 19,5	+ 38,7	+ 18,1	- 10,4	+ 31,0	- 19,2	- 7,2	- 0,6	- 11,4
В том числе:									
Сельское население									
К моменту освобождения	1.072,3	443,4	155,4	192,8	95,2	628,9	180,6	267,2	181,1
На 1. 9. 1945 г.	1.014,7	419,0	151,2	172,4	95,4	595,7	167,5	266,5	161,7
Прирост или убыль	- 57,6	- 24,4	- 4,2	- 20,4	+ 0,2	- 33,2	- 13,1	- 0,7	- 19,4
Городское население									
К моменту освобождения	391,9	150,8	47,0	68,2	35,6	241,1	47,7	107,0	86,4
На 1. 9. 1945 г.	469,0	213,9	69,6	73,7	70,6	255,1	53,6	107,1	94,4
Прирост или убыль	+ 77,1	+ 63,1	+ 22,6	+ 5,5	+ 35,0	+ 14,0	+ 5,9	+ 0,1	+ 8,0

Возрастные контингенты — по распределению Статистического Управления Уполномоченного Госплана СССР по Латвийской ССР на 1. 9. 1945 г. Цифры женских контингентов материала к моменту освобождения соответственно преобразованы, т. к. первичные данные имелись по другим возрастным группам.

Повторное преобразование неточных данных, произведенное на основании средних коэффициентов по возрасту распределения, в значительной мере увеличивает предел вероятной ошибки. Поэтому сопоставленные в табл. 15 данные не дают права на более детализованные выводы.

К пункту 3 — прирост городского населения идет в первую очередь за счет вернувшихся из эвакуации и приехавших в Латвийскую ССР впервые лиц.

Неравномерность прироста или убыли по отдельным контингентам объясняется разной значимостью компенсативной миграции. Так, например, относительно умеренный прирост городского населения трудоспособных возрастов объясняется компенсацией части прироста за счет приехавших убылью за счет уехавших по репатриации (см. баланс).

Частично влияет на возрастное распределение прироста мужского населения в городах и обстоятельство, что по реэвакуации вернулись в первую очередь женщины, а из мужского населения — дети, подростки и непризывные возраста. Мужчины призывных (т. е. трудоспособных) возрастов к моменту регистрации в большинстве еще не были демобилизованы, а частично и погибли на фронтах Отечественной войны.

Интересно отметить, что незначительный нетто-прирост населения Латвийской ССР на первом после ее освобождения периоде идет исключительно за счет мужского населения, т. к. с одной стороны убыль женского населения вследствие репатриации привезенных немцами сельскохозяйственных рабочих женского пола недостаточно компенсировалась приехавшими, с другой стороны — значительная часть приехавших на работу в Латвийскую ССР мужчин, а также и осевших в Латвии демобилизованных еще не перевезли своих семей. *)

Вследствие этого коэффициента ж/м, чрезмерно возросший к моменту освобождения, снизился к 1. 9. 1945 г., как уже упоминалось, с 146,0 до 134,4. В наших условиях следует ожидать компенсации этого явления в результате последующего переезда семейств командированных в Латвийскую ССР на работу или осевших по демобилизации лиц и замедления темпа снижения коэффициента ж/м до следующей очереди демобилизации.

Иллюстрируемая таблицей 15 (стр. 136) решающая вескость уже действующих после-военных миграционных процессов на конфигурацию демографической равнодействующей Латвийской ССР в ближайшие годы, наравне с невозможностью учесть ожидаемую высоту и длительность компенсативного подъема брачности и рождаемости в новой для народа Латвии обстановке советского быта и интенсивной индустриализации страны, делают бессмысленной всякую попытку искусственных построений и конкретизированных прогнозов на предстоящий период.

*) Относительное увеличение мужского контингента — явление общеизвестное, сопутствующее всякому иммиграционному процессу и в странах, в которых последний был значительным (США, Австралия, и др.), приводящее даже к абсолютному превышению числа мужчин над числом женщин.

Недостаточность официальных демографических материалов за обозреваемый период, особенно по процессам механического порядка, естественно отражается и на качестве изложения. Следует рассчитывать, что дополнительно выясняющиеся обстоятельства и возможные находки документов, дадут возможность внести ясность в тот или другой недостаточно освещенный вопрос, уточнить ту или другую цифру. Особенно большое значение приобретает предстоящая всеобщая перепись населения.

Представляется весьма желательным, чтобы по областям Союза, подвергшимся временной оккупации, заполняемый на каждого жителя индивидуальный контрольный бланк содержал ряд вопросов, ответы на которые дали бы материал не только характеризующий актуальную демографическую структуру к моменту переписи, но и характер происшедших за 1941—1945 г. г., обусловленных войной и, в частности, оккупацией, изменений в составе семьи гражданина, на которого заполняется анкета.

В число вопросов, могущих дать богатый материал для выяснения действительной картины некоторых демологических процессов, следует включить вопросы:

1. О переменах места жительства в период оккупации,
 - а) добровольных,
 - б) насильственных.
2. О переменах в семейном положении, вызванных непосредственно войной или оккупацией (потери членов семьи).
3. О потере трудоспособности в результате войны или насильственных действий оккупантов.

Помимо данных о наличном населении было бы желательно получить подобные специальные данные также и о погибших или пропавших без вести членах семьи.

Разработка соответствующего аналитического вопросника и инструкции к нему, объединяющим в себе необходимую полноту отражения учитываемых явлений с абсолютной конкретностью и полнотой, исключающей дублирование учета, являются благодарной и важной, хотя и весьма трудной задачей в процессе подготовки ближайшей всеобщей переписи населения.*)

*) В „Трудах демографического института Академии Наук“ Паевский и Яхонтов (20) дают анамнестическому методу положительную оценку и считают недостаток этого приема недостаточно существенными, что-бы поколебать его применимость. Правда, мы в данном случае имеем дело с самой невыгодной для точности получаемых результатов ситуацией — высокой смертностью среди обследуемых контингентов, находящейся в прямой корреляционной связи с интересующими нас вопросами.

При завершении анализа демографических процессов истекшего пятилетия напрашивается вопрос о степени закономерности регистрируемых явлений, о соответствии их результатам наблюдений над подобными процессами в других, отличных по месту и времени условиях.

Все наблюдавшиеся нами сдвиги в демографической структуре республики в силу совершенно своеобразной обстановки, сложившейся в Латвии на разных этапах периода 1939—1945 г. г., относятся к тому или другому разделу приведенной на стр. 88 схемы.

Совершенно очевидно, что в силу совершенно разных факторов, воздействовавших на демографическое равновесие в разных странах и областях, вовлеченных в ныне закончившуюся войну, говорить о каких-либо закономерностях последствий войны, как таковой, трудно, на много труднее, чем когда либо. Авторы, занимавшиеся наблюдением этих закономерностей после первой мировой войны (Дэринг, Новосельский, Урланис и др.) уже были вынуждены отметить, что за последние столетия условия менялись, а с ними и последствия периодически разгоравшихся войн. Корреляция потерь среди комбатантов и гражданского населения, степень вовлечения в военные действия различных возрастных контингентов, распределение потерь по их причинам (боевые травмы, эпидемии), характер боевых травм, методы лечения — все это непрерывно изменялось, менялись как непосредственные, так и отдаленные последствия этого травматического синдрома.

В своем известном обследовании „Bevölkerungsbewegung im Weltkrieg“ Дэринг перечисляет «типичные» последствия войны в 5 пунктах. Ни один из этих пунктов не применим к наблюдавшимся нами демографическим пертурбациям полностью, некоторые — только частично и в течение ограниченного срока. Это лишний раз подтверждает правильность нашей концепции о невозможности создания «типовых» формулировок в условиях, создавшихся в разных странах в течение последней войны, хотя и не лишает нас права классифицировать последствия ее, как мы и пытаемся на стр. 20.

Не входит в задачу настоящей работы анализ демографических последствий войны во всех возможных условиях и вариантах. Эта тема еще находится в стадии накопления материалов и когда либо будет представлена компетентным исследователем.

Мы вынуждены ограничиться констатацией некоторых явлений в пределах нашего круга наблюдений, причем должны себе уяснить, что

Боярский считает, что «специфическим для демографии выборочным наблюдением является обследование по так называемому анамнестическому методу». (Стр. 153). По нашему пониманию анамнестический метод может применяться и при любом сплошном наблюдении, в том числе и при переписи населения. Вопрос о целесообразности его применения этим, конечно, не решается.

непосредственной „*causa movens*“ является не война, как юридическая категория, а сопутствующие ей более или менее регулярно потрясения различного характера, интенсивности и даже направления.

В отличие от обстановки во время войны 1914—1918 г. г. ущерб, причиненный населению Латвии вторжением и оккупацией периода 1941—1945 г. г. носил специфический, целеустремленный характер. Обычный для подобных ситуаций перелом показателей естественного движения населения, наступивший в течение прошлой войны уже в 1915 г., в данном случае намечается сравнительно поздно, сопутствуя финальному этапу немецкого господства (началу 1944 г.) и этапу их изгнания.

Поэтому сейчас еще не представляется возможным сопоставить полностью динамику ущерба естественного движения населения Латвии эпохи предыдущей войны с последствиями только закончившейся, т. к. весь цикл изменений этой динамики на сей раз оказался сильно «сместенным» и еще не закончился.

Отдельные показатели в своей реактивности вполне соответствовали установленной многими авторами закономерности. Так, например, в курсе демографической статистики проф. Боярско́го указывается на чуткость реакции показателя брачности — мы видим соответствующий этой закономерности подъем последней с установлением советской власти в Латвии в 1940/41 г. г. и падение ее после прихода немцев. Там же упоминается о снижении рождаемости, сопутствующем миграционным процессам — это снижение рождаемости являлось одним из решающих, хотя, как этого и следовало ожидать, недостаточно отраженных в имеющихся статистических данных, явлений во время происходившей микромиграции. (См. П а в с к и й, 23.).

Повсюду проявляется закономерность компенсации эксцессов естественного движения населения, установленная в свое время еще Л е в а с с е р о м и подтвердившаяся в интересных наблюдениях Ридля (Riedl, 65) над демологическими перипетиями населения небольшого моравского местечка Гросс-Уллерсдорф, судьба которого на протяжении 3-х столетий складывалась почти в условиях лабораторного эксперимента.

У н г е р и - Ш т е р н б е р г в статье, посвященной проблеме сокращения населения Франции (83), сформулировал демографические последствия длительной современной войны в 4-х пунктах, которым частично соответствуют (хотя ими и не исчерпываются) наблюдаемые нами в Латвии за 1939—1945 г. г. демологические явления. Несмотря на специфику ущерба, нанесенного немцами народу Латвии, повлиявшую на проявление той или иной закономерности, в рамки обобщенного вы-

шеупомянутым автором для послевоенного периода прогноза в общем уложились-бы и наблюдаемые нами явления, если-бы условия советского строя не создали-бы совершенно новой для Латвии обстановки, которая неизбежно повлияет и на режим воспроизводства населения.

Закономерность динамики населения дает нам основание ожидать, что в течение начавшегося репаративного периода эта динамика последует мощным импульсам советского строительства и приобретет новый характер, новые темпы.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные дают нам право предполагать, что равнодействующая демографических процессов в течение ближайших лет в Латвии будет определяться миграционными факторами, что не освобождает нас от обязанности внимательно следить за эволюцией процесса воспроизводства населения и, там, где это возможно, содействовать его интенсификации.

Прогноз роста населения Латвии может быть, однако, основан преимущественно на экономических факторах, на перспективах индустриализации страны, т. е. выходит из сферы компетенции санитарного демографа.

Проблема перспективного исчисления населения увлекала многих авторов. Много труда и статистических ухищрений потрачено на работу, имеющую недостаточно прочную основу, а потому и небольшую практическую ценность.

Демографы в прогностике почти всегда оказывались еще менее счастливыми, чем пресловутые метеорологи. Так и расчетная численность населения Латвии на 1939 год, исчисленная всего лишь в 1937/38 г. г. по материалам 1934-36 г. г., дала расхождение с действительной численностью на 18 тыс. человек, т. е. почти на 1% — очень высокое для столь короткого срока в условиях мирного времени.

Литература, посвященная последствиям первой мировой войны, изобилует такими неудачными прогнозами. Некоторые авторы увлекались «биологическими закономерностями» и считали себя в праве, основываясь на «глубоком и всестороннем изучении вопроса» высказывать более или менее категорические суждения о грядущих последствиях войны. Так, например, К а р а ф ф а - К о р б у т (8) в 1922 году считает возможным пророчествовать увеличение числа «минус-вариантов» и «расовое вырождение населения». Автор настроен весьма пессимистически и считает, что «темно и мрачно будущее наций, переживших первую мировую войну», не делая различий между странами с различным послевоенным направлением социального и экономического развития. Уже цитированный нами В е р т и н г, прописывающий своеобразные «рецепты» (см. стр. 122), оказывается и не очень блестящим прогностом, т. к. предсказывает снижение коэффициента м/ж новорожденных после войны, т. е. как раз обратное наблюдавшемуся в большинстве

стран явлений. Даже такой серьезный автор, как Раубер, высказывает рискованное предположение о том, что выравнивание избытка женщины после войны произойдет не только вследствие передвигки возрастов, но и вследствие связанного с войной умеренного образа жизни и сокращения числа аборт и мертворожденных (?). Не многим счастливее в прогнозах были Дэринг и другие.

Новосельский и Паевский (20) справедливо указывают на то, что перспективные расчеты имеют характер научной абстракции и получают лишь некоторую познавательную ценность. Расчеты Сови (Sauvy), Джини (Gini), Де-Финетти (De Finetti), Боулей (Bowley), в Швеции Виксела (Wicksell) и других, доходящие до 2150 г. — оказалось несостоятельными. Александров (1) приводит также непоказательные расчеты Принстонского университета до 1970 г., т. к. в них предполагается развитие населения ведущих стран мира как-бы в безвоздушном пространстве, при исключении влияния войн и миграционных процессов.

В заключение интересно упомянуть, что повторно цитируемый нами американец Огбэри в 1943 г. считает наилучшими перспективы славянских народов восточной части Европы, в частности России, где, по его расчетам, через 50 лет население может достичь уровня в 350 миллионов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Выводы

Разработанный нами материал, характеризующий демографические процессы на территории Латвийской ССР в период 1939—1945 г. г. позволяет сделать следующие выводы.

1. Общие выводы.

1. Традиционную схему классификации демографической динамики по разделам «естественного» и «механического» движения населения следует считать устаревшей и примитивной. Необходима более совершенная классификация, дающая возможность балансировать основные факторы, изменяющие состав населения, соответственно сути явления в любой по сложности демографической обстановке.

Предлагается двойная схема с частично перекрывающимися разделами (баланс воспроизводства и баланс миграций с одной, естественное и механическое движение населения — с другой стороны — см. схему на стр. 88).

2. Новые методы построения показателей режима воспроизводства населения требуют:

- а) классификация упомянутых показателей (см. стр. 82),
- б) ознакомления широких кругов санитарных врачей и организаторов здравоохранения с прогрессом демографической техники.

3. Демографические последствия войны всецело зависят от равнодействующей многообразных потрясений, сопутствующих возникновению и даже подготовке военных действий.

В условиях современной войны центр тяжести демографических потерь часто перемещается с непосредственных на косвенные военные потери. Параллельно с вовлечением широких слоев гражданского населения и тыловых центров в орбиту непосредственных военных действий (угроза с воздуха) растет значимость миграционных процессов.

4. Демографические последствия войны могут тем резче отличаться от «типичных», чем меньше территориальная единица, по кото-

рой проводится обследование. В таких случаях особое значение приобретают «микромиграции», опустение зон непосредственных боевых действий.

II. Специальные выводы.

Демографические процессы на территории Латвии в период 1939—1945 г. г. отличаются от «типичных» последствий войны:

1. Разнообразием и весомостью миграционных процессов, в которых активно или пассивно участвовало местное население;

2. систематическим и планомерно проводившимся оккупантами уничтожением значительной части коренного населения по соображениям:

а) «расовым» (евреи, цыгане),

б) политическим (советский актив, прогрессивная интеллигенция),

в) «евгеническим» (душевнобольные);

3. широчайшим масштабом организованного на территории Латвии по принципу «экстерриториальности» уничтожения специально привезенных контингентов (советские военнопленные и, частично, жители оккупированных областей РСФСР; евреи из всех подвластных немцам стран западной и средней Европы);

4. относительно небольшим объемом участия местного населения в непосредственных боевых действиях;

5. незначительными сдвигами в балансе естественного движения населения (по нашей схеме) вплоть до последнего этапа войны;

6. продолжавшимся вплоть до 1944 г. изменением режима воспроизводства коренного населения Латвии с перемещением возраста максимальной (оптимальной) фертильности в сторону младших контингентов, частично вследствие повышенной брачности в 1940—1941 г.

В связи с этим псевдо-рост показателей нетто-репродукции, в периоде 1939—1943 г. г. насадившийся на продолжающуюся тенденцию к уменьшению разрыва между общим и истинным показателем рождаемости вследствие нормализации возрастной структуры населения.

В итоге: Процесс нормализации сложившейся после войны 1914/18 г. г. в условиях буржуазной Латвии неблагоприятной возрастной и половой структуры населения был прерван последствиями немецкой оккупации.

Резко ухудшившаяся вновь в 1944 и 1945 г. г. возрастно-половая структура населения тяжело отражается на перспективах воспроизводства в послевоенные годы.

Несомненно, что режим воспроизводства остаточного фергильного контингента коренного населения будет стимулироваться мощным подъемом экономики республики в условиях социалистического строительства. В дальнейшем на структуру населения Латвии значительное влияние будет оказывать приток свежих контингентов с благоприятной возрастной структурой и более интенсивным режимом воспроизводства из прочих союзных республик.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Заключение

Результаты анализа демологических процессов в Латвийской ССР за период с 1939—1945 г. г. и констатация понесенного народом Латвии вследствие оккупации тяжелого ущерба требуют от всех советских государственных и общественных органов, от коллектива медицинских работников и, в первую очередь, от организаторов здравоохранения осознания как своей ответственности за благоприятное развитие режима воспроизводства населения во время предстоящего периода, так и вытекающих из нее непосредственных оперативных задач. Конкретизация этих задач, включение необходимых мероприятий как в план текущей работы, так и в план перспективный, является актуальнейшей необходимостью. Паевский (23) указывает на то, что все учреждения системы здравоохранения обязаны следить за доживаемостью поднадзорных контингентов. Томилини (32) подчеркивает, что «проблема населения — основной стержень, на который должна опираться социальная гигиена». На чрезвычайное значение проблемы населения в условиях теперешнего послевоенного периода указывают также академики Гращенко и Семашко в журнале «Советское здравоохранение» (№ 11—12 1945 г.).

В первую очередь необходимо укрепить в массах чувство стабильности, уверенности в завтрашнем дне, в огромных перспективах советского строительства и связанного с ним предстоящего процветания страны, являющееся необходимой психологической предпосылкой к преодолению демологического кризиса, к увеличению брачности и фертильности женского населения, не только за счет большого числа перворождений, но и за счет постепенного роста среднего числа детей в каждой семье.

Ответственная задача возложена на органы коммунального хозяйства, призванные обеспечить достаточно высокий стандарт жилищно-бытовых условий, что совершенно необходимо для укрепления семьи как таковой и увеличения числа многодетных семей, единственно способных обеспечить рост населения в целом.

На сельском хозяйстве и промышленности лежит обязанность в сжатые сроки восстановить производство в полных размерах и дать ши-

роким массам достаточное количество продуктов питания и промышленных товаров, необходимое не только для восстановления довоенного материального уровня жизни, но и для повышения его до степени полного удовлетворения всех нормальных потребностей трудящихся масс.

Особенно важной и ответственной является роль органов здравоохранения на предстоящем этапе реконструкции страны.

Необходимость парализовать ухудшение баланса естественного движения коренного населения Латвии и обеспечить возвращение его на путь надежного роста, свойственного всем народам в условиях советского строя, ставит перед органами здравоохранения, а также и перед всей советской общественностью, серьезнейшую задачу сугубо бережного отношения к матери и ребенку, к вопросам улучшения условий труда и быта, сохранения здоровья подрастающего поколения, систематической борьбы со всеми факторами, повышающими общую и, в особенности, детскую смертность.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8. июля 1944 года предусматривает целый ряд мероприятий, способных при добросовестной и неукоснительной их реализации предотвратить дальнейшее ухудшение баланса естественного движения населения Латвии, повысить уровень плодovitости женского населения и выживания родившихся детей.

В этом аспекте особенное значение приобретают женские консультации системы Министерства здравоохранения, а также и ведомственных санслужб, на которые возложена обязанность, помимо непосредственной работы по охране материнства и младенчества, обеспечения реализации всех прав и привилегий, предусмотренных Указом.

Своевременная выплата пособий как по социальному страхованию, так и непосредственно из государственных средств, полная реализация женщинами установленного Указом права на отпуск по родам, права на дополнительное питание, получения комплекта белья для новорожденного и регламентированный трудовой режим — все это зависит от уровня охвата консультациями будущих матерей, от качества проводимой ими разъяснительной работы, от порядка и своевременности оформления установленной документации.

Структура консультаций вменяет им в обязанность облегчить матерям реализацию их законных прав во всех плоскостях, поэтому и юридической помощи в рамках консультативной организации (социально-правовые кабинеты), следует всегда уделять достаточное внимание, придавая ей по возможности профилактический характер.

Выполняя возложенную на нее задачу, женская консультация призвана обеспечить нормальное течение беременности, предупреждать аборты, помогать преодолевать неизбежную в относительно тяжелых после-

военных условиях болезнь связанных с материальством тягот и забот, и — в конечном итоге — таким образом содействовать увеличению фертильности женского контингента, росту семьи.

На следующем этапе учреждения системы Министерства здравоохранения — ясли, молочные кухни, детские консультации и проч. — призваны вести повседневную борьбу за снижение увеличившейся во время немецкой оккупации, а также и в связи с потрясениями переходного периода, детской смертности, борьбу за жизнь буквально каждого новорожденного.

Необходимо немедленно добиться перелома в застрявшей уже в течение целого года на уровне 13—14% кривой детской смертности, добиться не только возвращения ее к прежнему, обычному для Латвии уровню в 7—8%, но и дальнейшего снижения, вполне возможного в условиях сравнительно высокого уровня санитарной культуры республики, укрепляемой широким размахом советских санитарно-профилактических мероприятий.

Необходимо помнить, что показатель детской смертности является той точкой, к которой советские педиатры, санитарные врачи и организаторы здравоохранения могут приложить могучий рычаг мероприятий, основанных на знании дела, чувстве долга и ответственности за жизнь каждого новорожденного и за будущее нашей Родины.

Функции учреждений системы здравоохранения по восстановлению нормальной демологической структуры населения Латвийской ССР.

Учреждение.	Содержание работы.	Охват. контингент.
--------------------	---------------------------	---------------------------

1. По увеличению фертильности населения:

Женские консультации.	Полный охват беременных всеми видами профилактического обслуживания. Борьба с бесплодием и абортами.	Все женщины во время беременности.
Роддома. Родовспоможение на дому.	Обеспечение квалифицированного родовспоможения. Снижение до минимума материнской и детской родовой смертности.	Все роженицы в городах и на селе.
Здравпункты на предприятиях.	Улучшение условий труда и личной гигиены женщины на производстве. Патронаж беременных до и во время декретного отпуска.	Все трудящиеся женщины в промышленности.

2. По снижению детской смертности:

Детские консультации.	Патронаж со дня рождения до 3-х летнего возраста. Контроль за правильным вскармливанием и нормальным развитием. Лечебная помощь амбулаторно и на дому.	Все дети в возрасте от 0 до 3-х лет.
Донорские и сливные пункты.	Обеспечение грудного молока детям раннего грудного возраста при отсутствии такового у матери и по медицинским показаниям.	Грудные дети по врачебным показаниям.

Здравпункты на предприятиях.	Обеспечение соответствующих условий кормящим матерям.	Матери на производстве после окончания декретного отпуска.
Молочные кухни.	Отпуск доброкачественных молочных смесей и детского питания.	По медицинским показаниям (индикации детконсультаций).
Детясли.	Образцовый режим с обеспечением необходимых условий для нормального развития детей работающих матерей.	Дети трудящихся женщин в возрасте от 42 дн. до 3-х лет.
Дома младенца.	Создание нормальных условий для развития детей младшего возраста.	Сироты и дети одиноких матерей в возрасте от 0 до 2—3 лет.

3. По снижению смертности детей и подростков и по обеспечению их нормального развития.

Детконсультации и детполиклиники.	Санпросветработа. Профилактические прививки (оспа, дифтерия). Оказание своевременной квалифицированной леч. помощи.	Все дети до 14 лет.
Коровые пункты.	Производство и распределение коревой сыворотки.	Лечебное и профил. примененно согласно инструкции.
Школьные врачи.	Регулярный профил. осмотр и консультация, санпросветработа, предварительный санаторно-курортный отбор.	Все организованные детские контингенты: детсады, школы всех типов.
Школьная ГСИ.	Надзор за гигиеническим режимом в школах.	Все организованные детские контингенты: детсады, школы всех типов.
Здравпункты и подростковые кабинеты.	Надзор за соблюдением правил охраны труда подростков. Антропометрические наблюдения и регулярные осмотры.	Подростки на производствах.

4. По снижению общей и специальной заболеваемости и смертности (увеличение средней длительности жизни):

Вся сеть лечебных учреждений. Обеспечение ранней диагностики и квалифицированного лечения. Широкое применение диспансерного метода и своевременное направление в санатории и курорты. Все население.

Сан. - противоэпидемиологическая организация. Руководство санпросветработой, организация прививок. Повышение уровня санитарного состояния населенных мест.

Медшколы, мединституты и научно-исследовательские учреждения. Широкое освещение в педагогическом процессе вопросов воспроизводства населения и борьбы за снижение смертности. Студенты и учащиеся

Разработка научно-исследовательской тематики по демографическим вопросам.

Приложение 2

Расчет коэффициента чистого воспроизводства по Кучинскому для Латвии по данным 1942/43 г. г.
(в скобках показатели для Голландии по Боярскому)

Возраст (x)	Фертильность	49% от нее Ф (x)	Сумма чисел живущих*	Нетто коэффициент воспроизводства
1	2	2	4	5
15—19	26,7 (12,3)	13,1 (6,0)	4,34 (4,67)	56,855 (28,020)
20—24	112,9 (91,6)	55,3 (44,3)	4,25 (4,63)	235,028 (205,109)
25—29	165,9 (165,6)	81,3 (80,2)	4,18 (4,58)	329,838 (367,316)
30—34	122,2 (153,6)	59,9 (74,3)	4,08 (4,53)	244,394 (336,579)
35—39	74,0 (111,1)	36,3 (53,8)	3,99 (4,46)	144,833 (239,948)
40—44	27,1 (51,7)	13,3 (25,0)	3,99 (4,38)	51,736 (109,500)
45—49	2,2 (5,3)	1,1 (2,6)	3,78 (4,28)	4,158 (11,128)
Σ	531,0 (571,2)	260,3 (286,2)	—	1066,841 (1297,600)

*) По таблице смертности 1934/1936 г. г.

Расчет рождений и смертей в Латвийской ССР за 1944 и 1945 г. г. по оккупированной и освобожденной территориям

	Родилось (в тыс.)								Умерло (в тыс.)								Жизн. индекс	
	1944			1945					1944			1945						
	1. полугодие	2. полугодие	Всего	1. полугодие	3. кварт.	4. кварт.	Всего	В т. ч. до 1. сент.	1. полугодие	2. полугодие	Всего	1. полугодие	3. кварт.	4. кварт.	Всего	В т. ч. до 1. сент.	1944	1945
Оккупирован. территория	17,0	8,0	25,0	4,0	—	—	4,0	4,0	16,0	7,0	23,0	3,3	—	—	3,3	3,3	1,08	1,21
Освобожден. территория	—	8,0	8,0	12,2 (11,9)	7,4 (7,5)	5,7 (6,8)	25,3 (26,2)	18,1	—	17,0	17,0	14,4 (14,1)	7,8 (7,8)	9,1 (10,3)	31,3 (32,2)	19,6	0,44	0,80 (0,81)
Всего	17,0	16,0	33,0	16,2	7,4	5,7	29,3	22,1	16,0	24,0	40,0	17,7	7,8	9,1	34,6	22,9	0,81	0,84

Цифры в скобках: Уточненные данные органов ЦСУ за 1945 год.

Смертность на 10.000 населения соответственно возраста и пола по гор. Рига 1940, 1941, 1945
(по всем болезням)

Возрастная группа	1940					1941					1945					Сила смертности 1945 г. (1940 = 100)		
	М	Ж	В среднем	Относит. сила смертности	Отношение смертности ж/м 1:	М	Ж	В среднем	Относит. сила смертности	Отношение смертности ж/м 1:	М	Ж	В среднем	Относит. сила смертности	Отношение смертности ж/м 1:	М	Ж	В среднем
—1	1000,0	835,2	917,6	29,9	1,209	1461,1	1341,1	1401,1	32,8	1,089	545,8	1365,2	1455,5	17,5	1,132	154,5	163,4	158,9
1—14	321,0	242,0	281,0	9,1	1,326	353,0	336,0	344,0	8,0	1,050	845,0	711,0	778,0	9,3	1,188	263,2	293,8	278,5
15—29	35,6	26,3	30,9	1,0	1,353	58,4	27,1	42,7	1,0	2,155	126,6	49,8	83,2	1,0	2,542	355,6	189,3	272,4
30—49	93,8	48,7	71,2	2,3	1,926	128,2	49,0	88,6	2,0	2,616	173,8	85,2	129,5	1,5	2,039	185,2	174,9	180,0
50—69	318,0	194,8	256,4	8,2	1,637	324,3	173,7	249,0	5,5	1,867	600,0	257,1	428,5	5,1	2,334	188,6	131,9	160,2
70—	1404,0	990,5	1197,2	38,6	1,417	1296,0	971,7	1133,8	26,5	1,333	1848,9	1571,5	1710,2	20,5	1,501	131,6	158,6	145,1
Всего	161,5	134,9	148,1			148,7	135,9	160,3			329,2	219,3	274,2			203,9	162,5	183,2

Расчет стандартизованной смертности 1945 г. по гор. Рига
(Стандарт — возрастно-половой состав 1940 года)

Возрастная группа	Мужчины					Женщины					В с е г о				
	Факт. число смертей 1945 г.	Кэфци. стандарт		Расчет. число смертей 1945 г.	Факт. число смертей 1940 г.	Рост смертн. в %	Факт. число смертей 1945 г.	Кэфци. стандарт		Расчет. число смертей 1945 г.	Факт. число смертей 1940 г.	Рост смертн. в %	Число смертей 1940 г.	Расчет. число смертей 1945 г.	Рост смертн. в %
—1	371	1,8	2,4	278	180	54,4	314	1,7/	2,3	232	142	63,4	322	510	58,3
1—14	203	28,3/	24,0	239	92	159,8	165	27,6/	23,2	196	67	192,5	159	435	173,5
15—29	172	44,0/	16,1	470	157	199,3	166	46,0/	33,3	229	121	89,2	278	699	151,4
30—49	617	45,3/	35,5	787	425	85,1	432	65,2/	50,7	555	318	74,5	743	1342	80,6
50—69	1014	28,8/	16,9	1728	916	88,6	859	40,8/	33,4	1049	795	31,9	1711	2777	62,3
70—	906	5,0/	4,9	924	702	31,7	1383	11,7/	8,8	1838	1159	58,6	1861	2762	48,4
Всего	3282	—		4426	2472	720	3819	—		4099	2602	57,5	5074	8525	68,0

Таблица рангов основных причин смерти по г. Рига
в 1940, 1941, 1945 г. г.
(распределение первых 6 мест)

Группа болезни	Болезни серд. сосуд. системы			Туберкулез легких			Насильственн. смерть			Злокачеств. опухоли			Артериосклероз и апопл.			Воспаление легких			Травма			Старческая дряхлость				
	о	м	ж	о	м	ж	о	м	ж	о	м	ж	о	м	ж	о	м	ж	о	м	ж	о	м	ж		
1940	1	1	1	5	2	6	6	—	—	2	3	2	4	5	3	3	4	5	—	—	6	—	4			
1941	1	1	1	5	3	6	2	2	—	4	5	3	—	—	4	6	4	5	—	6	—	3	—	2		
1945	1	1	1	3	2	6	—	—	—	5	6	3	—	—	5	4	4	4	6	3	—	2	5	2		

О — показатель общий
М — показатель для мужчин
Ж — показатель для женщин

Перечень литературы:

1. **Александров, Г.** — Об истории учения о развитии общества. «Большевик», 1945 № 23—24.
2. **Биншток, В. И.** — Военные потери России в войну 1914/17 г. г. «Общественный врач», 1922, № 2.
3. **Боярский, А. Я.** — Курс демографической статистики. Госпланиздат, Москва, 1945.
4. **Бызов, Л. А.** — Графические методы в статистике, учете и планировании. Госпланиздат, 1940.
5. **Всесоюзная перепись населения 1926 г.**, том XVII. изд. ЦСУ СССР, Москва, 1929.
6. **Габрилович, М. А.** — Санитарные последствия гитлеровской оккупации БССР и первоочередные мероприятия по ликвидации этих последствий. «Гигиена и санитария», 1945, № 4/5.
7. **Добрейцер, И. А.** — Материалы по движению населения в разных странах. «Вестник современной медицины», 1927, № 14.
8. **Караффа-Корбут, К. В.** — Евгеническое значение войны. «Врачебная газета», 1922, № 3/4.
9. **Кувшинников, П. А.** — Некоторые данные по естественному движению населения в течение первой четверти XX. века. «Гигиена и эпидемиология», 1928, № 1.
10. **Кувшинников, П. А.** — Материалы по изучению санитарных последствий войны 1914—1918. «Известия Наркомздрава РСФСР», 1921, № 5/6.
11. **Куркин, П. и Курман, М.** — Рождаемость. Большая медицинская энциклопедия, том XXIX.
12. **Куркин, П. И.** — О формах разработки материалов по естественному движению населения. «Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебных организациях Московской губ.», 1908, № 7.
13. **Куркин, П. И.** — Потери населения Московской губернии в мировую войну 1914—1917 г. г.
14. **Куркин, П. И.** — Современная эволюция понятия естественного и механического движения населения. «Гигиена и эпидемиология», 1931, № 8/9.

15. **Куркин, П. И. и Курман, М.** — Смертность. Большая медицинская энциклопедия, том XXXI.
16. **Лубы-Герцык, Л. И.** — Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. Госпланиздат, 1926.
17. **Маркузон, Ф. Э.** — Последствия мировой войны в Западно-Европейских странах. «Общественный врач», 1922, № 2.
18. **Новосельский, С. А.** — Демография. Большая медицинская энциклопедия, том VIII.
19. **Новосельский, С. А.** — Влияние войны на естественное движение населения. «Общественный врач», 1917, № 6/8.
20. **Новосельский, С. А.** — Война и естественное движение населения. «Общественный врач», 1915, № 1.
21. **Новосельский, С. А.** — Естественное движение населения в России и Европе в годы мировой войны. «Общественный врач», 1922, № 2.
22. **Новосельский, С. А. и Паевский, В. В.** — О сводных характеристиках воспроизводства и перспективных исчислениях населения. Труды демографического института Академии Наук, 1933, том I.
23. **Обвинительное заключение по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР.** — Рига, ВАШ, 1946.
24. **Паевский, В. В.** — Об измерении смертности мигрирующих масс населения. Труды демографического института Академии Наук, 1933, том I.
25. **Паевский, В. В. и Новосельский, С. А.** — К вопросу о выравнивании возрастных группировок. Труды демографического института Академии Наук, 1933, том I.
26. **Паевский, В. В. и Яхонтов, А. П.** — О применении анамнестических методов в демографии. Труды демографического института Академии Наук, 1933, том I.
27. **Принцинг, Ф.** — Война и детская смертность. «Профилактическая медицина», 1924, № 9/10.
28. **Птуха, И.** — Очерки по истории статистики XVII и XVIII веков. Госполитиздат, 1945.
29. **Ресле, Д. Е.** — Значение демографии и санитарной статистики для практической и социальной гигиены. «Профилактическая медицина», 1924, № 1/2.
30. **Смулевич, Б.** — Две системы — два закона населения. «Советская врачебная газета», 1935, № 20.

31. Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях немецких захватчиков на территории Латвийской ССР — Рига, ВАИШ, 1945.
32. Томилин, С. А. — Социально-гигиеническая оценка проблемы рождаемости. «Профилактическая медицина», 1925, № 11.
33. Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 г. г. под. ред. Гран, М. М., Куркина, П. И. и Кувшинникова, П. А. — том I, Наркомздрав РСФСР, Госиздат, 1923.
34. Френкель, З. Г. — Грядущие проявления неотвратимых демографических последствий войны 1914—1918 г. г. «Профилактическая медицина», 1924, № 5/6.
35. Уиппл, Дж. Ч. и Новосельский, С. А. — Основы демографической и санитарной статистики. Медгиз, 1929.
36. Урланис, Б. И. — Рост населения в Европе. Госполитиздат, 1941,
37. An act relating to vital statistics — Edished by Commonwealth of Pennsylvania.
38. Baidiņš, A. — Kriminālais aborts un dzimstības samazināšanās Latvijā. Latvijas ārstu žurnāls, 1924, Nr. 6/7.
39. Biraud, I. M. — Health in Europe. League of Nations. „Bulletin of the Health Organisation“. Vol. 10 Nr. 4, 1943/44.
40. Bortkiewicz, A. — Die Sterbeziffern und der Frauenüberschuss in der stationären und in der progressiven Bevölkerung. „Bulletin de l' Institut international de statistique“, 1911.
41. Burgdoerfer, F. — Geburtenschwund — die Kulturkrankheit Europas. Vowinckel-Verlag 1942.
42. Dieuaide, L. — Civilian Health in Wartime. New-York, 1942.
43. Doering, C. — Bevölkerungsbewegung im Weltkrieg. „Archiv für soziale Hygiene und Demographie“, 1920, Bd. XIII, 4. Heft.
44. Dublin, L. — Health and Wealth. Harper and br., New-York and London, 1928.
45. Dougall, G. D. A. Mac — Inter-War Population Changes in Town and Country. Journal of the Royal Statistical Society, Vol. CIII, Part. I, 1940.
46. Elster, H. — Bevölkerungslehre. Handwörterbuch der Staatswissenschaften, Bd. II., Jena, 1924.

47. **Fischer, A.** — Der Frauenüberschuss. „Archiv für soz. Hygiene“, Bd. VII.
48. **Galvas pilsētas Rīgas statistiskā gada grāmata — 1937.**
49. **Handrack, H. Dr.** — Rīgas natūrlieche Bevölkerungsbewegung, 1911—1930, Walter u. Rapa, Riga, 1932.
50. **Jung-Stilling, F.** — Material für Statistik der Geburten 1881—1885.
51. **Jung-Stilling, F.** — Beitrag zur Bevölkerungsstatistik Livlands 1847—1863. Riga, 1866.
52. **Jung-Stilling, F.** — Ergebnisse der livländischen Volkszählung vom 29. XII. 1881, Bd. I. u. III.
53. **Keiter, R.** — Die menschliche Fortpflanzung, Leipzig, 1943.
54. **Kuczynski, R. R.** — The Balance of Birth and Death. Vol. I. New-York, 1928. Vol. II. Washington, 1931.
55. **Latvijas Statistikas gada grāmata — Izd. 1920.—1939.**
56. **Latvijas PSR Tautsaimniecības Statistikas Pārvalde** — Statistiskas tabulas, Rīgā, 1940.
57. **Mayr, G.** — Statistik und Gesellschaftslehre. Bd. II., Tübingen, 1926.
58. **Milenbachs, V.** — Zīdaiņu mirstība un iedzīvotāju kustība Rīgā, 1911—1924. „Latvijas ārstu žurnāls“, 1926, Nr. 3/4.
59. **Newsholme, A.** — The Elements of Vital Statistics. G. Allen and Unwin Ltd. London, 1923.
60. **Ogburn, W. F.** — War, Babies and the Future. Public Affairs Commitee, New-York, 1943.
61. **Pārskati par tautas veselības stāvokli** — Izd. 1922—1929, Veselības departamenta izdevums.
62. **Prinzing, F.** — Handbuch der medizinischen Statistik, Jena, 1936.
63. **Rauber, A.** — Der Ueberschuss an Knabengeburtten, Leipzig, 1900.
64. **Reichert, F. Dr.** — Das Geschlechtverhältnis der Neugeborenen. Allgem. Stat. Archiv, Bd. XXVIII. Heft 2, 1938.
65. **Riedl, F.** — Ergebnisse einer Bevölkerungsaufstellung. Archiv f. Bevölkerungswissenschaft u. Bevölkerungspolitik, Bd. VI., 1936.
66. **Rumelin, A.** — Bevölkerungslehre, Hanbuch der politischen Oekonomie, IV. Aufl. Bd. I.,

67. **Schorer, E.** — Das Bevölkerungspotential. Archiv f. Bevölkerungswissenschaft und Bevölkerungspolitik, Bd. I 1940.
68. **Schorer, E.** — Die Bevölkerungsdynamik. Schmollers Jahrbuch f. Gesetzgebung, Verwaltung u. Volkswirtschaft, 63. Jahrg. Heft 4, 1939.
69. **Schrenk, B.** — Beiträge zur Statistik der Stadt Riga. Rigas natürliche Bevölkerungsbewegung in d. Jahren 1881—1911. Riga Müller, 1913.
70. **Schrenk, B.** — Zur Frage des Geburtenrückganges u. der sinkenden Sterblichkeit. Beiträge zur Statistik d. Stadt Riga, Bd. II. Riga, Mueller, 1914.
71. **Schrenk, B.** — Beiträge zur Statistik der Stadt Riga 1901—1913. Bd. I. und II.
72. **Schulze-Manitius, H.** — Bevölkerungsstatistik im Bilde, K. Vowinckel, 1943.
73. **Skujenieks, M.** — Latvijas Statistikas Atlāss. 1938.
74. **Skujenieks, M.** — Latvija, Zeme un iedzīvotāji. III. izd. Rīgā, 1927.
75. **Skujenieks, M.** — Latvija starp Eiropas valstīm.
76. **Société des Nations, Geneve, Statistiques de la population active, 1938.**
77. **Starodubskis, L. V.** — Tautas dzīvā spēka pieauguma bilances. Ekonomists 1937. g. 8. burtn.
78. **Starodubskis, L. V.** — 1937. gada dzimstības demoloģiskais vērtējums. Ekonomists, 1938, Nr. 17.
79. **Statistische Berichte für den Generalbezirk Lettland.** Lettländisches Statistisches Amt. 1942 und 1943.
80. **Statistische Berichte für das Ostland.** 1944, Heft 1 —, 4, 5—7.
81. **Stieda und Schwarz** — Ergebnisse der Volkszählung in Riga. 1913.
82. **Tautas veselības statistika** — Izd. 1927—1938. Sastād. A. Vanags, V. Salnītis, V. Salnājs, M. Skujenieks. Valsts Stat. Pārv. izd.
83. **Ungern-Sternberg, R. v.** — Der Krieg und der Bevölkerungsschwund in Frankreich, Jahrbuch f. Nationalökonomie u. Statistik. Bd. 150, 139.
84. **Vaerting, M.** — Der Männermangel nach dem Kriege. Muenchen, 1917.

85. **Valsts Statistiskā Pārvalde** — Ceturtā tautas skaitīšana Latvijā. 1935. g. I. d. V. Salnītis un M. Skujenieks.
86. **Valsts Statistiskā Pārvalde** — Ceturtās tautas skaitīšanas darba gaita. Rīgā, 1935.
87. **Valsts Statistiskās Pārvaldes mēneša biļetens**. 1938, II. burt. „Latvijas iedzīvotāju mirstības tabulas“, 1934—1936.
88. **Wolf, G.** — Zur Standardisierung der Sterblichkeitmessung nach dem Kriege. Archiv f. soziale Hygiene u. Demographie. 1928. Nr. 4.

Перечень диаграмм и таблиц

ДИАГРАММЫ и КАРТОГРАММЫ.

	Стр.
1. Направление основных миграционных потоков в ЛССР 1939—1945	41
2. Баланс естественного и механического движения населения ЛССР по уездам 1939—1943	49
3. Первичные сдвиги в территориальном распределении населения ЛССР к моменту освобождения	51
4. Вторичные сдвиги в распределении населения ЛССР по уездам — после освобождения	52
5. Сравнительный уровень и диапазон рождаемости и смертности в группировке по величине страны	54
6. Повозрастная плодовитость населения Латвии 1934—1945	56
7. Влияние войны на кривую брачности	60
8. Естественное движение населения Латвии 1920—1945	66
9. Эволюция показателей естественного прироста населения Латвии 1934—1943 г. г.	76
10. Динамика численности населения Латвии 1800—1944	105
11. Движение населения в некоторых странах Европы после первой мировой войны	107
12. Убыль населения Латв. ССР 1939—1945 г. г.	110
13. Влияние войн на процесс урбанизации Латвии	115
14. Население городов республиканского значения 1941-1944/45	116
15. Динамика коэффициента ж/м 1897—1944-45	118
16. Изменение коэффициента ж/м 1930—1945 г. г. в 5-ти годовичных возрастных интервалах	119
17. Изменения коэффициента ж/м 1935—1945 г. г. по 3-м основным возрастным группам	121

	Стр.
18. Укрупненная возрастная пирамида 1935-1943-1944/45 г. г.	124
19. Укрупненная возрастная пирамида населения Латвии после I и II мировой войны	125
20. Возрастная структура населения Латв. ССР 1935—1943 г.	129
21. Возрастная структура населения Латв. ССР 1943 г.	130
22. Возрастная структура населения Латвии в 1897 г.	131
23. Убыль населения Латв. ССР по 3-м основным возрастным группам 1941—1944/45 г. г.	134

Т А Б Л И Ц Ы :

1. Динамика брачности населения Латвии 1940/41—1942	57
2. Естественное движение населения Латв. ССР с 1938-1945 г.	59
3. Эволюция показателей рождаемости по городу и селу 1935—1944 г. г.	61
4. «Жизненный показатель» населения Латвии с 1920-1945 г.г.	67
5. Коэффициент м/ж новорожденных и процент мертворожденных 1938—1945 г. г.	69
6. Диапазон колебаний основных показателей естественного движения населения Латвии 1936—1942 г. г.	73
7. Показатели наглядности естественного движения городского населения Латвии 1936—1942 г. г.	74
8. Эволюция истинных показателей естественного движения населения Латвии 1934—1943 г. г.	75
9. Эволюция повозрастных показателей населения Латвии 1934—1942/43 г. г.	79
10. Контрольные цифры к демографическому балансу Латв. ССР с 1939 по 1945 г. г.	86
11. Динамика населения Латв. ССР 1941—1945 г. г. по уездам и городам республиканского значения	111
12. Изменения коэффициента ж/м 1935—1945 г. г.	120
13. Структура населения Латв. ССР 1935—1945 г. г.	123

	Стр.
14. Распределение населения Латвии по 3-м основным возрастным группам за 1935—1944/45 г. г.	126
15. Первичные после освобождения изменения состава населения Латв. ССР	136

В приложении:

1. Расчет коэффициента чистого воспроизводства по Кучинскому для Латвии по данным 1942/43 г. г.	151
2. Расчет рождений и смертей в Латвийской ССР за 1944 и 1945 г. г. по оккупированной и освобожденной территориям	152
3. Смертность на 10.000 населения соответствующего возраста и пола по г. Рига, 1940, 1941 и 1945 г. г. (по всем болезням)	153
4. Расчет стандартизованной смертности 1945 г. по г. Рига .	154
5. Таблица рангов основных причин смерти по г. Рига 1940—1941—1945 г. г.	154